

ДЕТИ ОДНОГО СОЛНЦА

КНИГА ПОКЛОННИКОВ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор-составитель: Ольга Лехтонен

Москва – Санкт Петербург, 2009
«ГЕЛИКОН ПЛЮС»

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Вначале был kinoman.net.

Неповторимая объединяющая атмосфера этого интернет-портала, бурные дискуссии на форуме, развиртуализации у Стены на Арбате, коллективные поездки в Петербург... В какой-то момент появилась идея собрать и издать все, что поклонники посвящали Виктору: рисунки, песни, письма, стихи, рассказы. Поделиться своими мыслями, историями в стиле «как я дошел до жизни такой», почему Цой значит для меня так много... Собрать, сохранить. Конечно, прежде всего ради ЕГО светлой памяти. Но и для самих себя: ведь время безжалостно. Оно неумолимо несетя вперед, отнимая у нашей несовершенной памяти драгоценные мелочи и подробности, столь дорогие сердцу...

Когда дело дошло до реального воплощения идеи в жизнь, возникло множество трудностей. Очень многие, к кому я обращалась за материалами, ответили мне: да, замечательная идея, очень хочется помочь, но... Не получается. Очень трудно говорить. Чувствам тесно, а словам пусто. Извините... Я, конечно, не в обиде: на своем опыте знаю, насколько тяжело объяснить необъяснимое. В «киномании» всегда было нечто, что не лезло ни в какие ворота. Не укладывалось ни в какие рамки, схемы и слова. Ни научные исследования, ни многочисленные эзотерико-религиозные измышления не дали даже исчерпывающего определения «киномании». Не говоря уж об объяснении. Главное – неумовимо...

Конечно, стороннего наблюдателя вполне устраивают примитивные определения. Фанатская болезнь, психическая неполноценность – самые общеупотребительные стереотипы. Ну, да. Просто и понятно – психи. Что с них взять? Да, нас уже 20 с лишним лет презрительно клеймят «фанатами». За такой солидный срок мы уже притерпелись к идиотскому слову, как к неизбежному злу. А что толку спорить? Как объяснишь посторонним, что творится внутри? Как дать понять, что Цой для нас – боль неиссякающая, сила непреодолимая, свет неопишумый? Как выразить то, что растворилось в крови, проникло в каждую клетку организма, в каждый нерв, в каждый уголок сознания? Мы или молчим, или парируем: «Что с того, мы немного того?». ЕГО словами отругиваемся...

Каждое слово в этой книге далось очень тяжело. Это плод труда многих лет. Все выстрадано, выношено, вырвано из сердца. Написано горячей кровью. Сердцем по шершавым плитам заборов и переулков. Чернилами по бесконечным листкам писем, дневников, черновикиков...

Здесь – все настоящее. Проверенное почти двумя десятилетиями нашей верности, нашей боли и памяти. Нашей личной жизнью проверенное. Эта книга – конечно, только верхушка айсберга, ибо есть такие тайны человеческих сердец, которые невозможно рассказать никому (именно поэтому некоторые авторы просили меня не выдавать их настоящие имена. Тайна исповеди священна, поэтому многие произведения подписаны лишь псевдонимом или интернет-никнеймом). Не все можно преобразить в буквы и запятые. Но нужно рассказать хотя бы то, что возможно, потому иначе нельзя до конца понять, кем был и остается для нас на протяжении четверти века Виктор Цой.

У каждого из нас в груди – незаживающая рана. У кого-то «стаж болезни» уже почти 20 лет, у кого-то 10, кто-то слушает ЕГО песни лишь 2–3 года. Но ему, молодому и зеленому, от трагедии 15.08.90 также больно. «У меня есть рана, но нет бинта». Да. Если за 19 лет боль не утихла, то это уже – пожизненный диагноз. С этим придется смириться также, как инвалиду приходится привыкать жить без рук или глаз...

По 100 тысяч раз каждому из нас приходилось слышать «не сотвори себе кумира». Опять отругиваешься. Елки. А как объяснишь? Ведь кумир – это твердокаменный идол. Его не любят – ему тупо кланяются. От него откальвают кусочки на сувениры. Его используют себе во благо. За его счет решают свои проблемы. А для нас Цой – живой, самый близкий, самый родной человек! И мы не поклоняемся Вите, а *впитываем* его. Из воздуха нельзя сделать идола – воздухом можно только дышать...

Это объяснимо только одним словом. Тем, что выше границ, условностей и часовых поясов. «Цой жив!» – это не просто слова на заборе. Это суть того, что происходит с нами после его гибели уже почти 20 лет: его душа оказалась сильнее смерти. Черный август, укравший у нас его тело, не смог украсть его самого. Мы потеряли возможность видеть его на концертах и слышать его новые песни, но мы не перестали общаться с ним. Безо всяких оккультных столоверчений, гаданий и медиумов. – Просто едешь на Богословское кладбище, касаешься гранитной плиты на его могиле, а потом долго-долго молчишь. И понимаешь вдруг, что он – жив, а могила это всего лишь условность «мира сего». И даже проще: выходишь вечером на улицу, включаешь плеер на полную громкость, смотришь, как вспыхивают в небе звезды, вдыхаешь полной грудью свежий воздух. И граница между этим и «тем» светом с треском падает. Ты – слышишь его. Понимаешь. Говоришь с ним.

Факт его гибели никого не остановил: мы научились видеть ЕГО сквозь пелену смерти. Смотреть сквозь слезы на солнце. Любить вопреки ужасу и боли. Дышать несмотря на дыру в груди. Писать заклинание

«Цой жив!» вопреки всякому здравому смыслу.

Вы помните, какая единственная сила способна победить смерть? Правильно, Любовь. Которая никогда не перестает. «А мне приснилось – миром правит любовь»...

Никакое это не фанатство. Не идолопоклонство. Не кумиротворение. Не культ. Это та сила, которая творила мир, которая испокон веков делала из подонков – святых, из трусов – героев, из безмозглых обывателей – настоящих людей. Любовь.

Я знаю, что в наше время очень модно быть циником. Принято уметь все осмеивать, ниспровергать и подвергать сомнению, все критиковать, везде искать подвохи и изъяны. Поэтому поясню сразу: не ищите здесь художественных совершенств. Не имеет смысла оценивать эту книгу с точки зрения литературы, фотодела или живописи, ибо у нас были совершенно нехудожественные цели. Здесь – только наша искренность, любовь, память, верность, уважение, вера. Боль и свет. Поэтому прошу: если даже дочитав до конца, вы не поймете нас, то хотя бы остерегитесь глумиться. Промолчите. Оставьте нас наедине с НИМ. И пройдите мимо... Пожалуйста.

осень, 2009 год.

НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

21 июня 1962 года - Виктор Цой родился в Ленинграде.

15 августа 1990 года - Виктор погиб в автокатастрофе в Латвии, на 35-м километре трассы Слока-Талси.

12 часов 28 минут (время московское) - время гибели Виктора. 15 августа для «киномана» это минута молчания.

Километр (обычно с большой буквы) - так «киноманы» говорят про место гибели Виктора.

БК - сокращенно: Богословское кладбище в Петербурге, где похоронен Виктор.

«Камчатка» - бывшая котельная в Петербурге, где Виктор работал кочегаром. Ныне - клуб-музей.

Стихи, помеченные знаком ноты, являются текстами песен.

ПОЛЕЗНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

www.kinoman.net - сайт поклонников Виктора Цоя

yahha.com - официальный сайт Рашида Нугманова

www.kino.rockvideo.ru - сайт поклонников Виктора Цоя

www.tsoybook.com - сайт книги «Дети одного солнца»

ДО СИХ ПОР ОН – САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ

Автор: ДИАНА РУСОВА

Я училась в 10-м классе, слушала в основном зарубежное диско. Случайно увидела по ТВ (кажется, во «Взгляде») что-то вроде трейлера «Иглы». Не могла оторваться от экрана. Потом (1989 год) на экраны вышла «Игла», ходили всем классом. Ходили, собственно, на Цоя. То, что это в принципе очень достойное кино, поняла уже гораздо позднее. В доме появился альбом «Группа крови», который меня не на шутку зацепил буквально всем: словами, музыкой, голосом Цоя, настроением, мироощущением, формой выражения мыслей... В общем, я поняла, что это – абсолютно мое, без оговорок. Параллельно я слушала и «Наutilus», и «Алису», и многое другое, но все это так и осталось на уровне музыки, «Кино» же стало жизненной философией, ориентиром и толчком к размышлениям о смысле жизни. Конечно, в первую очередь благодаря личности самого Цоя, которого я приняла от и до, от стиля, голоса, внешности и жестов до жизненной позиции. В начале зимы 1989 года (я уже училась на 1-м курсе) у меня появился альбом «Звезда по имени Солнце», который я заслушала почти до дыр. До сих пор он – самый любимый. Когда в конце весны 1990 года в Риге появились афиши гастролей «Кино», я тут же помчалась за билетами, несмотря на сессию. 13 июня на стадионе «Даугава» я пережила что-то вроде катарсиса. Концерт был недолгим, качество звука – чудовищным, но все это не имело никакого значения, потому что на сцене посреди стадионного поля были четыре человека в черном: Гурьянов, Тихомиров, Каспарян и Цой. Этот концерт стал одним из самых ярких событий в моей жизни, именно после него я начала собирать все, что связано с «Кино». Альбомы, вырезки из газет и журналов. Подруга отдала мне один из самых популярных прижизненных плакатов, который я везла домой, как самое дорогое сокровище. Я мечтала о том, как еще не раз схожу на их концерты, как буду радоваться новым альбомам...

А потом было 15 августа. И стало непонятно, как и зачем жить дальше, ведь не стало лучшего друга и очень дорогого человека. Не стало любимой группы, впереди – ничего, ни концертов, ни новых песен... Удивительно, но помогли выстоять именно песни «Кино», хотя первые полгода я вообще не могла прийти в себя, все время плакала. А потом все было, как у всех: черный прикид на много лет, цветы, значки, плакаты, жутчайшего качества записи, добытые правдами и неправдами вырезки из газет и журналов, купленные за бешеные деньги у алчных фотографов фотографии, поездки на Километр, в Питер, на кладбище, на Камчатку, к дому возле Парка Победы, на проспект Ветеранов, кон-

целты памяти, знакомства с такими же ушибленными его смертью, с его мамой, с Марьяной, прошмыгивания сквозь кордоны охраны, чтобы после концерта ДДТ подарить Игорю Тихомирову цветы и сказать «спасибо»... Много безумств было, но благодаря Цою было столько светлого и хорошего, столько людей замечательных появилось в моей жизни!

Поэтому теплая благодарность – то, что навсегда останется в моем сердце по отношению к Виктору и всей группе...

******* *На гибель Виктора Цоя*

Автор: Диана Русова

В окно ворвался августовский ветер,
 Принес потери холод, тьму и пустоту,
 И мы – осиротевшие вдруг дети,
 И слезы горькие не сохнут на ветру.
 Не надо плакать, ведь у нас есть память
 О самом лучшем и достойном из людей.
 Пока мы помним, он пребудет с нами,
 И над землей сквозь время слово «верь»!
 Возьмемся за руки, сыграем его песню
 И будем сильными, как завещал нам он.
 И поклянемся в верности ему все вместе:
 «Сегодня, как и прежде, Цой со мной!»
Сентябрь 1990.

Автор: Диана Русова

Петляет трасса Слока-Талси сквозь леса,
 И ветер мне поет все ту же песню,
 Как хорошо с тобой да плохо без тебя
 Здесь, на пороге за закрытой дверью.
 Не знаю я, что будет эпилогом
 У странной сказки, грустной, словно дождь,
 Но снова сердца стук зовет меня в дорогу,
 И снова о тебе напомним ночь...
1993.

Автор: Диана Русова

Так откуда взялась печаль,
Если так же сочится время,
И в окошке все та же даль,
И колотится сердце слева...
Только чуда больше не ждем,
Хоть целы на гитаре струны,
И подолгу стоим под дождем,
И шагаем прямо по лужам.
Позади второй год...
Сколько этих верст еще будет?
Сколько хриплых молитв под Звездой,
Сколько песен о том, кого любим?
Пусть нам нечего больше ждать -
Эта ночь без надежды на утро,
Дом стоит, и печаль жива,
И без слов мы пойдем друг друга.

Лето 1992.

ДОРОГА ИЗ ПИТЕРА

Автор: Диана Русова

Желтый поезд с грохотом мчится по рельсам,
Увозя меня прочь от холодных дождей,
От цветов на могиле, от серых проспектов,
От нахлынувших чувств, от надежды моей.
Мне так больно и пусто в тамбуре дымном,
Больше нет ничего, только Смерть и Любовь.
Вот опять без тебя был твой день рожденья,
И кино завершилось уже так давно.
И опять остается помнить и верить,
И жить, и любить по законам другим,
И слушать ночами все ту же кассету,
И желать одного: ничего не забыть.

25 июня 1993

От: «**Бэтман**» <@elsite.ru>

Кому: <@yandex.ru>

Тема: **Цой**

Дата: 16 декабря 2003 г. 22:40

СЦоя начался для меня русский рок, с Цоя начался я как сознательное существо... Всегда вспоминаю те времена с грустью и иронией, иногда впрочем и ужасаясь от мысли, что ведь, черт возьми, могло случиться – и не услышал бы Цоя вовсе.... Группа «Кино» стала откровением, взорвав изнутри подозрительную, сомневающуюся во всем мятежную подростковую душу.

Сейчас мне 20. Много чего испытано, передумано, пережито, переиначено... Начитался Бердяева, Блока, Бродского и еще много всяких на Б и на другие буквы алфавита.... Но начиналось все именно тогда. Год 1996. Декабрь. Мой приятель Мишка, с которым мы вместе посещали многострадальные курсы немецкого языка (и вполучили в итоге справки о прослушанных часах вместо дипломов), как-то пришел на занятия с плеером, в котором была какая-то задрипанная старая кассета... Я спросил: что это? Оказалось – «Кино». Название, конечно, слышал прежде, но все знание о группе ограничивалось лишь памятью о встречаемых еще в дошкольном детстве надписях краской на остановках и стенах домов типа: «Виктор! ты ушел, а песня осталась!» И вот – попросил у друга кассету. Из любопытства.

Ну вы представляете... мне скоро – 14. Вечер, зима, электрический свет холодного города и... «тем, кто ложится спать, спокойного сна...» Я был потрясен и уничтожен. Меня прежнего больше не существовало. Цой открыл новое видение мира, его тексты, в общем-то незамысловатые внешне, стали детонатором страшной силы.... Уже через несколько дней я распевал и мучал соседей криками «Перемен! Требуют наши сердца!» Черт возьми, блин, но это был дух времени, пресловутый Zeitgeist, первое пробуждение моего самосознания, революция духа... Что воспринималось близкими и знакомыми как-то скептически. Начали поговаривать, что я испортился, попал под чье-то тлетворное влияние. А тут еще эти курсы.... Пришлось на полмесяца «уехать в Сочи», чтобы не платить за занятия... Прикарманенные денежки я целиком потратил на кассеты «Кино» (тогда только-только начиналось цифровое переиздание альбомов группы)...

ГОЛОС СЕРДЦА

Автор: ОЛЕСЯ

Стоял теплый осенний день. Комната была наполнена золотисто-красным светом догорающего вечернего солнца. Он лежал на диване, закинув ногу на ногу. Ему было скучно. Он был дома один. Телефон молчал. А вокруг кипела жизнь, а у него было чувство, будто он находится в капсуле, будто какая-то оболочка отделяет его от внешнего мира. Он был болен, иногда его одолевали приступы кашля. Ужасно болело горло. Поэтому он запил свою боль и тоску коньяком. Он уже потерял счет таким дням. Когда о тебе никто не вспоминает, когда ты никому не нужен. Ему хотелось узнать, сколько времени, но не хотелось смотреть на часы – Он слишком устал от обыденности. Синий вечер пятиногим конем зашел в его комнату, прогоняя свет заката. В комнате стало сумеречно, но однако еще красивее. Было уже довольно поздно. Отхлебнув коньяку, он почувствовал прилив и сил и сказал себе: «Это мой день. Мое время. Пора действовать.» Сняв со стены гитару, он спрятал флягу с остатками коньяка во внутренний карман куртки. Когда он вышел на улицу, у него создалось впечатление, что он несколько лет просидел в заточении, на самом же деле, он не был на улице всего 4 дня. Смеркалось. Улицы города постепенно пустели. Даже в метро было немногочисленно. Так как автобусы уже не ходили, он решил пойти пешком. По пути он понял, почему пошел пешком – у него было время, но не было сил ждать. Он улыбнулся. Когда он дошел до Богословского кладбища, было уже почти темно, на город опустилась синяя прозрачная мгла. У ворот он посмотрел на черный портрет, нарисованный на белой стене. Она вбирала в себя свет, падающий из окон, и от этого портрет казался фантастическим, словно оживал. Возле могилы он сел на лужайку, покурил, положил одну сигарету на могилу. Было холодно. Холодно и тихо. Тишину иногда прорезал его отчаянный кашель. Замерзшие руки достали спички. Он развел костер. Он бросал свои отблески на памятник. Он заметил, что на фундаменте памятника – круглой гранитной плите – лежит целый ворох живых цветов. Цветы умирали. Ему было жаль цветы, но он ничем не мог им помочь. По всемирному закону подлости или по укладу природы, чем ярче зацветет цветок, тем раньше он должен умереть. Цой это доказал, уйдя на пике своего цветения. Вот он, его памятник, возвышается над гранитной плитой – с гордо поднятой головой, смотрящий вперед – таким, каким он был в жизни, таким, каким он ушел, ушел на пике цветения. Озябнув, он запахнул куртку и глотнул коньяку – он опьянел. Сняв с плеча гитару, он принялся подбирать какую-то мелодию, но у

него не получалось. Он искал по карманам медиатор, не нашел, поэтому принялся с подлинным усердием бить по струнам пришедшую на ум песню. Кровь багряными каплями летела с пальцев в темноту. А на лицевой стороне гитары уже обрисовался четкий неповторимый узор – «группа крови». Напал сильный приступ кашля. Он отпил еще коньяку, надеясь, что это как-то может помочь, но коньяк обжег ему разодранное кашлем горло. У него закружилась голова – теперь он был по-настоящему пьян. Он с остервенением сломал гитару о колено, отлетевшая щепка вонзилась ему в щеку – потекла горячая густая кровь. Схватившись за щеку рукой, он швырнул все, что осталось от гитары в костер, смотря на все это широко раскрытыми глазами. Струны обиженно брякнули. Казалось, это был голос друга, которого он подло предал. Отчасти это был так. Он допил коньяк и судорожно отбросил флягу, будто та была раскалена добела.

Он посмотрел на блики костра, играющие в плитке памятника. «ВИКТОР ЦОЙ» – было на нем написано. Его мысли понеслись калейдоскопом: «день... вечер... гитара... коньяк... могила...» Не в силах совладать с собой, он бросился к могиле, и, схватившись за небольшие крепкие прутья, влитые в круглую плиту, зарыдал. Его трясло, среди его всхлипываний можно было различить «Витя... Витенька... зачем?...» Он очнулся, когда было совсем темно, и костер уже погас, в воздух подымалась лишь тонкая изящная струйка дыма. Положив у могилу пачку с оставшимися сигаретами, он побрел к выходу. Но так как у него кружилась голова, он был пьян, а кладбище словно погрузилось на дно беспробудной тьмы, он зашагал совсем в другую сторону. Он не смотрел куда идет – он шел по памяти и очень удивился, подойдя к тому месту, где должен быть выход – он наткнулся на чью-то заброшенную могилу. Он нервно чиркнул сразу четырьмя спичками – кругом было целое море чужих могил. Ему стало не по себе. Ему казалось, что мертвые видят его, смеются над ним и готовятся его атаковать. Он попятился назад, он пытался найти дорогу если не к выходу, то хотя бы к могиле Цоя. Что может быть нелепее, чем заблудиться ночью на кладбище?! Он беспомощно, словно обиженный ребенок, протер глаза рукавами куртки, но впереди все равно простирались бесконечные могилы и, вперемешку с вековыми деревьями. Он решил, что будет лучше, если он подождет до утра – при свете выбраться отсюда будет гораздо легче, к тому же, ему хотелось спать. Он сел, прислонившись спиной на дерево, обхватил колени руками и опустил отяжелевшую голову. Ему было страшно, однако еще страшнее было продолжить путь по кладбищу. Он клялся, что больше никогда в жизни он не притронется к коньяку,

что больше никогда не пойдет сюда вечером. Вдруг он почувствовал, что кто-то словно взял его за руку и куда-то повел. Его глаза были застланы плотной пеленой, он не видел, кто и куда его ведет. Поэтому он готовился к худшему. Вдруг его проводник остановился – значит, пришли. Он открыл глаза: он стоял у ворот кладбища. Неизвестный привел его к выходу. И невысокие стены, выкрашенные белой эмалью стены, и сами ворота. И дом напротив – все приобретало призрачный оттенок из-за бархатно-шелкового синего света. Однако, можно было различить кое-какие очертания – видимо, уже светало.

– Ты должен идти домой, – он услышал за спиной спокойный хрипловатый голос, голос того, кто был погребен под круглой каменной плитой, того, кому воздвигли памятник с гордо поднятой вверх головой.

– Но меня там никто не ждет, – робко возразил он.

– Ты ошибаешься. Прислушайся к стуку своего сердца, оно укажет тебе дорогу.

– Но у меня не хватит смелости...

– Собери волю в кулак.

– Я попытаюсь... – он не был уверен в своих силах, – нет, я не могу туда пойти...

– Ты должен идти домой. Верь мне!

И тут, в умиротворенной кладбищенской тишине он услышал свое сердце: «и-ди-до-мой. ты-дол-жен-ид-ти-до-мой». Слова, выбитые сердцем, окрылили его- он твердо заявил:

– Я ИДУ ДОМОЙ.

– Удачи тебе.

Он обернулся, но за спиной никого не было, лишь в 40-50 метров от него темнела небольшая часовенка, в которой с минуты на минуту должна была начаться служба. И он пошел домой. Пешком. Огромный город медленно просыпался. Кое-где горели огни в окнах. В его дворе угрюмо стояли железные беседки с шиферной крышей, но их тоже окутывало тепло нового дня. Он вошел в свой подъезд. Пахло куревом – ночью здесь была его компания, которая позабыла его. Он вызвал лифт. Вверху что-то глухо заскрипело, было слышно, как спускается огромная дряхлая махина. Возможно, он был первым человеком из сотни проживающих в этом подъезде, кто поедет сегодня на лифте. Глупо, но ему это льстило. Но он оставил великую честь стать первым пассажиром лифта сегодня, кому-то из своих соседей, и пошел по лестнице пешком. Знакомые лестничные клетки, коридоры, все знакомое – он был готов плакать от счастья. Он вошел в квартиру с ощущением, будто вернулся с войны или с далекой командировки. Осторожно открыл дверь в свою комнату. Казалось, он и не покидал ее – настолько схожи закат

уходящего дня и заря зарождающегося. Он бросил печально-ностальгический взгляд на гвоздик в стене, на котором когда-то висела гитара. Он дал себе слово, что он купит себе другую гитару и будет ее беречь, что бы ни случилось. Но сначала нужно выспаться. Он лег на диван и провалился в крепкий сон. Он был рад, что пришел домой. Он всегда верил Виктору Цою. И этим он был прав.

*** * ***

Автор: ОЛЕСЯ

Ты лишь один, кому известны секреты подъездов.

Ты лишь один, кто любит дождь.

Ты лишь один, кто знал, где рыло, где лицо.

Ты лишь один, кто знал Историю Этого Мира

Ты лишь один, кто знаком со своею звездой

Ты лишь один, кто на «ты» был со своею судьбой.

Ты лишь один, в чьем доме день переживает ночь.

Ты лишь один, кто видел черную розу.

Ты лишь один, кто в свидетелях был рождения дня.

Ты лишь один, чей взгляд помним мы.

Ты лишь один, кто ушел безвозвратно...

15 АВГУСТА 1991 ГОДА НА 35-М КИЛОМЕТРЕ

Автор: Евдокия Дмитриевна Русова

Вот здесь, на тридцать пятом километре
Прервался твой стремительный маршрут.
Белеют камешки в реке, но не от ветра,
А от девичьих слез, пролитых тут.
Рисуют ВИКТОР на песке фанаты,
Выкладывают камешками ЦОЙ.
С утра идут до самого заката,
И очень личное у каждого с собой.
Машины здесь сигналият, проезжая,
Трещат кассетники под проливным дождем,
Поют поклонники на мостике, рыдая,
Под звук гитары августовским днем.
Сюда приходят помечтать, помыслить,
Почувствовать Звезду, что ярче всех горит.
Она нам освещает путь тернистый,
Здесь неземная музыка звучит.

Автор: Евдокия Дмитриевна Русова

Сюда приносят девушки цветы,
Сердечные признания и слезы...
О, если б вдруг их мог услышать ты!
Но это, видно, невозможно.
Ты б не ушел на столько дней,
А встал бы тихо перед нами
И спел бы песню про друзей,
Про солнце и про папу с мамой.

15 августа 1991.

ПРОКЛЯТЫЙ АВГУСТ

(Посв. В. Цюю и всем, кому умереть молодым)

Автор: Светлана Звонкова

Ты теперь лежишь в земле холодной,
Пусто без тебя на небе стало.
Эта злая смерть, как зверь голодный,
Сколько ни берет, а ей все мало.

Молча я стою перед могилой,
К каменной плите щекой прижавшись.
Хочется кричать, да нету силы,
Жизнь оборвалась, и не начавшись.

Звезды с неба падают, зажечься не успев,
Между нами пропасть, знаю это,
Жизнь теряет красочность, заметно опустев,
И, закрыв лицо руками, убегает лето.

Нет, не думай, будто плачу я,
Это дождь в лицо кидает капли мне,
Звезды тихо гаснут, тоненько звеня,
Ты теперь лежишь в сырой земле...

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦЮЯ

Автор: Андрей Земсков

В тучах много для снега прорех,
Серый город меняет окрас.
Это будет танцем для всех,
Это будет жизнью для нас.
Кто-то пьет, потому что грустит,
Где-то семеро ждут одного.
Слушай, как под ногами хрустит
Первый снег –
первый снег без него...

Завершается стрелочный круг,
В полный рост нам не скоро вставать.
Отменили все рейсы на юг,
Певчим птицам здесь зимовать.
Взгляд усталого неба тяжел,
А снега друг за друга горой.
Но до первого снега ушел
Беспокойный Последний Герой.

Вего доме ночует Весна,
Распушились в окне тополя.
Но под снегом укрылась луна,
Под снегом застыла земля.
Там ошибки никто не простит
И не даст опуститься на дно.
Слышишь, как под ногами хрустит
Новый год – первый год без него...
январь 1991.

♪ ПОЖАР

Автор: группа «Вторая серия»

Он уголь босал прямо в наши сердца,
Свое отдавая тепло.
Но одни разжигали большие костры,
А другие пускали лишь дым.
И когда черный дым пожирал небеса,
Приходила полярная ночь.
Опалив свое платье о чьи-то сердца
Тех, кто гореть не прочь.

Пожар целую ночь.
Пожар раздувают ветра.
Пожар уже не залить.
И пожарные спят до утра.

Он смотрел из динамиков в наши глаза.
И когда опускалась тьма,
Загоралась над нами его звезда,
Прожигая насквозь облака.
Но когда черный дым пожирал небеса,
Приходила полярная ночь
Опалив свое платье о чьи-то сердца
Тех, кто гореть не прочь.

Пожар целую ночь.
Пожар раздувают ветра.
Пожар уже не залить.
И пожарные спят до утра.

♪ ВИКТОР ЦОЙ

Автор: Денис Евдокимов (Hunter)

Твой дом – земля,
Но ты пришел с небес.
Твое имя взлетело,
И его взяла стена.
На миллионах
Магнитных лент
Твои песни живут.
И твоя воля жива.

Для кого-то ты герой,
Для кого-то просто бог.
Твое имя – Виктор Цой.
Мы храним твой каждый вздох.
Ты не сможешь умереть,
Струны помогают жить.
Твои песни будем петь,
Чтоб не строчки не забыть.

А с утра будет боль,
А с утра будет свет.
И не будет друзей
На последний стакан.
И не будет рублей
На обратный билет.
Будет горечь, что жизнь –
Это самообман

Для кого-то ты герой,
Для кого-то просто бог.
Тебе имя – Виктор Цой.
Мы храним твой каждый вздох.
Ты не сможешь умереть,
Струны помогают жить.
Твои песни будем петь,
Чтоб ни строчки не забыть,
Ни строчки не забыть.

ДОЖДЬ, СОБАКИ И ЗВЕЗДЫ

Автор: ОЛЬГА ЛЕХТОНЕН

Ну вот, еще один день твоего рождения. Тебе был бы всего 41 год. Я стараюсь не пускать в сердце тяжелую мысль. Улыбаюсь и говорю: «Спасибо за то, что ты есть. С днем рождения...»

«ТАНЕЦ НА УЛИЦЕ В ДОЖДЬ...»

21 июня в Питере весь день шел дождь. Немного затихал и расходился с новой силой. Любимый город промок до нитки. Мы ехали на кладбище со смешанными чувствами, боясь, что народ испугается сырости, что некому будет поздравить Витю с днем рождения. И дата не круглая, и лужи вокруг – сесть негде... Ошиблись. О, счастье! Конечно, народу не как в прошлом году. Но и немало. Видимо, настоящих поклонников Цоя не берет ни дождь, ни снег, ни штормовой ветер. Самые стойкие пришли, облепили стволы растущих поблизости деревьев. Потихоньку пели. У могилы – пара десятков людей. Цветы, фотографии, свечи. В общем, все как всегда. Одно плохо – гитары мокли и их было жалко. Постояв часа полтора, мы все-таки соорудили себе сидячие места из полиэтиленовых пакетов, спальника и парочки зонтов. Время шло, дождь упрямо лил, но народу только прибывало. В толпе то и дело мелькали знакомые лица. Не знаешь ни имени, ни откуда кто приехал. Помнишь только, что этого человека видел в августе 2000-го, этого – на Витино 40-летие... Ко мне подошел знакомый парень: «Пошли петь». Нужно было что-то придумать, чтобы не вымочить хороший инструмент. Выход нашелся: мы собрались вокруг одной скамейки, раскрыли зонты (штук, десять-пятнадцать, наверное), сгрудились, сомкнув над головами гитаристов импровизированный купол. И хором запели. Лично для меня это был особенно трогательный момент – чувствуешь себя примерно так же, как люди, поднимавшие на концертах Цоя горящие зажигалки. Что-то объединяющее, наивное и настоящее вздрагивает внутри...

Танец на улице. Танец на улице в дождь.

Зонты, раскрываясь, звучат, словно выстрелы ружей.

Кто-то бежал, а кто-то остался здесь.

И тот, кто остался, шагает прямо по лужам...

Эта песня 21 июня стала настоящим гимном. Все исполнилось слово в слово, кроме строчки про «битые стекла, рваные брюки, скандал». Я думала, что подобные совпадения бывают редко. И снова ошиблась! **«ВСПОМИНАЮ СОБАКУ – ОНА КАК ЗВЕЗДА...»**

На Богословке рядом с нами бегала симпатичная дворняга, радостная и мокрая, как все присутствующие. Кто-то покормил ее хлебом, кто-то просто приласкал. Я не очень внимательно следила за ней – мало ли бездомных симпатичных собак в округе?

Ближе к вечеру мы отправились на Камчатку. Вышли на «Горьковской», наскоро перекусили, вышли и... увидели эту же самую дворнягу! Она нас узнала, подбежала поближе. Мы удивились: как может большая грязная собака попасть с Богословского кладбища на станцию метро «Горьковская»? Не особо обращая на нее внимания, мы направились в сторону ул. Блохина, 15. Собака нас догнала, так сказать, возглавила процессию и... буквально проводила нас до ворот. Она знала все тропинки, все повороты, ни разу не ошиблась в маршруте. Когда мы шли чуть медленнее, она оборачивалась и торопила. Я всякое видела в жизни, но четвероногие поклонники Цоя мне еще никогда не попадались!

Собака привела нас к воротам, тут же нашла себе подругу по несчастью и потеряла к нам всякий интерес. Видимо, ее миссия была выполнена...

В знаменитом камчатском дворе шел концерт, входной билет стоил 250 рублей. Многовато, мягко говоря. Мы остановились в нерешительности, но даже не успели подумать, как следует: буквально через пару минут из ворот вышел незнакомый парень и уверенно направился к нам. «Ребята, хотите проходки?» – спросил он у нас. – «Почем?» – «По полтиннику». Удостоверившись, что проходки настоящие, мы купили себе право войти в заветный двор Камчатки. Думаю, опоздай мы минут на пять, и границу ворот мы бы уже не пересекли...

Концерт был странный. И мы, погуляв по двору, решили спуститься в подвал. Спустились. Расстроились, увидев катастрофические последствия недоделанного ремонта. Нет знакомых стен. От старой доброй Камчатки остался лишь один котел – сразу напротив входа. Остальное – теперь лишь воспоминания... Говорят, что там будет клуб. Становится страшно от мысли, что там, где работал Витя, где пел Саша Башлачев, будут сидеть какие-нибудь дешевенькие девочки и мальчики, весело пить пиво и слушать какую-нибудь ахиною...

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, снова расчехлили гитару. Мы пели Витины песни, разговаривали, ели бесплатные чипсы и были почему-то совершенно прозрачны для охраны и милиции (хотя мы проникли в VIP-зону, где можно было находиться только участникам концерта). Немного пообсохли, согрелись, что-то пили, пуская бутылку по кругу. Конечно, в головах сразу же зазвучала Камчатка...

*Я нашел здесь руду, я нашел здесь любовь,
я пытаюсь забыть. Забываю и вновь*

*вспоминаю собаку – она как звезда.
Я, наверное, сюда не вернусь никогда...*

И ВСЕ СТАЛО ПОНЯТНО! Собака-звезда привела нас проститься с нашей прежней Камчаткой, чтобы не так горько было видеть в следующий раз от-евро-ремонтированный подвал, превращенный в обычное злачное место. Мы действительно больше никогда не вернемся. Нам остается только помнить...

P.S. «НИКТО НЕ УЙДЕТ НАВСЕГДА...»

Еще до отъезда в Питер я села и посмотрела Витины концерты: так давно не видела его живым. Смотрела и плакала, а он пел и улыбался... В который раз с облегчением осознала, что ЭТО не сотрет ни время, ни расстояние. Иногда, признаюсь, бывает жуткое минутное чувство – вот, еще один шаг, и Виктор Цой станет твоим прошлым, памятью о юности. А потом окатывает теплой волной – нежность, любовь, боль, вера. Сразу ясно осознаешь: глупости лезут в голову! Витя никогда не станет просто фотографией на столике, он навсегда останется в глубине сердца. Его место никто не займет, потому что можно занять место лишь отсутствующего, ушедшего человека. А Витя вот уже почти 13 лет никуда не уходит. И не уйдет. Не позволю.

27 июня 2003 г.

♪ ЛЕНИНГРАДСКОЕ НЕБО

Автор: Ольга Лехтонен

Ленинградское небо летом тебя обнимало,
Латвийское небо летом тебя принимало.
А мы жили в разных часовых поясах
и просто тобой дышали.
Тебя не стало...

Не умея молиться, мы писали на стенах
и от черного горя выросли мгновенно.
Пели до хрипоты, затирали кассеты,
споря, споря, споря со смертью.
Нам тогда говорили – все забудется быстро,
под давлением лет все лишается смысла.
Мы молчали, жгли свечи и из звездных просторов
иногда доносилось твое тихое, жгучее слово...

Ленинградские стены ночью тебя хранили,
Латвийские сосны песни с тобой творили.
А мы были в разных часовых поясах
и просто тобою жили.
И вдруг остыли...

Лето било наотмашь и кормило полынью.
Мы, сжав зубы, твердили:
«Кто-то должен быть сильным»
С корнем драли из сердца чужие растенья,
споря, споря, споря со смертью.
Узнавали твой голос с одного обертона,
знали каждый твой жест и гитарные соло.
И в крошечном аду выручало нас снова
Твое сердце и тихое, жгучее слово...

Ленинградское небо летом теперь встречаем.
В латвийское небо летом глядим с печалью.
Ты в вечности, мы – в часовых поясах,
но каждый почему-то знает –
ты где-то рядом...

12, 15 октября 2003.

♪ ДЕТИ ОДНОГО СОЛНЦА

Автор: Ольга Лехтонен

Когда-то я жила в абсолютном нуле,
и знала лишь бездну, что застыла во мне
и не было сердца, готового слиться с моим.
Меня смерть заливала кипящей смолой,
я ползла сквозь нее всем напастям назло.
Я уже умирала, но меня спасли словом одним:

Припев: Мы – ростки одного корня
Мы – дети одного солнца.
Мы – искры костра, зажженного чистой рукой.
И у нас на всех одно горе,
одно имя, ставшее воздухом,
один брат по имени Витя Цой...

И друзья были стаей летучих мышей
и из теплых квартир выгоняли взашей,
и стреляли в упор, говоря о какой-то любви.
И хотелось покрыться железной корой,
но взрывалась под сердцем счастливая боль,
и губами одними кто-то рядом шепнул мне: «Живи!»

Припев:

И когда забирается в вены печаль,
я всегда иду к тем, с кем могу помолчать,
выпить чаю, погреться, почувствовать небо на вкус.
С ними легче дышать и не страшно им петь.
Мое счастье – возможность за них умереть.
Ну, хоть что-нибудь сделать,
чтоб развеять их горечь и грусть.

Припев:

30 сентября 2003.

Автор: Ольга Лехтонен

Писать о поэтах – нелепое дело.
 Любить лишь ушедших – обманывать Бога.
 Не лучше ли вспомнить, как вдруг заржавело
 то лето от странно глухого ожога,
 как вдруг потемнело в глазах на закате,
 как боль распахнула навстречу объятья,
 как плакали камни, рвались на заплаты
 и лопались души от смерти их брата?

Писать о поэтах – последнее дело,
 когда не умеешь понять и двух строчек.
 Но вспомни: мучительным пеплом сгорело
 то лето и сердце. И комкался почерк,
 и странным казалось недель продолженье,
 и яблочный запах, и детские лица.
 Тебя оскорбляло земли притяженье
 и мысль, что Господь так сумел ошибиться.
 Но все шло как прежде, дожди и рассветы,
 И пение птиц, листопады и звезды.
 А боль оставалась. И страшное лето
 безумье вливало в разломанный воздух.

Писать о поэтах? – Молчать о поэтах!
 Их жизнь не предать, не копировать чувства.
 Пусть свечи горят вместо черного лета...
 Светлеет душа и сливается с грустью...
8 февраля 1997.

♪ 15 АВГУСТА 1990

Автор: Ольга Лехтонен

Моей памяти снится
Смутный день над черной водой.
Эта дата, как выстрел
Без запинки дырявит в упор.

Мою жизнь разметало
от удара о тот горизонт.
Я не помню начала,
а последним стал этот год.

От того поворота
встало время и смолкли огни.
Только бьюсь я о ноты,
задыхаясь от смертной вины.

И засну, и увижу, что пронесло
эту чашу мимо него и меня,
что жива его песня без громких слов,
и проснусь от того, что ударит земля.

Моей памяти снится
мутный дождь и Невский проспект.
Знаю – лет через тридцать
я все так же буду молчать о тебе...
6 марта 2000

Автор: Ольга Лехтонен

Восемнадцатый черный август.
Восемнадцатый нож под сердце.
И опять я с собой не справлюсь -
слезы хлынут. И спор со смертью
вновь не выиграть. Мне не скрыться,
не унять этот ужас цепкий.
Ты ушел – и не стало смысла.
Ты ушел – и не стало света.

Восемнадцатый черный август
заливает дождями горе.
Кто-то под руку скажет, скалясь,
это в прошлом, мол, все такое,
повзрослели все и забыли,
развенчали своих кумиров...
Не сдержусь я – не хватит силы! -
огрызнусь, отвернусь: «Пошли вы...»

Восемнадцатый черный август,
будто щелочь, мне сердце точит.
И немного таких осталось,
кто приходит и плачет молча,
к твоей смерти припав ладонью.
Больше пьянь по кустам горланит...
Но мне важно – твое лишь слово.
И огонь. И любовь. И память.
июль 2008

♪ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

Автор: Ольга Лехтонен

Я видела место, где ты – есть.
Я слышала песни на все вопросы.
На улице льет, и негде даже присесть:
Здесь вечная осень.

Я видела праздник твоих рук.
Я знаю, что время над ними не властно.
Впервые за вечность я видела солнечный круг.
Ты скажешь ли «здравствуй»?

Я видела сказку из тех книг,
где ждущий дождался и все бессмертны.
И ты улыбнулся, и мир облегченно затих,
И рухнули стены...

Я видела место, где ты – есть,
я слышала песни и гул победный.
Но я просыпаюсь под улицы будничные плеск -
мечтать-то не вредно...

11 апреля 2000.

НА МОГИЛЕ

Автор: Ольга Лехтонен

Белый воздух и белые лица.
Яркий свет от безмолвия дней,
черный камень и черная птица -
этот сон с каждым годом длинней.

На словах это пошло и глупо,
но без них – вовсе не вмоготу.

Только в сердце игла также тупо
отмеряет бессмертье минут.

Просто белые даты и свечи.
Злая боль – безысходный огонь.
Не уверена, будет ли легче.
Просто память и взгляд.
Просто – ОН...

23 октября 1997.

Автор: Ольга Лехтонен

Ну, здравствуй, братишка. Как ты живешь?
Тепло ли, тихо ли в смерти, милый?
У нас все, как раньше – тоска и дождь.
И только чище стал воздух стылый.

А мы по-прежнему любим ночь,
за то, что слез в темноте не видно,
в таком же как раньше, молчании почт
мы ждем прощения за все обиды...

Прости за сумбур. Не могу молчать.
И говорить не могу о чем-то.
Невмоготу мне. Все грусть-печаль
из тусклых дней собирает четки.

Прощай, мой светлый, спокойно спи
и не тревожься о глупом мире.
Лишь стань улыбками у весны,
открой нам солнце. Расправь нам крылья...
20 мая 1997.

♪ КТО СКАЗАЛ?

Автор: Ольга Лехтонен

Я видела, как сердцами писали на стенах.
Я билась сама об эти шершавые плиты...
И кровь-отрава мешала в горящих венах,
и смерть-калека сияла улыбкой сытой.

Припев: Кто сказал, что время лечит эти раны?
Кто сказал, что сердце тоже все забудет?
Кто сказал, что память – только немая кукла?
Кто сказал?...

Я помню, как страшно проснуться в пустой квартире
и как унизительна даже потребность в пище.
В киосках давали воздух, как клей для дырок
и ткали из нервов и боли крутые тыщи...

Кто вспомнит сейчас, как жить не могли без песни?
Как жили в палатках у самого входа в небо...
Не видно следов – все смыла волна прогресса.
Но я осталась в упрямых руках победы...

9 июня 2000

*** * ***

Автор: Ольга Лехтонен

Быт заедает. Мне до истерики хочется в Питер.
Паспорт – в рюкзак. Ночь в плацкарте. На Лиговку выйти,
вновь колею протоптать от Восстания к Адмиралтейству,
вылечить, реанимировать сердце.

Осточертела плесень столичная. Хочется в Питер!
Божьи следы узнавать и ловить на священном граните,
Воду черпнуть ледяную. И умывшись, сразу согреться.
Вылечить, реанимировать сердце.

К черту работу! Чтоб не свихнуться – вырваться в Питер!
Зимний, Исаакий. Отдельно – конечно же! – Витя...
Если б впиться душой в эту землю, в асфальтовый Невский!
Вылечить, реанимировать сердце...

8 июня 2008.

От: «Fademan» <@mail.ru>

Кому: <@yandex.ru>

Тема: Цой

Дата: 21 декабря 2003 г. 3:37

Мое знакомство с творчеством Цоя началось в последних классах школы. Примерный мальчик, сидящий дома и делающий уроки, читающий «умные» книжки, учащийся на «хорошо» и «отлично», ни с того ни с сего стал прогуливать школу и искать какие-то новые впечатления. Я ходил в гости к своему другу Басу, благо он жил совсем рядом от школы. Мы слушали музыку, пили чай, разговаривали, и как-то раз он поставил кассету «Кино».

Я сразу почувствовал потрясающую энергетику этой музыки. Поэтому в ближайшее время сходил и купил диск «Легенды русского рока», послушал. Честно говоря, не все песни мне понравились (видимо вследствие моего воспитания и тогдашнего мироощущения), а такие, как «Мама Анархия» и «Транквилизатор» просто хотелось перемотать. Но толчок был дан. Через некоторое время я обзавелся еще кое-какими записями. Это были как квартирники, так и официальные альбомы – «Группа Крови», «Черный Альбом». Время шло. Песни Виктора нравились мне все больше и больше.

Решив, что хочу научиться играть на гитаре и играть его песни, мы с Басом поехали на Горбушку и купили мою первую гитару. Музыкальный инструмент был обмыт пивом, а Бас по моей просьбе нарисовал некоторые аккорды на картонной коробке. Все лето я сидел в обнимку с гитарой и преодолевая адскую боль строил аккорды, пытался переставлять их. Первые песни которые я разучил были «Электричка» и «Подросток». Через некоторое время стало получаться больше и лучше, а для меня не было более радостного, чем запереться в комнате и играть на гитаре...Даже было время, когда я подражал ему и ходил исключительно в черной одежде.

Слушая песни Виктора Цоя сразу ощущаешь его искренность и честность. А еще он пел то, что видел, он пел о нас, о «бездельниках», «восьмиклассниках», о том, что «время есть, а денег нет» о нашей жизни, наконец. Не тая ничего, в них он рассказывал нам то, что мы хотели сказать, но не могли сформулировать. Его песни, как жизненный дневник, в который он записывал, то, что производило на него неизгладимое впечатление и о чем он не мог не сказать.

После себя Виктор оставил те «заповеди», которые дали мне очень многое понять и переосмыслить. Вот лишь некоторые из них: «а я хотел бы остаться собой», не забывает тех, «кто сбился с дороги» и «кто смеялся и пел», «помнить свой пост», «следить за собой»...

ТРИ ТОЧКИ

Автор: ЕКАТЕРИНА СЛАУТА

Она идет по узкой проселочной дороге. Совсем одна. Небо на глазах смешивает палитру красок: нежно-розовый уже доминирует над пронзительно-синим, а облака окаймляются золотистой рамкой. Небо устало. Это ясно по тому, как тяжело оно дышит, взвалившись на тонкие верхушки деревьев, как, выбившись из сил и подчинившись натиску вечера, сбавили скорость и потихоньку ползут облака, как тяжелые пунцово-синие тучи еле переваливаются за горизонт. Она и сама устала, но продолжала путь, кое-где даже срываясь на бег, – силы еще оставались. Вся энергия шла из сердца, которое билось сегодня необычайно быстро, а еще из наушников: «Крыши домов дрожат под тяжестью дней...», – доносилось оттуда. «Как актуально», – подумала она и все продолжала идти и бежать, не останавливаясь... Желание это возникло еще утром, когда, проснувшись, она достала из-под подушки старенькую тетрадь, – личный дневник, и стала читать. Сейчас, в быстром беге, под музыку ветра, в душе снова переворачивались пожелтевшие листы дневника, перелистывались страницы памяти...

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ

Его она знала с детства. Хоть Он и погиб, когда ей было всегда два года, но сильный стальной голос навсегда врезался в память еще с ранних лет. Старший брат очень любил Его музыку, часто слушал. Теперь, правда, по прошествии многих лет, ей казалось, что брат не столько увлекался Его творчеством, сколько любил издеваться над сестрой. Ей тогда не нравилась Его музыка, даже боялась ее. Самой «страшной» песней была «Электричка», нередко служившая музыкальным сопровождением ее кошмарных снов. Часто вспоминала, как брат на всю катушку врубал эту самую «Электричку» и, выдвинув вперед подбородок и оттянув пальцами уголки глаз, с криками «Я Цой!!» начинал прыгать по квартире. Стоило ей уловить первые аккорды мрачного проигрыша и низкий бас, как тут же пряталась под кровать. Ужас усиливался гримасами старшего брата, отчего она пулей вылетала из своего укрытия и начинала кричать: «Выключи дядю! Я б-а-а-а-юсь!!».

Лет в десять сама начала слушать, так сказать, преодолевать страх. Когда брата не было дома, тайком ставила его кассету. Помнится, слушала только «Группу крови», постоянно перематывая и затирая старую пленку. Ей нравилось.

Тогда, в 98-м, она и не догадывалась, что будет лет, эдак, через пять. Она слушала одну песню, не подозревая, что эта самая песня скоро станет частью ее жизни. Но это уже другая страница...

СТРАНИЦА ВТОРАЯ

Тем летним вечером она была на даче со своей подругой. Густые сумерки уже прокрасились в дом и успели заползти в каждую щелочку комнаты второго этажа, где, они сидели, забившись под одеяло. Барабил дождь. Она тогда, кажется, была влюблена. Обычный глупый мальчишка, взбалмошный, но занимавший все ее мысли... Она вообще тогда была глупенькой, как и все, наверное, девчонки ее возраста. Но она поумнеет. Скоро...

Болтать надоело. Сидели молча. Чего-то не хватало. Музыки. Она пересмотрела кассеты и диски, которые успела прихватить, второпях собираясь на дачу. Выбор оказался небольшой. Пара-тройка записей дешевых попсовеньких групп и чудом затесавшаяся среди этой низкопробной мишуры Его кассета. «Поставь Цоя», – предложила подруга. Она еще сослалась на тот факт, что, якобы, голос того самого мальчишки чем-то похож на Его. Ей так не казалось, но музыку включила. «Группу крови» искать не стала. Сторона А была перемотана на самое начало. Решив, что так и нужно, вставила кассету в магнитофон и нажала кнопку Play...

Ударные. Проигрыш. Голос. Только он уже не отдавал тем стальным холодом, как ей казалось в детстве, а стал мягче, бархатнее, что ли. Уже не боялась... Подруга что-то говорила, вероятно, комментировала песню. А она молча слушала. Это была «Песня без слов». Казалось, она слилась с музыкой: сердце билось в ритм мелодии, а слова звучали в унисон с душой. «Весь мир идет на меня войной!..» – эта Его фраза казалась особенно близкой и актуальной в ту минуту, то ли оттого, что накануне поссорилась с родителями, то ли из-за того, как давило нависшее серое дождливое небо... Нельзя сказать, что ей тогда понравилось все услышанное. «Электричку» снова перемотала (слишком свежи еще оставались детские воспоминания). Под аккорды «Печали» глаза застлали слезы...

«Странно...» – попытожила она свое состояние, когда сторона В пошла к концу, зашипела и остановилась. В тот вечер внутри что-то перевернулось. Что? Она так и не поняла. Но потом целое лето не расставалась с той кассетой...

СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ

... Играла, кажется, «Звезда по имени Солнце». К тому времени Его песни уже «официально» значились одними из ее любимых, наряду, правда, с песенками тех самых попсовеньких групп, чьи залиvistые голоски еще летом «украшали» пребывание на даче. Ее очень нравился гитарный проигрыш. На тот момент пение струн стало ее любимым

звучанием. Не «бум-бум-ля-ля» с прозрачными аранжировочками, а... гитара... Причем, именно Его гитара...

Она не услышала, как в комнату вошел отец. Он тихо сел рядом и стал слушать, постукивая в ритм ногой. Ему нравилось. «Здорово играет, правда?» – спросил он. «Да-а...» – зачарованно протянула она, немного вздрогнув от неожиданности. «А сама-то хочешь научиться?» – «Хочу, но... Ты что, с ума сошел?!» – ей тогда игра на гитаре казалась недостижимой. Почему-то считала, что струны и ее пальцы – понятия несовместимые. Но папа настоял: «Да ладно тебе! Это ведь совсем нетрудно!» И рядом с ней опустилась большая желтая гитара... «Да не бойся ты! – сказал отец дочери, испуганно шарахнувшейся в угол, – не укусит! Смотри, как надо!» – и папины пальцы умело забегали по грифу, а комната наполнилась громким боем. «А теперь ты!». Заплакала. Она не сможет... «Ай! Больно!» – нежные девичьи пальчики с аккуратным маникюром зажали аккорд. Am, помнится... Папа тогда тоже не верил, что у нее получится. Ничего не выходило. На Dm не хватало растяжки, на C путала струны, G вообще не звучал, – глух совсем, а бой... Брынь-брынь, а не бой! «Вниз-вниз-вверх-вверх-вниз-вверх!» – звучали в голове слова брата, как-то психанувшего, не выдержав раздражающих и жалких попыток сестры научиться играть. Не получалось... Она бросала гитару, болели пальцы, истрепались нервы. Но ставила кассету: «Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?..» – пел Он. И снова пыталась. «Вниз-вниз-вверх-вверх-вниз-вверх – Am-C-Dm-G...» И через месяц упорных изматывающих занятий она уже играла... Играла «Звезду по имени Солнце». Это была совсем примитивная игра, но ей нравилось. Нравилось осознавать то, что она может петь и играть вместе с Ним!

... Были проблемы с барре. Простые аккорды давно освоила, да и бой уже выходил качественный. А вот барре... «Пальцы не те», – безнадежно заключил брат. «Не может быть!» – подумала. «Хочешь ли ты изменить этот мир?» – прозвучали где-то в подсознании слова... Взглянула на фотографию с Его изображением, внимательно посмотрела на длинные пальцы, любовно обвившие гриф, – барре. В голове что-то щелкнуло. Внезапно она поняла свою ошибку! Схватила гитару. Нельзя безразлично лупить по струнам, ее нужно любить. Поставила пальцы, вытянула указательный, слегка зажала струны... Брынь... От стен звонко отозвался аккорд F, словно ответил ей. Улыбнулась... «Восьмиклассница» потом стала ее любимой песней...

СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

Об этом она не любила вспоминать. Слишком страшно...

С момента пробуждения тем утром в мыслях звучала «Группа крови», хотя песню она давно не слышала. «Очень странно! – пронеслось где-то

в голове, – обычно я просыпаюсь под что-нибудь более оптимистичное. Под «Весну», например, – она вообще была очень мнительная...

«Вот черт!» – выругалась она, запутавшись в наушниках. С плеером в последнее время не расставалась: с ним и в школу, и из школы. Кассету не меняла... Наконец, злосчастные провода распутались, узлы развязались и... «Нет!» – досадно протянула она, услышав «страшный» проигрыш: «Электричка везет меня туда, куда я не хочу...»... Пока она перематывала, драгоценное время утекало сквозь пальцы. Уже опаздывала на три минуты. Кому-то это время кажется ничтожным для школьницы. Но не для нее. Слишком рано повзрослела. Она была из тех, кто каждый день уходит прочь из дома около семи утра...

... Когда перед носом закрылись двери третьего вагона, где-то в подсознании снова заиграли «Группа крови» и «Электричка». Вместе. Какой-то синтез из двух песен получился. «Что за день сегодня такой дурацкий! Неспроста это все...». Мистика – мистикой, а оказалось действительно неспроста. Она это поняла, находясь в душном, битком набитом вагоне, стоявшем на одном месте около двух часов, что для московского метро, мало сказать, очень странно... Поняла это тем же утром, шестого февраля, на час позже описанных выше событий... Она тогда не села в тот самый поезд *. Везение? Возможно. Но именно тогда она поверила в Ангела-Хранителя, а еще в него, в Цоя...

СТРАНИЦА ПЯТАЯ

...Сдав самый сложный экзамен, чувствуя себя свободной птицей в преддверии двухнедельного отдыха, она сразу полетела в рок-магазин. Благо, он от школы недалеко располагался... С меньшим восторгом оттуда вышла. Руки, а с ними и сердце, грели новенькие видеокассеты. Сразу три. С Ним.

Вечером того дня она впала в депрессию. После просмотра заветных видеокассет. Но это была не та депрессия, когда безумец видит мир в черных тонах и, в конечном итоге, находит успокоение только в полете (с балкона, например). Нет. Внутри шла напряженная борьба мысли и чувства, настолько сильная, что затмевала все вокруг, тушила свет, сжимала пространство, оставляя маленькое местечко для сердца, которое первым стало понимать... Стоило в тот день закрыть глаза, как она видела мелькающие картинки из «Солнечных дней». Яркие, красочные, веселые. Он смеется, и она смеется вместе с ним. Он совсем молодой. В Нем кипит жизнь, желание делать и творить. Следующая картинка: сцена. Она никогда не видела подобной пластики, такой подачи себя

* 6 февраля 2004 года в московском метро, на перегоне «Павелецкая–Автозаводская» случился теракт. По официальным данным 40 человек погибло...

и своей музыки. Нога стучит в такт, руки взмываются вверх, кулаки сжаты, Он медленно переводит взгляд из одного угла зала в другой, прощерица по зрителям мнимую параллель, дрожат скулы, – они ей очень нравились, такие острые, как вся его фигура... прыжок!.. Сильнейшая энергетика, Он ее излучает, Он весь открыт, Он любит свою музыку, купается в ней, руками кидает ее вверх и готов дарить всем. Такой сумасшедший заряд способен передаваться не только там, на концерте, но и через запись, через годы. Ведь энергия не иссякает и не умирает, а лишь перетекает... В «Лужниках» этого уже нет. Он уже не прыгает, не размахивает руками, – в них гитара, с ней уютнее, и скулы куда-то делись. Она даже расстроилась. Огромный стадион, слишком много людей, много лишних, кто не понимает. Но Он им улыбается, любит и дарит. Попса? Это не определение, это диагноз. А Он не был болен. Она знала. Просто, вырос. В лице, да и в самой музыке, угадывалась какая-то матерость. Но, несмотря на внешнюю «взрослость», внутри Он оставался таким же, как был. Она это видела. Ведь Он бал романтиком, а для романтиков года – чистая формальность, их вообще нет. Глаза у Него оставались прежними...

Стояла у зеркала. Долго плакала, не могла подавить слезы, вспоминая в конце пленки вереницу черно-белых фотографий разных лет Его жизни, остановившейся на отметке 28. Понимала, что глупо, что слишком много времени прошло, – 14 лет, – поздно... Меланхолик... Ее так часто называли те, кто совсем не понимал... Нет, скорее романтик, – она это сейчас осознала, стоя у зеркала. Поздно? Поздно для романтиков не бывает, бывает только рано. Рано плакать! Разве память о Нем истлела? Разве Его песни забыты и канули в никуда? Разве Его жизненная философия запылилась в душах безразличных? Она подняла глаза на свое отражение и убедилась. Убедилась в том, что Он ЖИВ. Жив в том маленьком комочке плоти, размером с кулак, четко отбивающем незамысловатый ритм в левом боку. И в таких же маленьких комочках миллионов других. В сердцах. И бьются они все вместе.

Она в тот вечер изменилась. Стала по-другому смотреть на вещи, на окружающий мир вообще. Захотелось избавиться от хлама. Не только в комнате, но и в душе хотелось навести порядок... Полетели кассеты попсовеньких групп, расцарапались ненужные диски, смялись плакаты. Теперь она была спокойна. Почти... Он открыл для нее настоящую музыку, Он научил ее добиваться и идти до конца, Он изменил ее, Он помог ей забыть...

Следующим утром она проснулась от сильного стука. Сердца. Стук звал в дорогу. Вечером она помчалась. Избавляться от остатков хлама...

Она остановилась посреди поля. Устала. Уже почти стемнело. Было немного страшно, здесь, одной, но, ставший уже родным голос, говорил: «Верь мне!». И уже было не страшно. Она верила. В руке сжимала куточок гладкого картона. Это была фотография мальчишки, того самого обалдуя, раньше занимавшего значительное место в сердце. «Уходи! ... Любовь стоит того, чтобы ждать...», – и глянцевая мозаика закружилась в танцующем вихре, а вместе с ней, тоже, словно подхваченный ветром, уносился хлам из ее души. Вернее, его остатки...

Она подняла глаза в небо: «Ты учишь жить! Спасибо!» – обратилась к Нему. Домой возвращалась новая, не обновленная даже, – совсем новая. Хотелось жить. Делать. Дарить. Верить. Любить. Помнить. Оставить след на снегу...

Дома взяла дневник. Долго всматривалась в точку, поставленную в конце последнего предложения заключительной странички. Ей она не нравилась – слишком категорична. Взяла ручку и два раза дотронулась стержнем до страницы, рядом с той точкой. Их теперь стало три. Три точки. Каждая по отдельности – резкая, прямолинейная, не терпящая продолжений. Но все вместе – многоточие. Знак вечной незавершенности, веры и ожидания. Оно и верно. Ведь все только начинается...

ЛЮБОВЬ ОСТАЛАСЬ

Здравствуй, дорогая редакция. Вчера у меня погиб брат. У него были раскосые глаза, род с выдвинутой немного челюстью и лохматые черные черные волосы. Его звали Цой.

Не считите за идиотизм – у меня большое горе. Не просто потому, что жалко молодого, полного сил человека. Я не была влюблена в него, он не был моим кумиром (слово вообще дурацкое), но он был частью меня, не знаю почему. Мне всегда было так хорошо оттого, что он есть.

Я не теряла еще никогда никого из родственников или близких. У меня сердце кровью обливается. И он ведь не был каким-то уж очень большим социальным явлением. Но он нес какую-то

уверенность в себе, надежду на то, что еще не все потеряно. Его, наверное, нельзя было любить так, как любят звезд. Что-то в нем было неприкаянное, неуютное. И он всегда так смешно говорил, выпячивая нижнюю губу, как будто шамкал...

У меня осталась: две кассеты, несколько фотографий с фестиваля «МУЗ-ЭКО» в Донецке. Я помню все: и крики толпы, пока музыканты настраивали инструменты, и то, как он вышел и сказал: «Спасибо тем, кто остался, потому что поздно уже...» – и дальше что-то неразборчивое под нос... И какой он был красивый – весь в черном, с белой гитарой, и как резко поворачивал голову в сторону и вверх в проигрышах, и

как спел семь песен, и как уехал так же быстро, как и появился...

Тоска, тоска страшная...

Его все-таки любили. И он был звездой. Звездой по имени Цой. Цой, Цой, за что же тебя так?!

Боже мой, я проклинаю этот страшный день 15 августа, который сделал многих моих сверстников (да и взрослых тоже) несчастными. Это не высокие слова, мне ведь и правда жить не хочется. Он не должен был умирать. Не потому даже, что теперь не будет новых песен и не будет «Кино» – просто он должен был жить.

Страшно, страшно и тоскливо.

Без подписи, Донецк

**«Комсомолец Донбасса»,
7 декабря 1990**

КАЖЕТСЯ, Я ЗНАЮ ЦОЯ ВСЮ ЖИЗНЬ...

Автор: СЕРГЕЙ ТЕРМЕР

Сейчас мне кажется, что я знал Цоя всю жизнь. Вернее, знал не его, а его песни. Когда бы я ни пришел в гости к своему дядьке, который тогда был в моем возрасте, то всегда из динамиков его старенького «Романтика» неслось: «И мы знаем, что так было всегда...». И я, тогда совсем мелкий мальчик, знал, что это поет Цой, хотя смутно представлял, кто это. Но, если в маленькой дядькиной комнатухе по непонятным причинам стояла тишина, то я, входя, первым делом просил: «Вась, включи Цоя!».

Следующие несколько лет как-то стерлись из памяти. Но иногда я закрываю глаза, и вспоминаю нашу прокуренную кухню, где на стуле сидит Васька и поет: «И мы знаем, что так было всегда...». Это его любимая песня, ради которой он и учился играть на гитаре. Когда замолкают последние строчки, я говорю:

– Классно. Слова напишешь?

– Ты хоть знаешь, чья это песня? – усмехается он в ответ.

– Конечно. Это Цой.

Через пять минут я удалился в свою комнату репетировать новую песню. Я тогда даже понятия не имел, как она правильно поется, но все равно с завидным упорством пел ее каждый день, чем вызывал недовольное бормотание матери за стенкой.

Потом дядька уехал в другой город, и через некоторое время мама поехала к нему в гости. Был морозный декабрьский день, из школы я сбежал домой пораньше, потому что там стоял жуткий холод. На пороге дома меня встретил брат и сказал фразу, после которой я уже не мог спокойно дожидаться маминого приезда:

– Я сейчас матери звонил. Там Васька кассету Цоя тебе купил.

День длился как неделя, я, изнывая, ходил из угла в угол, пока наконец не услышал долгожданный шум машины во дворе. Когда все семейство, наконец, побрело в зал пить чай и смотреть жутко популярный тогда фильм «Разборка в Бронксе» с Джекки Чаном, я схватил кассету, на которой было написано «Виктор Цой и группа «Кино» (1988–89)» и рванул к себе в комнату, где стоял допотопный магнитофон. Тут надо сказать, что моей любимой песней была (впрочем, как и сейчас) «Группа крови», хотя я и не знал ее слов. Мне как-то спел ее дядька, а через какое-то время я услышал ее по телевизору. Меня тогда просто захватывали эти слова «Группа крови на рукаве». И вот кассета включена, я с нетерпением жду первой песни... Когда раздался барабанный ритм и плавный проигрыш гитары меня начало трясти, а при словах «Группа крови на

рукаве, мой порядковый номер на рукаве...» из моих глаз потекли слезы. И как-то сразу я понял, что все это всерьез и надолго.

На первой моей кассете оказались записи альбомов «Группа крови» и «Звезда по имени Солнце», но тогда я пребывал в твердой уверенности, что это первый альбом Цоя. Потом недоразумение выяснилось, и я с огромным рвением начал собирать все остальное. Это было бы не так трудно, если бы я жил хотя бы в каком-нибудь райцентре. Но в нашем захолустье никто даже и не думал продавать кассеты Цоя, были только наборы однотипной попсы. Чтобы собрать все альбомы, мне понадобилось несколько лет; в надежде найти хоть какую-нибудь коротенькую статейку о нем я целыми днями просиживал в местной библиотеке, перебирая всевозможные журналы, от «Студенческого меридиана» до «Здоровья». Иногда я что-то находил, но чаще приходилось со вздохом откладывать журнал, в котором не было ни слова о Цое. Нужно ли говорить, что все вокруг считали меня помешанным придурком, фанатиком, который ни о чем, кроме песен какого-то хриплоголового дядьки, думать не может? Тогда я понял, что значит быть чужим среди своих. Все мои ровесники тряслись на дискотеках под вздор типа «Но я приду, приду и ты узнаешь, что я далеко от тебя», и тому подобную чепуху, я же торчал по вечерам дома, выслушивая бесконечное: «Да сделай ты потише, сколько можно слушать одно и то же» и т.д. и т.п. Единственной радостью во всем этом был мой лучший друг, который с моей подачи тоже стал заядлым киноманом. Так мы и жили: бегали друг к другу слушать музыку, брякали на гитарах, все больше откалываясь от молодежи гопнического типа.

Как-то к однокласснику моего старшего брата прикатил родственник, и они всей веселой компанией завалили к нам на огонек. Я быстренько прошмыгнул к ним в комнату, так как по вечерам мне было скучно и тоскливо, мы выпили, родственник по имени Артур попросил гитару, я приволок и с первых аккордов просто обалдел: пел он Цоевским голосом, играл каспаряновские партии, и знал все песни наизусть. Я тут же подбил к нему клинья, и стал бегать к нему после школы, брать уроки игры на гитаре. Меня тогда (как мне сейчас кажется, очень кстати) бросила моя девушка, в которую я был влюблен, и я, мучимый амурными переживаниями, вообще перестал где-либо появляться, сидя по вечерам дома и оттачивая свои навыки игры на этом волшебном инструменте. Наверное, это время не прошло зря, во всяком случае, сейчас меня все хвалят. Но тогда мне казалось, что этот мир бывает только серым, и никаким больше, что счастливой любви не существует, и вообще «все плохо, жрать нечего, попса одна по ящику». И, как всегда в такие моменты, выручали Цой и гитара. Иногда

по отдельности, иногда вместе, но всегда, когда из динамиков лились слова: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве...», я словно проваливался куда-то, и не оставалось больше ничего, только этот голос и эти слова...

Когда мне стукнуло 16, на горизонте замаячил переезд в Германию. Я был уверен, что в Стране Пива и Сосисок я найду тех, кто тоже слушает Цоя, тех, с кем можно будет сколотить группу и играть нормальную музыку. Как показала практика, надеялся зря. Нет, там, конечно, очень многие слушали Цоя, но эти ребята одинаково ценили группы «Кино» и, скажем, «Руки вверх». Меня такой вариант никак не устраивал, так что в Забугорье мне тоже пришлось остаться в одиночестве. Очень скоро я снова приобрел репутацию «странного лохматого человека», но на это уже не обратил особого внимания. Привык.

Вскоре один из моих соседей по общежитию взял меня с собой в интернет-кафе. Там я оторвался по полной! Целыми днями я читал и перечитывал статьи, до которых не мог добраться в Казахстане, разглядывал фотографии, скачивал аккорды, которые не смог подобрать сам. Вот это было, как говорит моя жена, мое «неформальское счастье»! Попутно я оставлял всяческие отзывы и пожелания в гостевых книгах, и как-то раз на одно из них получил ответ. Мне писала девушка-киноманка, которой почему-то понравился мой отзыв. Между нами завязалась переписка, потом я позвонил ей и понял, что это тоже всерьез и надолго...

Часто люди говорят, что вот мол, пообщался пять минут с человеком, и кажется, что знаешь его всю жизнь. Мне тогда показалось, что всю эту жизнь мы были лучшими друзьями. Просто это невыносимо приятно, когда после стольких лет одиночества встречаешь человека, который думает и чувствует так же, как и ты. Мне было легко говорить с ней, рассказывать ей обо всем, и это притом, что мои родители часто говорили мне, что я, наверное, совсем разучился с людьми разговаривать. Девушка, которую звали чудесным именем Аня, оказалось киноманкой, наверное, даже больше заядлой, чем я сам. Мы говорили вечера напролет, обсуждая всевозможные темы, и я чувствовал, что с каждым разговором мне становится все интереснее с ней.

В общем, через несколько вечеров я влюбился, спустя пару дней она в меня тоже. Я не буду рассказывать, как мы ждали встречи целый год, писали друг другу письма каждый день, выдерживали нападки со стороны близких, мол, как так можно, ребята? Как долго пытались добиться того, чтобы нас расписала тетенька в ЗАГСе, которая почему-то очень не хотела этого делать... Но сейчас мы вместе, у нас дружная, немного бестолковая рокерская семья, квартира увешана плакатами с Цоем, и мы твердо знаем: несмотря ни на что ЦОЙ ЖИВ В НАШИХ СЕРДЦАХ!

♪ ЧЕЛОВЕК С ГИТАРОЙ

Виктору Цю посвящается...

Автор: Сергей Термер

По широкой улице в свете фонарей
С легкой грустью на лице ты шел мимо людей
В твоих руках была гитара, а в глазах печаль
И душа твоя, вся в ранах, улетала вдаль...

Человек с гитарой уходил домой,
Человек с гитарой вел нас за собой
И ты будешь вечно жить в наших сердцах,
И, как прежде, будем мы искать себя
В твоих словах...

Свою песню не допел – порвана струна...
Почему ты не успел все сказать сполна?
Почему ушел так рано в двадцать восемь лет?
Почему молчит гитара, и где встречаешь ты рассвет?..

Человек с гитарой уходил домой,
Человек с гитарой вел нас за собой
И ты будешь вечно жить в наших сердцах,
И, как прежде, будем мы искать себя
В твоих словах...

*** * ***

Автор: Ирина, г. Рига

Кто-то хочет уйти, но не может никак.
 На душе черным комом тоска, страх и мрак.
 Надоело считать по минутам часы,
 Надоело страдать и топтать все мечты.
 А в квартире темно, догорает закат.
 Кто-то плачет сейчас, кто-то спит, кто-то рад.
 А в душе пустота, оборвалась струна,
 И осталось лишь то, что я здесь не одна.
 Я пыталась уйти, но твой взгляд удержал,
 Оставаясь со мной, ты без слов все сказал.
 Я живу для тебя, но не знаю, зачем,
 Все равно у черты я останусь ни с чем.
 1991.

*** * ***

Автор: Ирина, г. Рига

Годы проходят, и все улетает в безвестность,
 Тоньше и тоньше становится памяти нить.
 Только поем и поем недопетые песни,
 Есть еще то, что мы просто не сможем забыть.
 Есть еще шепот прибоя и музыка леса,
 Есть еще то, что мы вместе – но это не так.
 Строчки стихов, дождь в ночи и куплеты из песен,
 Дни как в кино, и высок наш растрепанный флаг.
 Ветер в лицо, и в глазах отчуждения тени,
 Все мы, наверно, тогда ушли вслед за тобой.
 Есть уже те, кто, отчаявшись, встал на колени
 Перед покорной, ненужной и серой толпой.
 Двери закрыты, и мы остаемся с тобою.
 Годы идут, и острее становится боль.
 Ты в небесах загорелся той новой звездой,
 Что путь укажет и днем, и в прохладе ночной.
 Июль 1992.

Автор: Ирина, г. Рига

Третий год не понять эти сны,
 Третий год не сдержать эти слезы,
 Третий год, как разбились мечты,
 А что есть – серый камень и розы.
 Взгляд и голос в ночной пустоте,
 Вера в то, что хоть в чем-то есть смысл.
 Семь кругов, как в холодной воде,
 В одиноком безумии мыслей.
 Трудно верить, но правда, как ком
 Или камень проклятый Сизифа.
 И отчаянье рвется дождем
 И обрывками древнего мифа.
 Трудно верить, ведь голос живет,
 Взгляд с плакатов такой же, как прежде.
 Но, увы, третий год, третий год,
 Как безмолвием стали надежды...
Февраль 1993.

СНЫ (ВИТЕ)**Автор: Бошетунмайка**

Незнакомец, ты так мне знаком,
 Словно жили в одном мы дворе.
 Через сотни дорог и домов,
 Познакомились мы лишь во сне.
 Ту улыбку я в сердце храню,
 Блеск усталых, но ласковых глаз,
 Через сотни дорог и домов,
 Мы встречаемся в тысячный раз.
 Пусть все так же идут поезда,
 Угоняя на север и юг,
 Пусть по прежнему бьются сердца,
 И пылает танцующий круг.
 Я все буду сидеть у окна,
 Ждать той встречи в серебрянном дне,
 Через годы – как в речке вода,
 Может снова заглянешь ко мне?

♪ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ**Автор: Денис Евдокимов (Hunter)**

Посмотри – радуга в лужах.
 Красота, но она несет смерть.
 Но бывает и хуже,
 Когда не на что больше смотреть.

Протяни свои руки,
 Покажи мне линии снов.
 Я вижу трассы разлуки,
 Вереницы несказанных слов.

Настало черное лето.
 Черный дождь идет стеной.
 И ни ладони просвета.

За стеклом и бетоном
 Запираем тела на замки.
 Неприступная зона.
 Вот и все – ты остался один.

Картонные замк
 Сгорели дотла, дожидаясь зимы.
 Сбиваем все планки,
 Нажимаем на «стоп», оставаясь пьяны.

ОКНА

Автор: **КАРОЛИНА Л. (МАВРА ЗВЕНИГОРОДСКАЯ), Канада**

Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна...
Но я вижу так много знакомых звезд.

Это – окно и небо Виктора Цоя. Я вижу звезды его песен, звезды моей жизни...

Я не русская, но я люблю В. Цоя и группы «Кино». Мне было почти 14 когда девушка из моей школы рассказала мне о Цое. Я слушаю Кино уже больше двух лет. Но когда я первый раз услышала его, все было совсем по другому...

Я относилась к музыке «Кино» как к великому золотому шедевру, который лежал в стеклянной коробочке в музее. Но сейчас я думаю что все это не так. «Кино» – это часть жизни, и мне надо держать ее в руках и хранить ее в сердце.

Многое я еще не понимаю в песнях Цоя. Сначала мне надо понять слова, а потом уже их смысл. Это что-то новое для меня, но я думаю, что я уже начала понимать. Мне очень нравится искать глубокий смысл в песнях, думать о них и каждый раз находить что-то новое. Мне просто очень хочется понять его песни и учиться на них. Это самое главное...

Я верю, что каждый человек должен искать свой путь в жизни. Но почувствовать куда идти – непросто. Цой мне помогает искать эту дорогу своей музыкой, он всегда скажет мне: “Иди вперед!”

Однажды, я увидела его во сне. Я гуляла по большой улице полной людей. Там были кафе и магазины... и Цой. Он сидел в кафе и пил чай. Но когда я вошла, его там уже не было. Я вышла и решила попытаться его найти. Я звала его – «Витя! Витя!»... Я помню что там было много людей в черном, но среди них не было Цоя. Я продолжала искать его, хотя мои друзья, которые были на улице, сказали, что его там не было и что пора возвращаться домой. Но я бежала вперед и вот... На пустой улице был он. Обняв его, с закрытыми глазами я повисла в воздухе. Я летела...

Он как бы ведет меня по жизни. Для меня Цой как хороший друг, или старший брат. Он учит меня не забывать то, во что я верю. Он всегда приглашает меня гулять под дождем, и не бояться жить, просто жить...

Когда я слушаю песни Цоя, для меня становятся более ясными такие важные и простые жизненные вещи, как вера, надежда, и любовь, понимание, счастье и печаль, борьба, мечты и цель... все! Он заставляет меня глубже вникать в эти понятия, осмысливать себя и то, во что я верю.

Витины слова: «Любовь стоит того, чтобы ждать». Эти слова простые, они дарят мне надежду. Но однажды, как-то мне понравился один человек. Я поняла, что это было лишь увлечение, ничего больше. Это бывает у всех, но его слова дают мне силы ждать и не следовать за мимолетным чувством.

На этой дороге много фонарей. Но они освещают только место, на котором я стою, и я не вижу, что дальше там, на дороге. Но ко мне пришел человек со свечой. И как звезда, горящая в его руках, эта свеча помогает мне видеть дальше.

Я думаю, что я наконец нашла музыку, которую я действительно люблю...

Как я уже сказала, Витя – не только известный музыкант, но как близкий друг мне. Он человек, к которому я всегда могу обратиться за помощью; его мышление и видение мира очень близки мне. И благодаря ему, я встретила хороших людей. Просто послушала его песни, посмотрела видео «Солнечные Дни», и поняла, что у него, конечно же, есть место среди нас. А вернее, это место в наших сердцах.

Но может быть, теперь его дух также отдыхает среди звезд. Как сказала моя подруга, он – Звездный Человек. У него есть таинственная, магнетическая энергия. Она слышна в песнях, видна в концертах и фильмах. Когда я слушаю песни Вити, я часто чувствую какую-то духовную связь с Землей, небом и звездами. Такое ощущение, как будто я – часть чего-то большого и неизвестного. Как будто я могу видеть себя в сети жизни, собирая части великой загадки духовной свободы.

Цой мне дарит крылья – чтобы лететь в другой мир. Это – подарок звезд...

Я верю, что Виктор Цой просто писал и пел о том, о чем он сам думал и чувствовал. Он открыл нам окна своей души, и пригласил нас внутрь. Он разделил с нами все. Он помог мне найти себя и открыть окна моей души. И теперь, меня ждет на улице дождь; мне многое надо найти и понять. Там за окном есть звезды его песен и звезды моей жизни.

1 апреля 2004.

«ЯДИД НАВШИ» – ДРУГ ДУШИ МОЕЙ...

Автор: ЛЮ

Только теперь, когда я сама мать, начинаю понимать, что тогда чувствовала моя мама. Нет слов, чтобы описать чувства матери, теряющей своего ребенка. С моей мамой это происходило на протяжении 12 лет. Все это время неизменные несколько месяцев каждый год мы проводили в больницах – я в качестве пациента, скорее, подопытного кролика. Никто не знал, что происходит, и каждый почитал своим долгом проверить на мне свою дежурную теорию, кто – из искреннего желания помочь, кто – в надежде на публикации в научных журналах. Мама – в качестве «адвоката Господа», единственного человека, который все это время верил, что любовью можно спасти того, кого любишь.

Теперь, будучи медиком и имея доступ к лучшей медицинской литературе мира, я знаю, что происходило на самом деле, как надо было лечить, и как же быстро и эффективно можно было вылечить и меня, и моих несчастных соседей по палате. Но тогда мне было 3, потом 5, потом 12 лет... В 12 мне никто не давал больше 8 лет жизни, я была насмерть измученным ребенком, который просто ждал, когда все это закончится. Маме так и сказали: «Вы молодая, красивая женщина. Заведите себе еще одного ребенка, потому что девочка не выживет».

В 13 лет я влюбилась. Виктора я впервые услышала в октябре 1990-го, и с первых аккордов мне стало абсолютно ясно, что мир никогда не станет прежним. Чем для меня была эта любовь, сказать трудно – наверное, потому что она по-прежнему продолжается, и можно с уверенностью сказать, что это будет продолжаться всегда. На иврите есть выражение «ядид нафши» – «друг души моей». Наверное, это наиболее точно описывает нашу общую с Виктором реальность. Он был моим единственным другом, окном в мир, и вот в этот-то мир он и принялся меня тащить практически сразу после знакомства. Излишне говорить, что не было у меня ни интересов, кроме книг, ни друзей, ни смелости их завести. Но он распорядился иначе – вытащил меня на улицу, не давал отступать, не позволял ныть. Вернее, ныть было стыдно, а еще я страшно боялась, что если стану вести себя как перепуганный насмерть ребенок (каким я и была), он исчезнет из моей жизни. Ему станет скучно со мной. А больше всего на свете мне хотелось, чтобы Виктор меня уважал. Пришлось предпринимать некоторые усилия. В 15 лет у меня были друзья, я стала неплохо рисовать, ходила на бальные танцы – и говорила с Виктором. Часами. «Кино» у меня практически никогда не играло – оно играло у меня в голове. Не было ни значков, ни кожаных курток – мне было совершенно не-

интересно доказывать что-либо миру, достаточно, что в этом мире был Виктор, а значит, был смысл.

В 15 я снова загремела в больницу, на этот раз повезли меня в Ленинград, потому что все было совсем плохо. Сделали редкую по тем временам компьютерную томографию, и нашли опухоль в почке, размером с собственно почку. О чем и сказали моей маме. Мне она не сказала. Повторную томографию назначили через 5 дней, чтобы решить, операбельно ли это чудовище. В один из этих дней я развернула газету, а на развороте был Витин портрет. И тут что-то произошло... Мне, медику и прагматику, странно писать подобные вещи, но факты – вещь упрямая. Виктор будто встал со своего портрета и посмотрел на меня в упор. Как в дешевом фантастическом романе. Посмотрел мне в глаза, улыбнулся и спросил: «Скажи, тебе не надоело все это? Там (кивок головой в сторону окна, где кипящий жизнью проспект) жизнь есть». Помню, как я разозлилась тогда – я что, специально болею?! Откуда такая черствость! «Не надоело!» «Хочешь жить?» – Виктор вдруг перестал улыбаться. «Хочу!» – рывкнула на него я. И он исчез. Портрет снова стал портретом.

Повторная томография показала, что предыдущая была ошибкой, и нет никакой опухоли. В больнице с тех пор (а мне 32 будет в сентябре) я была дважды – с сильной ангиной в 17 лет, и рожая сына в 26. Сына люблю так же, как Виктора – только взяв малыша на руки, вспомнила, что умею так любить. После чего собрала вещи и ушла от нелюбимого мужа. Время показало, насколько я была права тогда.

Я не пишу стихов, рисую редко и непрофессионально. Ничего особого не добилась пока. Но у меня есть жизнь, есть сын, есть любимое дело, друзья, может, будет любимый. И я знаю, что это во многом благодаря Виктору. Каждый раз, когда я счастлива, или наоборот, когда дела идут плохо или хорошо, когда я сижу у костра, обнимаю друга, веду в садик сына или ставлю на ноги очередного пациента, я говорю «Спасибо, Солнышко!». Потому что без тебя ничего бы этого не было.

Можно долго перечислять те десятки раз, когда Виктор помогал, предостерегал, советовал... Но это будет долго и неинтересно. Я просто знаю, что мы обязательно встретимся, и что я смогу даже ничего не говорить ему, а просто посидеть рядом.

Автор: Группа «Архив»

Откуда-то свыше доносится твой голос времен,
И льется на грешную землю, не зная конца.
Ты ушел так давно и следы твои размыты дождем,
И скупая улыбка больше не тронет лица.

Одинокая кухня погрузилась во мрак,
Теперь шаги не нарушат ее покой.
Твоя грустная песня разбудила богов и они рассудили так,
Что судьбою был выбран ты – последний герой.

И кто же теперь раскроет на правду глаза,
Не тот ли, кто сегодня смеется со сцен?
В чьих уютных домах так просто прожить, не срывая свои голоса,
И пряча сердца за холодом стен.

Легенды уходят, оставляя незанятый трон,
Правды и смерти, увы, так прочен союз.
Но я верю, что мы еще с тобой сыграем и споем,
Лишь только закончится сон и я проснусь.

ДЛЯ ЦОЯ

Автор неизвестен

Летнее утро. Шум городов
Доносится с улицы в окна квартир.
Лучи согревают стены домов,
Крики людей... Просыпается мир.
По тротуару, вдоль ряда машин,
Идет человек с сигаретой в зубах.
В черной одежде, с гитарой в чехле
И небо отражается в узких глазах...

Через годы я снова тебя вижу таким.
Ведь здесь ты, ты с нами, ты есть и сейчас.
Ты пой да играй, последний герой!
Для всех это важно,
Ведь это про нас.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор: Огпа

Нелепо, глупо, подло и жестоко
В рассвет ворвался сплющенный аккорд.
Земля! Ты знала посланных пророков,
За что же радость дьяволиных морд?

Колесный след, взрыт камень на дороге,
И тишина – навстречу сонной мгле.
Роса лежала в бешеной тревоге,
И человек – на раненой земле.

И целый мир в неистовом страдании,
Ревела в исступлении Земля.
Ты с нами, Виктор Цой, ты рядом с нами,
Неправда, не согнулась жизнь твоя.

И мы опять тебя сквозь вечность слышим,
И пыль всех звезд хрустит под сапогом,
Как будто стали мы друг к другу ближе,
Тебя оставив в измерении ином.

август, 1991

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор неизвестен

Завтра где-то, кто знает где...
Война, ураган, река разольется,
Кто-то оставит друга в беде.
А кто-то, уснув за рулем, разобьется.

Но с кассеты моей его песня звенит,
Он в наших сердцах будет жить все равно.
Он жив до тех пор, пока голос звучит.
Вот жаль только – сердце не бьется давно.

Голос твой ни с каким невозможно сравнить,
Он как будто бы с неба зовет меня в бой.
И не сможем мы дверь за тобою закрыть.
ТЫ ВОВЕКИ ЖИВОЙ! ВИКТОР ЦОЙ, МЫ С ТОБОЙ!

От: «**Дмитрий**» <@pisem.net>
 Кому: <@yandex.ru>
 Тема: **Книга о Цое**

Створчеством Цоя я познакомился классе так в 8–9 (лет 5 назад). Это было летом. Мы с другом сидели на берегу пруда и смотрели на поплавки. Яркое солнце, море травы вокруг и звуки лета. И вдруг он начал напевать – это была «Группа крови». В тот день я впервые услышал (у друга была кассета) Музыку. Тогда я еще этого не понимал, сказывалось богатое попсовое прошлое, мне просто понравилось. Вечером первого дня играл альбом «Группа крови». С тех пор это мой любимый альбом. Не напрягающая, не несущая груза музыка. Одна из многих. Только через 2 недели меня зацепило – пошел и купил себе все альбомы на мрЗ. Стал вслушиваться, крутить по 10 раз одну и ту же песню. «Группа крови» – мой первый альбом. Вот уже 5 лет эта музыка со мной. Она многое изменила во мне. Не дала скатиться в цинизм (куда я очень стремился), помогала меня, когда я впервые болел сердцем (ведь все мы проходили через первую любовь), заставляла идти, когда так хотелось упасть, была во мне, когда все было хорошо, сопереживала, когда было грустно. Помогла проснуться: до этого я не верил в Дружбу и Любовь, не думал, не жил, это было просто растительное существование... Как-то сами стали писаться стихи.

А еще эта музыка заставила меня отойти от навязчивого желания суицида. Для меня Цой – это только Музыка. Музыка, которая не надоедает, которая учит, которая всегда в душе.

ЦОЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Автор: РИММА ГЕРАСИМЕНКО

ЧАСТЬ 1. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ТВОРЧЕСТВОМ ЦОЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Мое первое знакомство с творчеством Цоя, возможно, покажется кому-то довольно банальным. Но я до сих пор не могу понять, почему именно тогда и именно так это произошло. В тот погожий осенний день я завернула на рынок. Я помню, что в то время мне было очень грустно и одиноко. Рассеянно шатаюсь между торговыми рядами, я думала о чем-то своем, печальном. Остановилась у лотка с кассетами. В недоумении – что бы такое послушать – я разглядывала витрину. И тут меня привлекла одна кассета. С ее обложки на меня хмуро смотрел странный парень с корейским лицом. И я внезапно поняла, что хочу послушать именно этого загадочного певца, который то ли с упреком, то ли просто с грустью взирал на мир... Цой... Разумеется, я знала кто это. Слышала мельком его песни, к тому же, как раз в то время была шумиха вокруг «Кинопроб». Но я не ожидала от себя такой реакции от прослушивания того сборника. Меня будто разбудили, я забыла про все свои невзгоды и трудности. Я действительно заболела «киноманией»... Я была просто поражена – эти песни написаны 10 лет назад незнакомым мне человеком, и, тем не менее, они как будто обо мне...

В течение следующих полутора лет я собирала все альбомы «Кино», информацию, и т. д. Мне посчастливилось достать записи концерта «Иглы» и еще нескольких передач о Викторе с TV через знакомых, по почте. Надо было видеть, как я радовалась этим приобретениям! Потом мне подарили «Последний концерт», еле нашла «Солнечные дни» и «Концерт памяти Башлачева». Появились у меня и книги: «Энциклопедия «Кино», «В. Цой. Звезда по имени Солнце», «Фотоальбом»... Плакаты с Цоем облепили всю мою комнату. Когда-то я писала стихи. И в разгар моей «киномании» я вспомнила опять, как это делается... Они появлялись сами собой, стихи, посвященные Вите... Наверное, в них и вылилось избыточное увлечение «Кино». Сейчас все это немного затихло. От прежних «буйных» киноманских дней осталась безграничная любовь и уважение к Вите, восхищение его удивительным талантом, тихая грусть. А еще – бесконечная благодарность... Я многим обязана Вите. С увлечения «Кино» началась моя любовь к Русскому Року, который сейчас является неотъемлемой частью моей жизни. Я стала думать и чувствовать немного иначе. В тот киноманский период оформились мои теперешние принципы, убеждения, взгляды на жизнь. Я очень из-

менилась и рада этим изменениям. Но, пожалуй, главное – это гитара. Благодаря Цою я решилась взять сей замечательный инструмент в руки. Сейчас гитара занимает важное место среди моих увлечений. Я не люблю, когда из Цоя пытаются сделать идола. Мне кажется, это перебор. Я считаю, что он был необыкновенно талантливым, сильным и мудрым человеком. Как-то подсознательно мне всегда хотелось быть похожей на него. И иногда мне кажется, что так оно и есть... Но это уже совсем другая история...

ЧАСТЬ 2. СОН, ИЛИ КАК Я УЧИЛАСЬ ИГРАТЬ НА ГИТАРЕ.

Черт! Ну, никак, никак не могу ее настроить! Расстроено бросаю гитару на диван. И вдруг в комнату кто-то входит. Я еще не вижу, кто, но чувствую... Это он...

– Представляешь, а ребята думают, что тебя нет! Вот удивятся... Он только усмехается, садится на диван и берет мою гитару. Минуту позовившись, протягивает ее мне. Ну и ну! Она настроена исключительно... Он жестом показывает: играй! Да я не умею... Учусь только... Но он ждет, молча, но пристально глядя на меня. Вспоминаю простенький мотивчик из трех аккордов, брэнчу. Одобрительно улыбается, встает, закуривает сигарету. Внезапно передо мной появляется моя тетрадка с аккордами и у меня получается ставить даже те, которые недавно казались чудовищно сложными. Увлечшись, я забываю о его присутствии. Когда я поднимаю голову, в комнате уже никого нет. Только недокуренная сигарета тлеет в неизвестно откуда взявшейся пепельнице. Я бросаю гитару, вскакиваю, и хватаю окурок. Почувствовав ожог, я просыпаюсь... Смотрю на часы: позднее утро. Вот это да! Приснилось! Сроду Цой не снился, раза два только, да и то – мимолетом. А тут... Да правдоподобно так... Встаю, подхожу к шкафу, беру свой инструмент. Почти сразу получается настроить, хотя до этого получалось «с потугами»... Кстати, после того сна мои успехи с гитарой резко пошли в рост. Я разучила первую песню – «Пачку сигарет», ну, а остальное – дело техники. И времени. А в кузов гитары я вклеила лучшую из фотографий Виктора, какую только смогла найти. Что это было? Не знаю...

ЧАСТЬ 3. ОБРАЩЕНИЕ.

Да, я знаю – глупо обращаться к тому, кого давно нет с нами... Только я должна, должна сказать это тебе... Ты хотел перемен... Что ж, перемены настали. Только неизвестно – таких ли перемен ты ждал... В твоё время настоящей музыке не было хода из-за властей, а сейчас все забито ложью, лицемерием, дешёвкой... «Ты должен быть сильным». Да, мы научились

быть сильными. Вместе или поодиночке, но мы сильны! Нас ничто не сломит. Потому, что у нас есть ты, твои песни, твой пример. Твой образ ведет нас вперед. Мы не смотрим на время и условия. Мы делаем то, что должны делать. Мы поем и играем твои и свои песни... Смотри: нас – почитателей твоего необыкновенного таланта – все больше и больше. В наше странное время некоторые все же ищут что-то искреннее, настоящее. И находят это в твоих песнях. Подлинное творчество не угасает. Бремя лет никак не влияет на твои песни, ведь они написаны от чистого сердца, а не ради наживы. И мы способны понять и почувствовать это даже через годы... И через 20, 30, 40 лет найдутся люди, которые поймут и почувствуют. Они придут на наше место. Ты есть... Ты живешь в наших мыслях, сердцах, чувствах: Твоя память – вечна. Мы помним тебя, пока мы есть. А потом тебя будут помнить другие. И пусть тебя нет с нами, но ты – в нас. Наши мысли – о тебе, наши песни – о тебе, наши стихи – о тебе. Мы поем твои песни... И пока все так – ты есть. Ты есть...

13 августа 2002.

ИЗ ДНЕВНИКА

Май

Когда слушаешь Цоя, все твои проблемы кажутся мелкими. Понимаешь, какой же ты, в сущности, слабый человек. Очень хочется как-то исправить себя, стать чище, мудрей и сильнее. Чтобы оказаться достойным его. И не как фанат кумира, а скорее – как ученик Учителя.

«Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать: «Руки прочь, прочь от меня». Ты должен быть сильным иначе зачем тебе быть»...

Июнь

У меня на стене висит фотография Цоя. Не плакат, а именно фотография. Я ее очень люблю. Кажется, что Виктор смотрит на тебя и мягко улыбается. А я на него взглянула и неожиданно вспомнила, даже стыдно стало. Несколько лет

назад все «Миражом» болели. А сейчас подумаешь: что мы в нем такого нашли? Обычная группа, поющая под фанеру. Солистка, оказывается, даже петь толком не умела. Достал мне друган кассету, а там, на обратной стороне – Цой! И ведь сказали мне: послушай, это – настоящие! А я, как последняя дура, вежливо послушала и переписала «Мираж». Прости меня, Витя...

... Мне не нравится, когда над поклонниками «Ласкового мая» издеваются. Ребята думают, что так они Цоя защищают. Я и сама всех этих Шатуновых и Разиных не люблю. Но каждый должен разобраться сам. И Виктора защищать не нужно. Он всегда мог за себя постоять. И достаточно просто послушать его песни. «Ведь все что мне нужно, это несколько слов и место для шага вперед».

Август

Мне тогда Санек позвонил. «Маша, Цой погиб!» Но я сначала не верила. Почему это все хорошие люди должны умирать так рано? И все время хотелось, чтобы Виктор встал. Поднялся, смертельно раненый, как его герой Моро в «Игле», и пошел вперед, только вперед, туда, где светит звезда по имени Солнце.

А потом неожиданно поняла – это правда. И стало пусто-пусто внутри, будто у меня тоже что-то погибло в душе. Что-то очень чистое и светлое.

Я верю, что свою лучшую песню Виктор так и не успел написать...

(«Молодой коммунист», август 1991 г. Чебоксары)

ОБОРВАННОЕ ЛЕТО

Автор: ЕКАТЕРИНА СЛАУТА

– Холодно, – вздрогнув от прокравшегося под рукава старой потрепанной косухи уличного сквозняка, сказала она.

– Да уж, не летняя погодка... – ответил он, дыхнув теплой испариной на заледеневшие руки, ритмично потирая ими и без того истертые джинсы, – никак не могу согреться.

Утро выдалось на редкость холодным. Пропитанное сыростью еще с полуночи зарядившего настырного дождя, оно хмурыми просветами громоздилось на подоконники спящих домов, мокро заполняло улицы, зябко лизало в шеи двоих, не спавших этой ночью, заставляя мурашки бегать по коже, леденящим холодком проникало под рукава и воротники друзей, прислонившихся спинами к кирпичной стене в переулке одной из старейших улиц города. Они наблюдали, как, нехотя продирая глаза в сумраке почти осеннего утра, просыпается Москва. Впрочем, еще было лето, звенящая середина августа, по всем законам предсказуемого климата большого города обещающая легкую прозрачность улиц и солнечные загорелые лица прохожих. Но двое сидящих у стены на Арбате не были в обиде на рыдающее серое небо с по-осеннему высоко ползущими тучами. Погода словно оплакивала давно ушедшего героя. Их героя, чье имя под стать шепчущей морозящей воде сегодня произносилось шепотом...

Сквозь запотевшие окна заиндеветавшие термометры показывали «5», ртутными красными языками дразня механические часы в теплых квартирах, упорно тикающих свое: «Нет, 6, нет, 6». Было еще совсем рано. Арбат пустовал, и две прижавшиеся друг к другу черные фигурки представляли собой трепещущий темный комочек – живой, чуждый окружающему запустению и унынию.

– Удивительно... – осипшим голосом вновь произнесла она.

– Что удивительно?

– «Я один, но это не значит, что я одинок», помнишь? Про нас я в эту минуту могу сказать то же самое.

– Ничего странного. Он всегда прав.

Улыбнулась в ответ. От этой улыбки стало немного теплее... Хотя и он, и она знали, что это прохладное грустно-прятное одиночество продлится недолго. Сейчас шесть утра. К семи уже появятся первые «завсегдатаи» переулочка, к восьми подойдут их друзья, а к девяти их станет уже человек пятнадцать. Постепенно к этим пятнадцати подмешается толпа зевак, случайно проходивших мимо и решивших посмотреть, и к десяти часам здесь негде будет ступить. К одиннадцати подъедет телевидение с журналистами, и долго будут снимать

репортажи, делать фотографии, брать интервью у подростков, и никто не скажет ни слова – все хотят зрелищ. В 12:28 бормочущая, галдящая, рокошущая толпа замолчит на минуту, а потом с силой взорвется новой волной всеобщего возбуждения. Часам к пяти она превратится в огромный бушующий монолит и где-то до девяти будет безразлично надрывать глотки, вопя его песни и скандируя его имя – имя, которое сегодня надо произносить шепотом... Наконец, к двенадцати после нескольких ящичков портвейна и неисчислимого множества сигарет о стену разобьется первая бутылка, или чья-нибудь голова... а под утро все расплзутся, через неделю и не вспомнив, где были. Переулочек же, утопая в окурках и битом стекле, опустеет, оставляя за собой еще одну дату своей истории. И так каждый год...

Но пока их было двое. Двое, согревающихся теплом друг друга и теплом воспоминаний. Они смотрели на дождь. Сегодняшний поток прохладных небесных слез они шепотом назвали его именем, слишком они оказались похожи: взглянув на стену из дождевой воды, покажется, что она глуха и непрístupна, а если приглядеться повнимательнее и посмотреть на соседнюю улицу, сквозь пелену прозрачных капель она станет иной: сочной, цветной, чистой, и унылый дождь уже не таким бесполезным. Таким же был он: умел преображать мир, разве что не использовал ловких приемов обмана зрения и иллюминации, а делал это честно, с горделиво поднятой головой и глазами, всегда обращенными к звездам...

– Кажется, я знаю, как согреться, – очнувшись от сонливой задумчивости, вдруг сказала она, стаскивая с плеча черный парчовый самодельный чехол, перетянутый грубым ремнем. В нем оказалась маленькая акустическая гитарка с шестью нейлоновыми струнами. Инструмент выглядел таким хрупким, что, казалось, не выдержит натиска сильных длинных пальцев, умело растянувшихся на грифе.

– А я что буду делать? – озадаченно спросил он.

– Ты будешь петь. Моим пальцам будет теплее от его музыки, твоему горлу – от его слов. Вот и согреемся!

В унисон унылым каплям, монотонно щелкающим об асфальт, переулочек наполнялся грустными аккордами. Дождь немного затих, словно прислушиваясь к песне, а потом и вовсе прекратился. Действительно, с каждой секундой становилось теплее. Они обратили взор к небу и уже вместе пропели:

– Солнце мое, взгляни на меня...

В этот самый миг кто-то невидимой рукой разорвал висевшую над их головами мохнатую синь, а оттуда на невероятной скорости спешила стрела теплого желтого солнечного луча! Игристое золото засверкало

в зрачках, ласковый свет облизал лица, нежной волной разлился по всему телу и ослепительной радугой озарил переулочек. Они знали, что он их слышит. Они смеялись.

Через несколько мгновений ласковый луч вновь заторопился в облачную вату, на прощание подмигнув зазорной искоркой. Разорванная солнцем туча вновь срослась в могучий монолит, и дождь хлынул с небывалой силой, прозрачной мокрой полосой отчаянно смывая слезы со счастливых лиц сидящих у стены, говоривших о чем-то шепотом. Кончалось лето.

Это был рок. Им помечено лето прошлого года. В начале июня среди нижегородских фанов прошел слух, что умер Виктор Цой. Весть облетела всех мгновенно, и с утра в редакции надрывались телефоны. Мы ничего не знали и просили всех перезвонить после обеда.

Весть же распространялась с неимоверной скоростью. В телефонной трубке слышались рыдания девчонок. Полагаясь на всемогущество газеты, они просили хоть что-то узнать.

Мы дозвонились до Москвы. Влоб спрашивать не стали, но голоса рокеров были спокойны. Ленинград молчал долго, и тяжесть ожидания была уже невыносимой. Наконец ответил рок-клуб. Несколько незначительных фраз о житье-бытье, потом прямой вопрос – о Цое: как он, не собирается ли по гастроям в Горький. Цой был в подполье, мало выступал, готовился к поездке в Японию.

От сердца отлегло. Наши послеобеденные звонки всех успокоили.

Но откуда же взялся тот слух в начале лета? Откуда? Теперь кажется, что роковая тревога начала лета так и не рассеялась.

...Цой погиб 15 августа...

По словам программы «600 секунд», в первые дни после гибели Виктора Цоя в Ленинграде на 30 процентов подскочило число самоубийц. Что это было? Истерия? Искренняя боль от утраты близкого человека? Что для нынешнего поколения молодых людей был и есть Цой? Можно ли отношение к певцу объяснить словами? Пусть говорят строчки из писем, которые пришли в редакцию в августе-сентябре прошлого года и продолжают идти по сей день.

«Для меня Цой – Бог» (Алена, г.Бор)

«Я знала, что где-то есть человек, которого я люблю. После его гибели моя жизнь потеряла смысл. Но я не верю, что его не стало. Он для меня

жив». (Марина, Н.Новгород).

«Кручу каждый день его песни и плачу. Я даже жить не хотела, но умирать страшно. Он будет навсегда моим единственным кумиром». (Наташа, Дивеевский р-н).

«Я не хочу даже допустить мысли о том, что Цой погиб. Просто он недолго вышел. Я не думаю о его гибели. Это открытая рана, которая болит. Наверное, когда пройдет год или два, мы привыкнем к мысли, что его нет. Почему из жизни уходят лучшие люди? Его песни – это жизненный компас для нас, молодых». (Рита, Н.Новгород)

«Цой нас объединил и подружил. Каждый из нас был сам по себе, а теперь мы единое целое. У нас общие заботы и боль». (Сергей, Н.Новгород)

**Спецвыпуск газеты
«Ленинская смена»
(Нижний Новгород), 1991.**

♪ ТЫ УШЕЛ НА ВЗЛЕТЕ

Автор: Михаил (genomen)

Пусть ты ушел, но ты ушел на взлете,
Ты в нашей памяти остался молодым.
Все те же окна видим мы напротив,
На тех же кухнях по ночам сидим.

На стадионах зажигались спички,
Их свет в глазах доньне не погас,
И слово «смерть» мы заключим в кавычки, –
Какая «смерть», – ты снова среди нас.

Произошли большие перемены,
Другие фильмы смотрим мы в кино,
Но выглядим мы так несовременно
На фоне бардаков и казино.

Тех восьмиклассниц дети ходят в школу
И все, что надо, знают в восемь лет.
Не засеваешь брезентовое поле,
И помнят все и слово «да» и слово «нет».

Меняются цвета на наших флагах,
Но красной будет кровь и синим газ,
И если есть твои кассеты на прилавках,
То, значит, все не так уж плохо и сейчас.

17 августа 2000

Автор: Кина, г. Минск

Отзвучали мои дожди,
И в окне отраженья нет.
И ответа больше не жди,
И не надо мне сигарет.
У моста через ручеек,
Где под деревом спит коза,
Где хотел проскочить и не смог,
Заглянула мне смерть в глаза.
И не знаю, зачем я пел,
Если так же гремит гроза?
А все то, что я не успел,
Спеть уже никому нельзя.
Но горит в вышине звезда,
До которой я долетел.
И рисуют мои друзья
Солнце прямо на рукаве.
1991 г.

* * *

Автор: Катя, Мурманская область

Мне все надоело, я не могу больше жить,
 Я не могу смотреть на пустое небо.
 Я хочу быть собой, а не кем-то быть,
 Я никому не нужна, как старая мебель.
 Я где-то учусь, чтобы числиться в списках людей,
 Чтоб дали путевку, ведущую в равномерность.
 Но я не хочу этих грез, мне не надо огней,
 У меня есть Звезда, ушедшая в неизбежность.
 Но я помню ее тепло и ласковый свет,
 А эти будни рядом с ней так жестоки,
 Фальшивые речи и кучи статей из газет,
 Забывшие совесть, не помнящие о Боге.
 И это страшно, когда кругом пустота,
 Его не вернули из смерти, он не воскреснет.
 Осталось одно желанье, одна мечта,
 Но она, растворяясь во мне, превращается в песню.

Ноябрь 1992 г.

* * *

Автор: Катя, Мурманская область

Ты спросишь меня, сколько мне лет,
 И я скажу, что столько же, сколько и было,
 Когда ты исчез.
 Стрелки разбиты и времени больше уж нет,
 Но я помню тот день, я не забыла
 На венах надрез.
 Дожди идут равномерно и будут всегда,
 Я не знаю, что это, может быть, даже смерть,
 Но я не боюсь.
 Я сижу у окна, а там, за окном, спешат к тебе поезда,
 Я все же вернусь.
 Ты старше меня на десяток лет, но дело не в том.
 Эта цифра теперь уже тает каждый день, каждый час,
 Как лед.
 Эта разница скоро будет совсем не видна, сгорая огнем,
 Но что все же было в тот день и зачем столько фраз,
 Никто не поймет.

Август 1992 г.

Автор: Кина, г. Минск

Вот этот знак:

Осторожно, крутой поворот!

Все здесь так, как и в прошлый

Проклятый год.

Лишь на мосту –

Цветы, фотографии, свечи.

Ты за черту

Ушел здесь от нас навечно.

А по шоссе

Машины куда-то спешат,

Вихрь в колесе,

Но у мостика притормозят.

И эти строчки

Сквозь мутные стекла читают,

А нас, на обочине,

Просто не понимают.

Ветер играет,

Сбивает банку с цветами...

И он не знает

О том, что творится с нами.

Мы молча сидим

И слушаем шелест листвы.

Нет, мы не дурим.

Здесь нет у нас головы.

Здесь только бешено

За пазухой сердце бьется.

Все решено и взвешено:

Витя к нам не вернется.

Но никогда от нас

Он не уйдет в пустоту.

В запасе есть шанс –

Перепрыгнуть эту черту.

Перепрыгнуть и позабыть

Этот мир с его красотой,

Землю грешную разлюбить,

Но зато быть рядом с тобой.

Но сейчас уйти нельзя,

Даже если хочется выть,

Ведь есть песни и есть друзья,

И поэтому стоит жить.

11.08.91 г.

From: **АНДРЕЙ МАКАРОВ**

To: @yandex.ru

Subject: **воспоминания о «Кино». 1990 год**

Sent: Tuesday, June 28, 2005 9:07 PM

Здравствуйте!

Вот сегодня узнал грустное – умерла Марьяна Цой. Очень жаль...

Начал листать странички в интернете – столько всего нахлынуло. Совершенно случайно попал на сайт поклонников творчества Виктора Цоя. Книга эта – хорошее дело, спасибо Вам за него.

Что касается книги? Я не знаю – нужно ли это? Но если это кому-то интересно, то много могу рассказать. С улыбкой вспоминается, но...

Я из тех, кто «организовал» палаточный городок рядом с могилой Виктора. С моего «легкого языка» появился «крематорий» на кладбище (здание администрации). Я не знал, что это – и как-то предложил ночью (холодно под дождем!!!) девочкам пойти «погреться в крематорий». Так и пошло – а тогда там еще был пункт охраны милиции. Хорошие, кстати, дядьки. Помогали нам очень. Да многие помогали. Рассказать могу многое, и хорошее, и плохое...

Мне бы очень хотелось встретиться с ребятами из того времени. Но как-то все порастерялись. Вот и хотелось обратиться ко всем.

Меня зовут Андрей. Я тогда ходил небритый специально – и меня звали Бородой. Носил тогда очки – и такой вид заумный). Многих помню в лицо – и узнаю. Но имена, к сожалению, забылись. Был архив – пропал. Из архива остался только самопальный значок с портретом Виктора – их заказала и изготовила Марьяна,

В день похорон их раздали тем, кто помогал во время похорон.

Архив должен быть у Виолки, в Питере. Мы тогда аккуратно все собирали и разбирали памятные вещи, которые оставляли на кладбище. Записки, серьги, цепи, банданы, рисунки. В какой-то момент их стало слишком много (мы следили за могилой, убирались) и все это стали собирать. Думали – вот музей сделают и им все передадим. Но время, как обычно бывает, затянулось..

Ценные предметы, кстати, золотые украшения и т.п. мы все отдавали Валентине Васильевне и Роберту Максимовичу. Они нас очень любили и уважали.

Новый Год (тогда 1991) я специально приехал встречать в Питер. Мы его встречали на Богословском. Помню Тихомирова – скромно приехал (ночью, темно уже было) с розами, посидел тихо, помянул.

Ну вот такие воспоминания.

Рок-клуб утром 19 августа, толпа сошедших от горя с ума фанатов, истерики, скорая помощь, хмурое небо и дождь. Дождь. Дождь. Как написал тогда Гаспарян Артур в «МК», что природа тоже плакала в тот день. Но вот...МИСТИКА!!!!...когда опустили

гроб с телом в могилу – дождь перестал. И выглянула Звезда По Имени Солнце! Хотя небо было затянуто серой гадостью. И когда могилу закопали, и потянулась огромная армия фанатов прощаться – опять заморосило.

Вспоминать именно эти минуты тяжело до сих пор. Нерадостно... Ну вот такой краткий экскурс в 1990 год. Тогда мне был 21 год.

БОЛЬШЕГО ГОРЯ В НАШЕМ ДОМЕ НЕ БЫЛО

16 августа мой муж пришел с работы с неживым, каким-то землисто-серым лицом. Я сразу поняла – случилось что-то страшное. А когда он объяснил, что услышал по «Маяку» о гибели Виктора Цоя, я просто не поверила, не могла поверить. И пыталась ему доказать, что это просто очередные дурацкие сплетни. Но когда на следующий день муж принес газету, открытую на странице с фотографией Виктора и статьей, не оставляющей ни малейшей надежды, мы стояли у окна, за которым серело мрачное небо без Солнца, и плакали. Мужские слезы – дефицит. За 14 лет знакомства и 10 с половиной лет супружества я впервые видела его слезы. Не одну-две скупые слезинки, а настоящие горькие слезы в два ручья. Про себя я и не говорю. За эти дни глаза покраснели и опухли – едва вижу окружающее. И не

хочу, не хочу верить в то, что это действительно произошло. Не могут, не должны умирать такие поэты, такие певцы. Не должны умирать – с высоты моих тридцати это хорошо видно – такие молодые люди. Двадцать восемь – это не возраст для смерти. Это просто несправедливо. Не верится, что не будет новых песен, новых альбомов Виктора Цоя, новых ролей в кино. Не верится, что зашла «Звезда по имени Солнце». Как же можно жить без Солнца?! Все эти дни испытываю давящее чувство дикой несправедливости. Что будет с группой «Кино»? Новый лидер? Или группа вообще перестанет существовать? Сразу вспоминается альбом «46» – рабочие студийные записи дуэта Цой–Каспарян. Именно этот, не самый лучший альбом услышала первым, «45» – значительно позже, благодаря ему узнала группу «Кино», приняла ее – может быть, у нас одна группа крови. И Виктор Цой

совсем не напоминал мне «остывающий метеорит», когда слушала альбомы «Начальник Камчатки», «Это не любовь» и «Ночь». Что-то нравится больше, что-то меньше, это естественно, но все альбомы «Кино» слушаю с огромным удовольствием. А последние дни – обливаясь слезами. Неужели «Кино» больше не будет?! Хочется все-таки на что-то надеяться... И хорошо бы альбомы «Группа Крови» и «Звезда по имени Солнце» были изданы на пластинках. Боже мой, как все-таки тяжело на сердце. Смерть Виктора Цоя – это мое личное горе. Когда погибает звезда, ее свет еще долго льется на нашу землю. Что бы ни случилось, что бы ни произошло, Виктор Цой навсегда останется «Звездой по имени Солнце». Для меня, во всяком случае...»

**Ирина Ж.
(Краснотурьинск)**

Журнал «Аврора», 1991.

СЛОВА

Автор: НИКА НИКИТИШНА (ПУСЯ)

Доброе утро, последний герой! Здравствуй, последний герой!

Знаете, если подойдешь к человеку на улице и скажешь ему: «*Последний герой*», то он скорее всего затрепещит насчет состязаний, островов, советов племен и прочей телевизионной чепухи... Но *другой* обернется на вас, и в его глазах промелькнет какая-то странная боль и печаль, а затем, широко улыбнувшись, он убежденно скажет: «Цой жив!»

Сегодня утром он проснулся и нарочно встал с левой ноги – он любил так делать, любил бросать вызов судьбе. Затем, умывшись и улыбнувшись, своему небритому отражению в зеркале, он не спеша пошел на кухню. *На кухне*, по давней своей традиции, он отрезал маленький кусок хлеба, и, намазав его маслом, бросил на пол. Если этот бутерброд не упадет *маслом вниз*, то его полагается торжественно съесть и на весь день зарядиться удачей. Сегодня неожиданно бутерброд упал маслом вверх, что уже вызывало какую-то надежду. Он поглядел в окно, где на улице уже поджидала собака, которой обычно доставались неудачные бутерброды – ее ежедневное счастье. Но сегодня он злорадно, хотя и чуть печально улыбнулся, – счастье наконец-то досталось ему!!! К этому он уже привык – в нашем мире счастье никогда не доставалось всем, а только некоторым, и хотя эти некоторые каждый день менялись, как же чертовски редко оно доставалось ему!! Самое главное счастье в его жизни это то, кем он был. Оно помогало ему всегда и везде, и с этой поддержкой он мог-таки жить. Да! Он был «киноманом». Он *не помнил сколько ему было лет, когда он принял это на вид*, но это было неважно. Из своего прошлого он помнил только, что песни и музыка Цоя помогли ему выбраться из холодной и пустой глубины. Цой заряжает, магнетизирует своими песнями, отдавая частичку своей силы, которую он так и не успел потратить... И поэтому он живет в каждом из *них* или даже *нас*, главное он *жив* и живет в нем. Он улыбнулся и взглянул на часы – без *десяти* – и он пошел на работу свою.

Проснись: это любовь! Смотри: это любовь!

В это время она тоже смотрела на часы... И вспоминала всю свою жизнь. Ей было 28 лет и теперь ее уже ничто не держало. Она стала забираться

по лестнице на крышу 28-этажного дома. Она обещала это себе, когда была еще *восьмиклассницей* и, когда впервые услышала Его песни, Его музыку, почувствовала Его голос. Она никогда не видела Его живым и постоянно видела Его живым. Он мелькал лицах знакомых ей «киноманов». Ей не удалось побывать ни на одном его концерте, но она любила Его всю жизнь, Его глаза, Его руки... Она могла узнать Его на самое нечеткой и размытой фотографии. Она чуть с ума не сошла, когда узнала, что Он больше не напишет ни строчки, ни ноты. Но она всегда разговаривала с Ним, с Его *портретом на стене* и гуляла под дождем, надеясь услышать *Его смех*. И Он даже отвечал ей. Когда ее особенно был нужен Его ответ, Она брала в руки сборник Его песен и открывала на любой странице. Так, в августе 1990 года Он сказал ей: *«Я дам смерть, тем кто хочет смерть. Я дам жизнь тем, кто хочет жить»*. И дал ей жизнь. Вернее сам стал ее жизнью, смыслом. Она дважды была замужем, но любила только Его. Все ее улыбки, смех, радость и счастье она предназначала Ему.

И иногда Он отвечал ей тем же:

*Когда я вижу, как ты танцуешь,
Малыш, ты меня волнуешь.
Когда ты смотришь так серьезно,
Малыш, я тебя люблю.*

Или:

Хочу быть с тобой.

И еще:

Ах, эта братская, братская, братская любовь!

Но чаще всего он говорил: ВЕРЬ МНЕ!!!

И она верила, и ОН был с ней всегда. Во всех трудностях ОН ее поддерживал, Он жил в ней, полностью заняв ее сердце и душу. Но она давно дала себе клятву, что если в 28 ничто не будет ее задерживать, она уйдет.

Теперь ты видишь солнце, возьми – это твое!

Ей было 28, и ее ничто не держало. Она подошла к краю крыши и приготовилась прыгать. Напоследок открыла томик Его песен, но вдруг он сказал: *«Постой! Не уходи!»* Затем: *«Смерть стоит того, чтобы жить»*. И наконец: *«Верь мне!»*.

И она поверила, она всегда верила Виктору Цою.

ТВОЯ ЗВЕЗДА

Автор: Светлана К.

Мокрыми ветками ветер стучится в стекло.
 Струями с крыши мне дождь Твои песни поет.
 Тьма за окном и внутри, но на сердце светло:
 Верю и знаю – Звезда Твоя скоро взойдет
 Ночь озарит, белым золотом выкрасив дождь.
 Сердце зажжет и подарит кому-то мечту.
 Я понимаю, оттуда Тебя не вернешь...
 Но, отвести взгляд не в силах, смотрю в высоту.

ВЕРИМ...

Автор: Светлана К.

Звезда – Твой Символ, жизнь Твоя – дорога.
 Идя по ней, Ты вел к Своей Звезде.
 Ты в жизни нам помог понять так много,
 А мы часть сердца отдали Тебе.
 И вдруг обрыв... Так горько и нелепо,
 Что забирают лучших облака.
 Кто знает, сколько песен недопето
 И сколько строк не вывела рука...
 Но, знаешь, может быть, так было нужно,
 Чтоб Ты ушел, как пел, «сгорел звездой».
 И, фактам вопреки, мы верим дружно,
 Мы сердцем верим – жив наш Виктор Цой!

♪ МЫ ПОМНИМ ЕГО

Автор: Денис Дубов

Последний герой на земле
 Покинул нас с тобой.
 Но песни его в душе
 Навечно остались.
 Они не умрут никогда –
 Мы будем их петь.
 По имени Солнце звезда
 Будет вечно гореть

Он знает, что мы помним его,
 Он смотрит на нас с небес.
 Звезды горят высоко,
 Но для нас он где-то здесь.
 Цой не погиб –
 Он вернулся на небо, как Бог.
 Здесь, на земле,
 Он оставаться не мог.

Кто же сказал,
 Что Виктора нет?
 Я всегда знал,
 Что все это бред!
 Цой не погиб –
 Он вернулся на небо, как Бог.
 Здесь, на земле,
 Он оставаться не мог...

♪ ПАМЯТИ

Автор: Fademan

Уголки наших губ направлены вниз,
Между стен заблудился потерянный взгляд,
Лица серы от пыли дорожной.
Мы рано созрели и нас рано съедят.

Они оставят шесть струн на стене
И выйдут на покрытый слякотью снег,
Пряча вечный дождь на окне
За неплотными шторами век.

Толпы неспящих разбитых
Уходят в незакрытую дверь.
У них есть только этот оборванный стих,
Только одно слово – «Верь!»

И их нельзя оторвать
От разрезанной горячей груди.
Они будут петь – им не уснуть.
Настало время: кричи, не кричи.

Крепки и сильны кирпичи.
С ними стена, с ними плечо.
Они подобрали ключ из связки ключей,
На их месте разгорится костер.

Просоленный нерв рвется снова и снова
И памяти огонь не утих
О том, кто посадил для них дерево,
Кто оставил этот дождь для них.

КОХАВ БЭ ШЕМ ШЕМЕШ

(Звезда по имени солнце)

Автор: ЕЛЕНА ПЕПЕЛ

«Цой, ты не умер, ты гонишь!» – было написано на стене рядом с моим домом. Глупо так, по-детски. «Вот и умер идол подростков и шпаны. – говорили мои многомудрые педагоги. – И хорошо. Спокойнее будет». «Рок-н-ролл мертв, – констатировали идиоты от журналистики. – И Цой с ним». Много чего говорили... «Как ошибалась наша молодежь! – рассыпался умник из журнала «Музыкальная культура, – «Цой – пророк!» Он хотел перемен! Глупые, речь шла всего лишь о школьных переменнах!» Что ж, история рассудила нас.

15 августа исполняется 10 лет с тех пор, как погиб певец и композитор Виктор Цой, лидер рок-группы «Кино». Изменилось за эти десять лет очень многое, кроме популярности немногих альбомов группы. «Ночь», «Группа крови», «Звезда по имени Солнце» и другие альбомы группы постоянно раскупаются, и приходится привозить новые экземпляры. Издаются книги-биографии, книги-энциклопедии, книги-ноты группы «Кино». Выходят новые альбомы – Цоя кладут на техно, на хард-рок, переделывают под попсу, заново переписывают старые записи, создавая «новое звучание» цоевских песен и голоса. Хорошо это или плохо – песни группы «Кино» не исчезают. А значит, «Кино» будет идти вечно.

«Киноман» ты, или просто любитель иногда послушать «Кино», ставишь ли ты кассету впервые, или она уже заезжена до скрипа, важно одно – «Кино» и ты. Мы очень, очень разные. Он нас объединяет.

Мальчишкам, живущим в моем доме, лет по 13–14. В Израиль их привезли детсадовскими малышами, и по-русски они говорят с ужащающим акцентом. Но каждый вечер они собираются во дворе, берут разбитую гитару и поют Цоя.

Артуру 13 лет. Он родился в Израиле. Из всей русской культуры выбрал только музыку «Кино». Ему достаточно.

– Цоя первый раз я слышал у двоюродного брата. Мне не понравилось. Потом взял послушать, когда скучно было. Пробыло. Цой – он не терпит, когда ты слушаешь его не один. Он любит стучаться прямо в сердце. Сердцем к сердцу, и никого между вами. Я слушаю только Цоя, и никого больше. На гитаре научился играть, чтобы «Кино» подобрать. Песни Цоя делают тебя одновременно и сильнее, и чувствительнее. Ты одновременно понимаешь, как ты одинок, и уверяешься, что ты такой не один. Их невозможно переводить – я пробовал перевести друзьям, от чего я так тащусь. Они не поняли. Это набор слов – «Мы

хотели пить – не было воды, мы хотели света – не было звезды». Они все время спрашивали «аз ма?» Идиоты...

Мири 11, ее привезли годовалой крошкой. Сборник «Кино» ей подавали на 10-й день рождения, с тех пор она стала заядлой «киноманкой».

– Невозможно объяснить, почему любишь это слушать. Это просто красивые песни, стихи, музыка. Я не каждое слово понимаю, у меня родители дома на иврите говорят. Кто что любит, я думаю. У меня брат слушает «Металлику», а я в своей комнате на ту же громкость ставлю «Кино». И он сдается. Тоже любит. Из-за Цоя я со всеми друзьями рассорилась. Я поставила на вечеринке диск Цоя, а они танцевать под него начали. Я их всех выгнала, и больше не зову. С Цоем одной лучше.

Диме около 20. Он хорошо играет на гитаре, чаще всего поет Цоя.

– Я и играть научился, и группы собирал только для того, чтобы когда-нибудь перепеть Цоя так, чтобы он зазвучал в нашем времени. Играю не так, чтобы очень хорошо, учусь. По-моему, Цоя можно играть на все – на транс-музыку ложится прекрасно, на мизрахи (популярный в Израиле стиль поп-музыки с восточными мотивами) даже. Но главное, души не перевернуть. А так – слушаю Цоя не реже раза в неделю, чтобы не забываться. Вот этот человек умел делать музыку сердцем, и в голосе у него была какая-то магия. Мне никогда так не спеть.

Йуде около 30. Это самый странный человек, которого мне удавалось встречать в своей жизни. Он работает водителем многотонного грузовика, в кабине у него только «Кино» – 19 кассет. Он сносно говорит по-русски, и неплохо поет песни Виктора Цоя, только проще сбить с ритма всех аккомпаниаторов, чем объяснить Йуде, что такое пауза.

– Для марокканца я русский знаю неплохо, правда? – улыбается он. А выучил я его в армии. Много друзей русских было, и начал учить в шутку. Ругаться учился, к девушкам приставать. А потом один мой друг «Кино» поставил. Меня эта музыка заворожила – и не понимаю, о чем поют, и сердце стучит как-то по-другому. Я попросил друзей мне песни эти переводить. Они и переводили мне по одному слову – Звезда – Кохав, По имени – Бэшем, Солнце – Шемеш. Послушай – это ведь волшебные стихи. Так, по одному слову, и выучил. Но трудно держать в памяти стих на иврите, когда слушаешь песню на русском. Научился понимать. Понимал «Кино» – начал понимать и разговоры русских. Просто потому, что хотелось Цоя понимать. Жалко, что он мало написал. Я переписывал все, что мне в руки попадалось. И сборники, и старые записи, и новые. Так свою коллекцию собрал. Больше никто так на душу не влиял – ни из английской музыки, ни из израильской, ни из другой. Только Цой. Больше никого не надо.

НА ГИБЕЛЬ В.ЦОЯ

Автор: Евгений Полетаев, г. Рига

Я не был с ним знаком, и вроде горя нет...
И день как день, дорога как дорога.
Ходил бы, мол, пешком – не въехал бы во сне
По юрмальской дороге прямо к Богу.

Я не был с ним знаком, не встретились пути,
Мне легче, чем друзьям и знавшим лично.
Мне с траурным венком за гробом не идти,
Ослепшему от слез и от «Столичной».

Я не был с ним знаком, и вроде нет причин
Давить слезу, но, Господи, откуда
Проклятый в горле ком и больно, хоть кричи?
За что его? Костлявая паскуда...

Я не был с ним знаком...

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО

Автор: Владимир Чобиков

Это было недавно в те печальные дни.
Разбился поэт, как луч солнца об воду.
Накормив своим прахом царицу-природу,
Он душой к нам за окна проник.

Он проник и остался. Он всегда с нами вместе,
Согревающий летом и, конечно, зимой.
И поныне звучат над великой страной
Его многозвучные песни.

Жив пока русский слог, да и будет он жить.
И поэт тот находится с нами,
Смерть нужна, она наше знамя.
Цой не умер, он ушел покурить.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Автор: Виктор Киреев

Что-то свершилось, что-то сбылось.
 Мне уже много чего довелось.
 Ездить куда-то за сотни земель,
 Чтобы свершилась ненужная цель.
 Тысячи лет подобные мне
 Дошли как свиньи, дошли во мгле.
 Платой за жизнь становилась вновь
 Чистая, смелая, ГЕРОЙСКАЯ кровь

Кто-то метет переулки метлой,
 Кто-то уходит из дома долой,
 Кто-то находит то, что другой потерял,
 Кто-то невинных людей убивал.
 Ты же, конечно, ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ,
 Ты покажешь дорогу другим.
 Но для себя не сыграешь ты гимн.

НОЧНАЯ ЗВЕЗДА

А.Л., 19 лет

(«Молодежный курьер»
 (Гродно), 5.10.1991)

Ночные звезды долго не горят.
 В борьбе за жизнь их силы тают.
 И рок вселенной, ненавистный рок,
 В пучину мглы его корабль направил...

Он не был русским, он союзным был,
 Он звал к борьбе, будил от сытой спячки,
 Он только ночью полной жизнью жил
 И только ночь и сумерки любил...

О время ночи, когда все равны!
 Нет мишуры, косметики и тряпок,
 И ценишь глаз любимых две звезды
 И дружбы чувствуешь мужскую святость.

Нет, он не ритмом – магией владел,
 И мы послушны были его зову...
 А он уже не пел – хрипел,
 И рот кривил на счастье, как подкову.

Я выйду из дому ночной порой,
 И ту звезду, что ярче всех, найду,
 И странным именем – Виктор Цой –
 Любимым именем ее я назову...

From: **Ирина**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**
 Sent: December 9, 2000

Мне 16 лет. Витины песни в основном привлекают молодежь от 12 до 30 лет, и это, по моему мнению, потому, что Витя был Свободным человеком (он не зависел от денег, от славы, от телевидения), он писал свободные песни, а свобода очень важна и нужна молодым людям. Как хочется только начинающему жить подростку этой самой свободы, но ее негде взять. Тут, наверное, нужно привести слова Витиной мамы: Как-то спросила его: «Откуда взялась вдруг вся эта музыка?» – «А помнишь, мама, ты меня с завода забрала. Тогда все и началось. Я тебе очень благодарен за это». Я была тронута и поражена этими словами. Видите, все твердят, что труд делает человека, получилось наоборот. Витю «сделала» свобода и возможность свободно раскрыть себя. Также эта свобода нужна и мне и таким же молодым как я. Потеряв надежду добиться ее, я как-то услышала Витины песни. В них сразу же чувствуется дух свободного человека, сильная энергетика. Он рассказывает о своей жизни, он поет и о нашей неустроенной жизни. Добившись свободы, он показывает ее и рассказывает о ней нам.

Витя погиб, когда мне было 6 лет. Естественно, я не знала и не понимала, кто это. Но мне в память сильно врезалась надпись, появившаяся на одном доме в августе 1990-го: огромными буквами было написано «В. ЦОЙ, МЫ ТЕБЯ НЕ ЗАБУДЕМ!». Тогда я жила в военном городке, где никто никогда даже не думал писать на стенах. Я тогда очень удивилась и подумала, что Виктор наверное очень хороший человек. Наверняка написавших поймали и опозорили на весь городок, но надпись не смыли...

Виктор Цой для меня – это жизнь, это возможность учиться правильно жить у настоящего героя нашего времени, возможность вдохнуть свежий воздух свободы, которого в нашей жизни почти нет. Это человек, взявший нас своей правдой. ВИТЯ ЖИВ!!!

НАЧАЛОСЬ ВСЕ БАНАЛЬНО ПРОСТО

Автор: ОЛЬГА, г. Волгоград

19 июля (эту дату я помню теперь), по «Нашему радио» я услышала «Группу крови», и она задела, мне очень понравилась... и вот тогда-то я и поняла – вот это РОДНОЕ, что я долго искала!

В считанные дни я изучила всю биографию, прочитала много статей (мне было интересно биографию не только «Кино» изучить, но и таких не менее культовых групп, как «Зоопарк», «Аквариум», «Алиса»). Виктор Цой повлиял на мою жизнь и взгляды. Я стала задумываться над Его песнями, Я полюбила «ангела в черном» всей душой, мир стал казаться другим, в нем чего-то не хватает..

Мы знаем, что он у нас есть. Он ушел, чтобы остаться с нами, и это важно. И это даже больше, чем просто вера. С нами по жизни идут его песни, в наших глазах можно увидеть его светлый образ, а это значит, он хранится в сердце, и ничто не сможет его разбить. Наши души наполнены любовью к нему... В каждом из нас что-то есть, и это что-то – частичка Виктора. Разве этого мало? Невозможно отнять только то, что в сердце. Никто не сможет отнять у нас Виктора.

Я не раз думала о смысле песни «Кукушка», и о ее месте в творчестве Виктора. В этой песне он признает, что как бы ни звал нас с собой на путь света и правды, в конце он увидел, что мы в большинстве своем даже не слышали его – «Кто пойдет по следу одинокому?». «Сильные да смелые головы сложили в поле в бою» – возможно, Виктор говорит о таких, как он, о тех, кто тоже будит и зовет действовать. Но их судьба уже решена так же, как позже будет решена и судьба самого Виктора.

Хотя, на первый взгляд, ясно видится, что смысл этой песни содержится в первом куплете:

*Песен еще ненаписанных, сколько?
Скажи, кукушка, пропой.
В городе мне жить или на выселках,
Камнем лежать или гореть звездой?
Звездой.*

Так я думала раньше, мне было совершенно непонятно, почему вдруг Виктор стал задавать такие серьезные вопросы, пытался узнать свою судьбу у кукушки. Знаю, что многие спрашивают что-нибудь у этой птицы, но чтобы все было так серьезно...? Но потом я поняла, что он сам дал ответ на свой второй вопрос:

В городе мне жить или на выселках,

Камнем лежать или гореть звездой? Звездой.

И кукушка в этой песне совершенно не при чем.

Когда я слушаю эту песню, мне становится очень-очень грустно и больно, я чувствую (насколько это вообще возможно) его одиночество во всем мире, боль и тоску. Он один пришел разбудить и вывести нас из кино, из этого стада. Сказав, «все находится в нас», Виктор вернул нам все истины, от которых до него оставались только дыры – «в нас еще до рождения наделали дыр». Протянув нам руку – «есть рука, но она пуста», – он подняв нас со своих мест – «вставай рядом со мной», «вставай, а то потом никто не сможет тебя спасти», он сказал «сегодня уже не вчера» и «это НАШ день». Сдернув пелену с наших глаз, он увидел в них потерянный рай. Нашим же глазам открылась война между землей и небом. Виктор научил нас не прятать глаза за шторами век. Он помог нам поверить в победу добра, – «если есть тьма, должен быть свет». И мы сделали свой выбор в его пользу...

Но позже он увидел, что мы, которые вчера шли «сильны и бодры», в большинстве своем вернулись к своим разбитым корытам.

Перемен! Требуют наши сердца!

Перемен! Требуют наши глаза!

Мы сидим у разбитых корыт...

А когда приходит время вставать,

Мы сидим, мы ждем...

Я ходил по всем дорогам: и туда, и сюда –

Оглянулся: и не смог разглядеть следы.

Где же ты теперь, воля вольная?

С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь?

Ответь.

Хорошо с тобой, да плохо без тебя,

Голову да плечи терпеливые под плеть, под плеть.

После последних строк вспоминается «Песня без слов» – «я чувствую, закрывая глаза: весь мир идет на меня войной». Опять же, «кто-то должен стать дверью». Такая судьба была уготована Виктору. Сильно ощущается его усталость «расскажи мне о тех, кто устал от безжалостных уличных драм». Но несмотря ни на что, он до конца шел по своему пути. Видимо, был уверен в своих силах. Впрочем, сила – в правде. Он

это знал.

В припеве открывается главный смысл этой песни. Вот где содержится вся его боль в этом мире (в четырех строчках он сказал все).

*Солнце мое – взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак,
И если есть порох – дай огня. Вот так...*

Он говорил, что «каждому солнце светит», но это война настолько жестока и беспощадна, что ему показалось, что «солнце – не больше, чем сон». Но это не так, оно смотрело на него каждый его день, всю жизнь. Оно – единственное было верно Виктору до конца. Его ладонь, протянутая нам, превратилась в кулак, «крепко, до боли сжатый, кулак»...

Меня иногда посещали нехорошие мысли. Когда в жизни случается целый ряд плохих событий, как говорят, черная полоса, кажется, что «весь мир идет на тебя войной». Еще шаг – и все, ты сломаешься, он подомнет тебя. Ты совершенно один в этом мире, от таких мыслей становится страшно. Еще бывает плохо, когда понимаешь, что тебя предали. От всего этого вокруг возникает какая-то тьма, которая поглощает тебя, заполняя душу разными нехорошими чувствами, в голову приходят плохие мысли.

Вообще, я как-то с самого начала знала, что нужно сразу стараться избавиться от мыслей об уходе, что это не есть выход. Такой поступок очень серьезно наказывается, и потом сложно будет его искупить. Но и это здоровое понимание вспоминаешь после... А сейчас, пока находишься в плену этих мыслей, нужна помощь в поиске света или сила. Но иногда очень сложно, почти невозможно самой найти силы, чтобы освободиться из плена мыслей и увидеть свет.

Должна признать, что в подобные моменты меня тоже спасают песни Виктора. Слушая их, я отвлекаюсь от дурных мыслей, я забываю абсолютно обо всем. Для меня существуют только его песни. Я даже замечаю, как сердце начинает стучать в такт музыке. А потом, когда возвращаюсь к реальности, тьма просто перестает существовать, плохие мысли как-то сами исчезают. Видишь свет и дальнейший путь.

Я иногда думаю, правильно ли мы поступаем, не отпуская Виктора из своих мыслей. Да, я знаю, что ушедшим нужна наша память о них, что их души испытывают радость, когда принимают наши обращения к ним. Но случай с Виктором несколько другой. Наши обращения он может видеть почти всегда, он знает, что всегда есть кто-то, кто думает о нем. Мы делимся с ним всем: и своим счастьем, и своими бедами.

Но чаще же мы идем к нему, когда понимаем, что «в нас еще до рож-

дения наделали дыр», т.к. в Викторе мы находим того портного, «что сможет их залатать». Он нам нужен, может даже больше, чем мы – ему. Он сказал: «Дай мне все, что ты можешь мне дать». Что мы можем ему дать? Наши глаза, из которых смотрит тоска, в которых не видно дня, в которых – смерть огня, в которых столько боли. Наше сердце, которое разбито о камни жестокости, но мы слышим его странный стук, значит, оно есть и оно способно плакать. Нашу душу, но она заплевана, в ней – боль, самая ужасная боль – это боль души. «Руки в карманы, вниз глаза, да за зубы язык» – мы идем к нему, в храм разбитых сердец. И он принимает каждого, идущего к нему.

Наши глаза видят свет, исходящий от его души, этот свет проходит через наше сердце, освещает нашу душу, которая открывается ему. Он заставляет нас поднять глаза и увидеть звезды, в которые мы верим. Когда нам плохо на душе, мы чувствуем его рядом, и от этого становится легче.

3 месяца назад я попала в аварию... Слава Богу, обошлось без жертв (чудом я не ударилась о панель. И что меня заставило вцепиться в дверную ручку!?). О ЧЕМ Я ПОДУМАЛА ВО ВРЕМЯ УДАРА? О ВИТЕ...

21 сентября 2004

ВИKTOPY ЦOЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Автор: НАТАЛИ

Смерть стоит того, чтобы жить...

Такое серое, серое и унылое небо. Даже звезд не видно сквозь пелену тяжелых облаков. Лишь фонари – одинокие стражи света, – роняют на холодную землю круги белого искусственного пламени. И в такие вечера часто думается о чем-то загадочном и непостижимом, барьером, стоящим между миром привычных нам осязаемых вещей и тем, что человек никогда не поймет, пока не придет время... Речь идет о смерти. Что это? Что есть смерть? Вечная темнота? А может быть, другая жизнь? Следующая ступень человеческого развития? Ответы на эти вопросы знают лишь те, кто не ДОЖИЛ...

Вот-вот сейчас ты увидишь его! Мелькнет за окном знакомая фигура, затем шаги на лестнице... Сейчас он войдет и улыбнется – радостно, по-доброму, словно старый знакомый... Еще совсем недолго ждать... И вдруг понимаешь, что его больше нет. Больше нет... Нет... Нет... Он ушел рано-рано утром, не попрощавшись, не сказав даже, куда уходит и зачем. И в этом несправедливость и горечь. И этого ты никогда ему не простишь. Так безмолвно уходят, уплывают от нас сроки детства, будто легкие и прозрачные паруса, что вечно скитаются по волнам Времени... И телефон будет молчать.

И вещи, до сих пор хранящие тепло своего хозяина, вскоре станут холодными и ПУСТЫМИ... Не будет больше голоса, такого близкого и родного, а шаги, звуки, отзвуки шагов затихнут вдали, растворятся словно легкий дым на ветру. И только тогда, когда всего этого не будет, ты поймешь, как тяжело терять близкого друга, человека, который тебе так дорог... Ты поймешь, что жизнь бессмысленна без него, как будто в ней образовалась пустага, холодная бесконечная бездна, которую ничем уже не закрыть. И она будет жить в твоём сердце... Тогда призрачный поезд уйдет в Бесконечность с неведомого вокзала и больше никогда не вернется, как ни кричи ему вслед. «Смерть стоит того, чтобы жить...» – этим все сказано. И все же для кого-то она наступает слишком рано...

25 августа 2001.

♪ КИНОМОНТАЖ

Автор: IsKra

Мы не можем похвастаться мудростью глаз,
Мы не видели солнца уже несколько дней,
И больше нет ничего, все находится в нас,
Мертвое тепло в железе батарей.

Я ходил по всем дорогам и туда и сюда,
Но не видел сосен на морском берегу.
А мне приснилось: миром правит мечта,
Раньше я читал книги, а теперь я их жгу.
Среди связок в горле теснится крик,
И стена из кирпичей-облаков крепка.
Вниз глаза, да за зубы язык,
И ты встречаешь рассвет за игрой в дурака.
Я никому не хочу ставить ногу на грудь,
Но я все-таки еду один, как всегда.
Мы выходили под дождь и пили воду из луж,
Мама, я знаю мы все сошли с ума.

16 июня 2002

НА СМЕРТЬ КУМИРА

Автор: Виктория Санина

(«Горняцкая слава», 21.02.1991)

Звезда на черном небе
 Давно уже взошла,
 Но в наших скорбных лицах
 Ответа не нашла.
 Дорогой смерти в Вечность
 Отправился кумир.
 И нет страшнее горя,
 Осиротел наш мир.
 И кто теперь нам будет
 Петь песни про любовь?
 Твое не дрогнет сердце,
 Твоя не вспыхнет кровь.
 Душа твоя, как птица,
 Как неба синева,
 Лишь в ней могли родиться
 О верности слова.
 В кино и в жизни – всюду –
 Ты никогда не лгал.
 Но вдруг судьбы коварной
 Сразил тебя кинжал.
 Глаза твои закрылись
 И жизнь оборвалась.
 И облаком рассветным
 Над миром вознеслась.
 Трепещущие листья
 Роняют капли слез
 На твой портрет могильный
 И на охапки роз.
 И мы мешать не станем,
 Ты уж нам поверь.
 Спи спокойно, Витя,
 Мы закрыли дверь.

МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ

Автор: Виктория Санина

(«Горняцкая слава», 21.02.1991)

Мне так хочется, грустно и нежно
 К мокрой ветке прижаться щекой.
 Но сплясавшая, колкая снежность
 Не обходит мой дом стороной.
 Мне так хочется лета и солнца,
 Неба синего, пения птиц.
 Но оно никогда не вернется,
 Не коснется знакомых ресниц.
 Мне так хочется счастья и ласки,
 Ночью чудной не спать до утра.
 Но прервалась волшебная сказка,
 Натолкнувшись на скалы преград.
 Мне так хочется петь и смеяться,
 Позабыв все, что память таит.
 Но тебе никогда не подняться,
 И теперь без тебя надо жить.
 Мне так хочется в тишь поднебесья,
 Где душа твоя гордо парит.
 Не спасают меня твои песни,
 Те, что верная пленка хранит.
 И молюсь я, не зная покоя,
 Как бродяга, без веры и сна.
 Только небо, сырое, пустое,
 Освещает больная луна.

...Вот у меня мама говорит – ах, какая дурацкая песня! «Следи за собой, будь осторожен!» Да, мамочка, ты еще не видела и не слышала, как он ее на концерте пел. «Кто-то, выйдя из дома, попадет под машину!» Еще голосом таким, как будто ему это нравится! Или говорит слова «спокойная ночь!» так, как будто мы ложимся спать под перекрестным огнем! Еще прищурит свои и без того узкие глаза... Красивый. Даже очень. Я тоже ведь не видела, как он на концерте пел. Никогда. Я вообще не видела его. Слишком поздно родилась.

А по телеку я его в первый раз увидела, когда концерт какой-то показывали. Смотрю, стоит такой стройный, черноволосый, выскочий. Ну, думаю, сейчас петь начнет. Он и начал, я чуть не упала! «Ну и голос у него!», – думаю. «Пачку сигарет» пел. Оказывается, он красивый был. И такие песни писал, каких никто больше не напишет, но я сначала этого не заметила. Просто понравилось, как он на сцене стоит. Меня вообще подружка «заразила» Цоем. Ну и я сначала за компанию слушать стала, а потом втянулась как-то. Послушала в гостях «Черный альбом» – и с тех пор стала фанаткой группы «Кино». Когда услышала песню «Нам с тобой», я поняла, что теперь буду слушать Цоя. Приехала домой, купила «Черный альбом», послушала, и – «заболела». За два неполных дня успела прослушать его 16 раз! Сначала вообще не могла понять, прямо физически не догоняла, как такой человек мог умереть? Просто поверить в это не могла, как будто он вчера умер, а не 10 лет назад. Для меня в мире нет никого красивее и талантливее Виктора Цоя. И не было, и не будет. Когда я слышу: «Пе-ре-мен! требуют наши сердца!», у меня нет другого желания, кроме как попасть в 24 июня 1990 года. Почему-то именно на этот, последний концерт «Кино». Все бы отдала, кроме живых людей, чтобы там побывать, все! Я только потом начала, кроме того, чтоб смотреть на его фотку на обложке кассеты, еще и в песни вслушиваться. С каждым разом открывала для себя что-то необыкновенное. Он говорил и до сих пор говорит за нас! А мы повторяем. Поэтому я слова моей бабушки: «Вот Басков ей не нравится, зато Цоя этого, которого вся шпана поет! ...» восприняла как комплимент. :) «Кто живет по законам другим, и кому умирать молодым!» – ну, какой тут Басков?!

Мама прочитала в газете, как одна девчонка покончила с собой из-за кумира. Боится за меня теперь. Пусть успокоится: я не собираюсь прыгать из окна из-за Витьки. Но девчонку ту не понимаю. Ведь ее-то кумир жив-здоров, пишет себе свои тупые песенки: иди на концерт и

смотри на него, живого! А Вити нет. И что мне делать? Вены резать? Глупо... Он же не придет назад от этого. Надо жить дальше... Без него. Нет, без него жить невозможно. С его песнями! Лучше включу свой любимый «Черный альбом» и послушаю:

*«И я вернусь домой,
Со щитом, а может быть, на щите,
В серебре, а может быть, в нищете,
Но как можно скорей!»*

ЖДУ ВСТРЕЧИ С НИМ

Я училась в шестом классе, когда впервые услышала Его. Он вошел в мою жизнь, вошел решительно, без долгих разъяснений. Я не знала о нем ничего, только очень редко слышала его песни. Мне было плевать, кто он, где живет и все остальное. Я знала – он жил для меня, вернее, я жила для него. Это Цой.

Можно подумать, что это очередной пример «звездной любви». Может быть, но с одним «но»: я любила и люблю не его образ, создаваемый на сцене, а Его самого, его характер, взгляд, его песни, потому что он жил ими, это была его стихия. Нельзя разделить Его и его песни. Это единое целое.

Тогда я еще не понимала полностью, что значит для меня этот человек. Он жил, был счастлив, а может, и нет. Но он посвящал мне свои песни, а значит, и себя самого. Он был моим.

Но вот наступило то лето. Август. Гром среди ясного неба. Сначала я не поверила в это. Его больше нет. Но смерть так же, как и время, беспощадна.

И тут со мной что-то случилось. Я сломалась. Для меня все потеряло смысл, время остановилось, а может, полетело слишком быстро. Я теперь слушала его голос, записанный на кассете, и не могла слушать. Я думала о том, что единственное место, где мы встретимся, – это Рай. Я не сомневалась, что он попал туда.

У меня забрали самое дорогое, что у меня было. Он ушел, а вместе с ним и смысл моей жизни. Как я жалела, что в этот день на меня не упало дерево, не задавила машина. Может, я бы смогла заменить его на том свете, а Он бы жил, но этого не произошло.

Я чувствую, что не буду жить долго. Господь должен

понять свою ошибку. Пока я живу лишь для того, чтобы сохранить память о Нем – единственное, что у меня осталось. С Его помощью я поняла, что в человеке главное дух, а не тело, потому что материя бессмысленна. Душа Его со мной, но его нет с нами. В этом вся бессмыслица и несправедливость. Человек создан для того, чтобы бороться, чтобы у него была высокая в небе звезда. У меня ее нет, а значит, нет и настоящей жизни. А жизнь «наполовину» мне не нужна. Он жил на полную катушку, и если я хотела жить, то именно так, а не иначе. Но сейчас это невозможно.

Сейчас я слушаю Его голос, помню его и жду встречи с ним.

Диана, без адреса.

**Журнал «Мы»,
№ 1, 1991 г.**

«КИНО» В МОЕЙ ЖИЗНИ

Автор: МЕТАЛИЙ РАДУГА (Neformal.ru)

Это не автобиография, поэтому, не обещаю календарных точностей. Плюс-минус год, в рамках двух десятилетий – это вполне достаточная точность!!!

Конец 80х. Сарапул – периферийный городок, куда я приехал учиться, вырвавшись из другого, не менее периферийного городка (Североуральска), в котором родился. Еще там, где родился и заканчивал 8 классов, я знал несколько названий. Признаюсь, я не слышал их, а только знал названия. И имена. Одним из имен было экзотичное: ЦОЙ. Относилось оно к группе «Кино».

Только там я смог услышать голос этого парня. Память моя упорно хранит название первой песни, которая свела воедино все дороги. Может и не с первой песни, но я стал «киноманом». Да и «киноманом» ли? И стал ли?

«Портвейновый» период Цоя не трогал меня ни тогда, ни тем более, теперь. Хотя как человек пишущий, я способен объективно оценить красоту слога, гармонии, да и в целом песни. Но, несмотря на то, что я в те времена яро панковал (что, кстати, было тогда весьма небезопасно), я не вдохновлялся песнями типа «Мама-анархия».

Вспоминаются «Солнечные дни», «Ночь», «Электричка». Но, под знамена Цоя я встал, осознанно и ответственно, только услышав альбом «Группа крови». С тех пор, считаю, что в роке, о группе, можно судить только по альбому. Поэтому и сам я стараюсь не записывать отдельных песен, а мыслю альбомами. «В наших глазах» – это было Откровением! «Мама, мы все тяжело больны» – невысказанное и сокровенное.

Я понял, это мой Вождь. Это помогло мне осознать и то, что я буду нести своими песнями. Параллельно, я заканчивал слушать и металл, ибо, в силу возраста, внешние выражения крутизны и героичности еще имеют значение. Но предположения, что слова главнее поз и даже музыки, уже возникали. Может, это поэт во мне пытался монополизировать выделенное ему тело, – неважно!

В соседней комнате студенческого общежития жил парень из Ижевска, сносно игравший на гитаре и вот, под его-то аккомпанемент я и исполнял «Арию», «Черный Кофе», «Алису», «Крематорий», «ДДТ» и «Кино», смещая постепенно приоритеты в обратном порядке. Голос мой ломался и об металлических высотах пришлось забыть, хотя, тогдашние слушатели вспоминают неплохие каверы.

В 1989 году, в феврале, созрела первая своя песня и запротоколировано название «Жестокий Февраль». А потом, анализируя раннего

Цоя, я нашел «Начальника Камчатки», на котором услышал «Эй, кто будет моим гостем?».

«ЯЯЯЯЯЯЯЯ! – хотелось кричать мне, – яяяяяяяяя!» Но будучи уже взрослым мальчиком, я понимал, что чудес не бывает. Тем не менее, «бикфордов шнур» был подожжен и через несколько дней прозвучал «взрыв» – появился текст «Нежданного гостя», первой песни в нашем репертуаре, который мы относим к циклу «Несостоявшихся диалогов с Цоем».

Говорят, он был не очень-то общителен и что эти диалоги лучше, чем то, что могло бы быть в случае реального знакомства. Не смею думать на эту тему! Но, тогда, надежда была. Более того, перед самым отъездом в Питер на практику мы записали первый альбом «Гамлет и ангина», в который вошла и эта песня. Я очень надеялся, добравшись до Цоя, вручить ему кассету и стать собеседником иного уровня, нежели простые слушатели.

Задача оказалась не из легких. Но, в мае (кажется в мае) 1990-го, «Кино» выступало в СКК. Помню, что на этом концерте, на РАзогреве я с удовольствием услышал французов Nuare Desire, но толпа вела себя по-свински. Примерно с половины программы, я стал пробираться за сцену, понимая, что одному это сделать проще. Соврав ментам, я удачно (сейчас уже не помню как) проник в святая святых.

Я стоял в дверях гримерки! Концерт закончился и появились ОНИ. Помню, как хмыкнул, проходя мимо меня, Густав, Игорь и Каспарян были очень сосредоточенные, а Цой – божественный! Я помню, как потерял дар речи, увидев его! Я видел его глаза, но не мог произнести ни слова. Потом появился маленький активный человек, который всеми командовал (Айзеншпис), вызвал охрану и я, торопясь, как-то скомканно и непонятно вручил, проходящему в туалет/душевую Цою кассету, промямлив, что там есть песня для него. Охрана оцепила гримерку, а я пополнил ряды прочих страждущих.

Не знаю, послушал ли Он ту кассету и, вообще, взял ли с собой или оставил в том туалете. Я написал эту песню и я видел, как шевелила губами (на словах из «Эй, кто будет...?») Марьяна Цой, когда в 2004-м мы выступали в «Камчатке»...

Не помню, когда написался «Взгляд вслед», но он попал на альбом 1992 года. Меня, в этой песне, было уже больше, но как ориентиры – философские и эмоциональные, в тексте наличествовали цоевские образы и строки.

1993 год, «Осенний плач». Текст был написан на родине. Как сейчас помню: желтый тополиный лист, пикирующий мне под ноги в свете одинокого фонаря, и в голове взорвалось: «Листья пикируют, как

самолеты. Под ногами желто. В душе пустота...». Цой в этой песне присутствует уже в качестве эмоционального фантома – «Осенний плач по Умиравшему лету, осенний плач по тому, кто родится вновь! Осенний плач по Умиравшему лету, осенний плач по тому, в ком жила Любовь!». Не столько очевидно, конечно, как в первых двух, но четко помню, что думал о Нем.

Позднее что-то подобное, неуловимое, мне послышалось в новой музыке, которую играл Седжик, предлагая написать текст. Я упрямил его сделать инструментал, который был бы началом «Осеннего плача». Вполне логично, что назвали его «Лето».

Гораздо позднее, в 2000 году, «Лето» стало-таки песней, хотя и название у нее изменилось – «10 лет без него». Текст я написал в простудном нездоровом сне, продолжив/закончив строку, которая днем вертелась в голове, когда я был возле Стены на Арбате: «10 лет без Него, 10 лет думая о Нем! Как жил я, как жил ты и о чем мы теперь поем?»...

Возвращаясь к середине, вспомню последнюю из записанных, «Еще Одну Невеселую Песню». Как следует из названия, она более явное посвящение, чем «...Плач». Написана она, кстати, раньше его, но записана только в 1999-м, на альбом «Беспредел». А переписана в акустике, для переиздания этого альбома в 2004-м.

Болью, пролившей животворную кровь на мою душу стала поездка на Богословское кладбище, 15 февраля 1991-го. Ровно полгода после Гибели. Я впервые на Могиле. Я помню ледяную корку на всем, холод, свечи, плакат-портрет, прикрытый черным зонтом, фенечки на соседних оградах. Голос из тихо хрипящего кассетника... Парень, с которым я туда ездил, говорил, что я был не в себе, когда мы возвращались. Ночью я излил все это на бумагу.

Есть еще одна песня «Вольный ветер», написанная после первого прослушивания «Я жду ответа» с «Черного альбома» и строчка из не оставшегося ни в памяти, ни в черновиках текста: «Смотрящий сотней черных глаз со стен немонастырской кельи...» (это, насколько помню, описание моего студенческого жилища – все стены были с Его изображениями)...

Вообще, надо было рассказать о том, как Он появился в моей жизни и чем для меня является. Но, я надеюсь, что песни, о которых я здесь упомянул, сделают это лучше, чем я...

Может быть показательным то, какие песни Цоя я исполняю сегодня (ОЧЕНЬ РЕДКО). Это: «Пора!» и «Нам с тобой». А любимой, является «Мама, мы все тяжело больны». Кому-то это скажет больше, чем все вышенаписанное. Цой – это ПРАВДА!

СТЕНА ЦОЯ В МИНСКЕ

Отдай нам Витю, Бог,
 Отдай за просто так –
 За сны, молитвы, слезы, нашу боль,
 За кровь на струнах, красную, как мак,
 За в одиночку выигранный бой
 Отдай нам Витю, Бог!
 За все, что есть у нас –
 Кассеты, свечи, пачку сигарет,
 За будущие деньги, славу, власть
 И за в бреду написанный портрет, –
 Будь справедливым и отдай нам Витю, Бог!
 Будь справедливым, а потом карай
 За непокорность наших светлых лбов,
 За веру, за надежду, за любовь.
 Ты можешь просто не пустить нас в рай.
 Отдай нам Витю, Бог.

Вы можете смыть нашу надпись,
 Но память не можете смыть.
 Стучит серый дождь – звон в висках:
 Виктор должен жить!
 И тенью ходит за нами мысль,
 Словно тянется нить:
 Ну, кто вам сказал, что его больше нет?
 Не может этого быть!
 Слезы тут ни к чему,
 Да и слов никаких.
 Цой, мы помним тебя,
 Ты живей всех живых!
 Пройдет зима,
 Пройдет и лето,
 Пройдут, быть может, и года,
 Все забудется на свете,
 Но песни Цоя – никогда.

Утро как утро – такой же вечер,
 Такой же свет.
 Но только вчера он жил на свете,
 Сегодня – нет.
 Оставьте меня в покое,
 Друзья, родители.
 Просто хочется стоя
 Вспомнить о Вите.
 День как день – и с крыш пологих
 Вода стучит.
 Только вчера он пел для многих,
 Теперь молчит!

Он был темен, как ночь,
 Он был светел, как день.
 Он горяч, как огонь,
 Невесом, словно тень.
 Он, рожденный звездой,
 Он зажженный для вас,
 В жизни вечный герой,
 Храбрый воин, вас спас.
 Небо дало ему дар,
 И творенья его, поэта, певца,
 Оживили сердца.

Эй, прохожий, остановись,
 Дыханье замедли, постой.
 Сможешь ли ты прожить
 Жизнь, как солнце
 По имени Цой?

Автор: Катя, Мурманская область

Бог любви и свободы,
 Ты живешь в моем теле.
 В твоих глазах – годы,
 Одиночества дни и недели.
 Ты помнишь всех поименно,
 Хотя никогда их не видел,
 Ты смотришь вдаль отчужденно,
 Но этим ты их не обидел.
 Твой свет ослепляет зренья
 У тех, кто солнца не знает.
 Перед тобой поколенье
 Свои сердца открывает.
 Горят на дороге свечи,
 Засыпан уголь цветами.
 Пускай одинок этот вечер,
 Но ты навсегда будешь с нами.
 Твой облик бойца-самурая
 Застыл в отражении света.
 Мы снова тебя поминаем,
 Огарок свечи у портрета.
 Потоки из глаз бесконечны,
 Сложились устало руки,
 Поникли упрямые плечи,
 И нет тяжелей этой муки.
Февраль 1992 г.

Автор: Катя, Мурманская область

Твой дом утопает в цветах – это весна.
 И скоро распустятся листья, уйдут ото сна...
 Так было всегда и будет еще сотни лет,
 Но тебя уже нет, и нас больше нет...
Апрель 1993 г.

Автор: Катя, Мурманская область

Этот город мокрый от слез
 И любим теми, кто все же есть.
 Эти стены все помнят вопрос,
 Что шептали, не видя небес.
 Здесь застыли слова на земле,
 Время замерло, кончился счет.
 Словно кровь – розы на угле.
 На исходе уже второй год.
 По воде плывут глыбы из льда,
 Снег идет в середине весны.
 Так, наверное, будет всегда,
 Просто мы очень тяжело больны.
 Здесь пустынно, нет больше его,
 Он ушел, опаленный Звездой,
 Не осталось уже ничего,
 Нас покинул Последний Герой...
 В этом городе трудно дышать –
 Вместо воздуха здесь только боль.
 Остается одно – только ждать –
 Тем, кто принял себе эту роль.
Апрель 1992 г.

******* *Богословское кладбище*

Автор: Катя, Мурманская область

Снег в середине осени, снег,
Зеленые листья окутал белый пух,
Он пришел и принес с собой смерть
Да еще вереницу прошедших и будущих мук.
Снег ниоткуда, холодный мокрый снег
Чья-то злая рука раскинула на цветы.
Была осень в дождях, теперь – белый свет,
Грязь под ногами размыла следы чистоты.
Костер не греет, сырые дрова тяжелы.
Сигарет больше нет, мы сидим у разбитых корыт.
Замерзшие пальцы зажаты, но руки пусты,
Мы не помним имен, не слышим стука копыт.
Ветер раздует пепел слепого костра,
Просочится в палатку, застынет на наших губах.
Мы молчим. И стоя пьем без тоста
За того, кто пульсирует кровью в наших сердцах.
Могилы кругом, мрачное место, снег,
Вечные сны усопших истерзанных тел.
Здесь не принято быть, но все же здесь мы,
Хотя понимаем – ты этого не хотел.
Но как нам быть, что нам делать, когда тебя нет?
Куда нам идти, когда свет Звезды стал иным?
Мы ползем наощупь, не видя привычный свет,
Живя по твоим законам, законам другим.
Снег на застывших деревьях, снег.
Сколько раз еще будет – не знает никто.
Теперь не спрятать глаз за шторами век,
Снег в душе, и уже не поможет пальто.
Октябрь 1992 г.

From: **grass6**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Мой друг – он старше меня. Он был фанатом Цоя. Когда он узнал, что Цой погиб, он был сам не свой, я впервые видел, как он плачет. Не отвечал на звонки, заперся в своей комнате, никого не пускал. Это была действительно большая трагедия. Это его изменило...

Для меня тоже гибель Цоя сыграла большую роль. Но я узнал позже. Я слушаю «Кино» 4 года, отношусь не просто как к красивой музыке. Для меня это совсем другое. Для меня Цой – это друг. Не знаю, как бы я жил без него. Он всегда мне подсказывает своими песнями верный путь. Собираю о нем все, что можно: видео, редкие записи, фотки, клипы, концерты, интервью, майки, значки. В общем, сохну по «Кино». Но фанатом себя не могу назвать. Скорее, большой поклонник. Я считаю, что фанатизм нездоровое явление, хорошим не кончается... Но когда думаю о Цое, о его глупой смерти, часто попадаю в депрессию. В данный момент у меня нет друзей, хороших друзей. Друг для меня один – Виктор Цой...

From: **Паша Ч. Питер** <@bk.ru>
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Творчеством Виктора я начал увлекаться в 1995-м или 1996-м году, точно не помню. Сначала музыка Цоя меня совершенно не зацепила.

Первыми я услышал альбомы «Группа крови» и «Звезда по имени Солнце», потом, где-то через год, я взял послушать у своего одноклассника еще раз эти альбомы и... понеслось. Вот уже много лет я увлекаюсь группой «Кино», собираю разный материал о Цое (книги, фотографии, статьи, атрибутику, клипы и т.д.). У меня уже шесть лет в комнате стены разрисованы портретами Виктора, обешаны плакатами и значками. Она похожа на Стену на Арбате и в ближайшие годы ремонт делать я отказываюсь. В музыке Цоя я нахожу много ответов на свои вопросы, его музыка помогает мне когда трудно и нужно подумать. Когда скучно, включаю и заряжаюсь положительной энергией, получаю удовольствие.

Мне жаль, что такие люди уходят первыми...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Автор: ЕЛЕНА ЗЕЛИНСКАЯ, Лос-Анджелес.

ПРИШЕЛ ВИТЯ

Витя пришел ко мне неожиданно. Он открыл мои глаза на то, что в этом мире чего-то не хватает. И сказал, что он это ищет. Он пришел ко мне, со «Звезды по имени Солнце», которую моя давняя подружка поставила для меня послушать на кассете. Я не поняла, что это было.

*«Белый снег, серый лед,
на растрескавшейся земле,
одеялом лоскутным на ней,
город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
закрывая небесный свет,
а над городом желтый дым,
Городу две тысячи лет,
прожитых под светом звезды
по имени Солнце»*

Я видела себя в этой песне. Я видела старый город, в котором дымят автомобили, живут люди, и в котором идет война. А над этой войной светит солнце, и хоть люди умирают, солнце продолжает согревать землю и давать новую жизнь. Я видела это. И не столько в словах, сколько в музыке, которая не давала думать, звала меня приоткрыть тайну, которую она собой представляла. Она стучалась в мое сердце, как стучались слова Библии в мое сознание, когда мир был безбожным. Я попросила поставить песню сначала. «Кто это поет?» – спросила я у своей подружки. Я была не в силах оторваться от этого голоса. «Виктор Цой. – ответила она. – Не может быть, чтобы ты о нем не знала! Про Виктора знают все, его везде поют». Я мотнула головой. Нет, не знала. А может быть, знала, но не видела. Я не знала что подумать: этот голос не отпускал. Такого со мной никогда не было. Я, выросшая на Пугачевой, Леонтьеве и т.п., не могла поверить, что в песне ничего нет про любовь к родине, про молодость и т.п. И это делало ее прекрасной, светлой и невообразимо красивой. Кассета вернулась на то же место третий раз. Я спросила Оксану, откуда она знает про Виктора Цоя. Она гордо улыбнулась «Мой брат рассказывал. Они на тусовках всегда его песни поют. У меня в песеннике есть к ней слова, если хочешь, я тебе дам!». Конечно, хочу!!!

Я просидела у нее до самого вечера, и хоть кассета уже не играла, в голове у меня никак не замолкало:

*«И мы знаем, что так было всегда,
 что судьбою больше любим,
 кто живет по законам другим,
 и кому умирать молодым.
 Он не помнит слова «да» и слова «нет»,
 он не помнит ни чинов, ни имен,
 и способен дотянуться до звезд,
 не считая, что это сон,
 И упасть, опаленным звездой
 по имени Солнце»*

Напоследок Оксана сказала, что может попросить брата альбом «Ночь» и дать мне послушать. Конечно, хочу! И хотя все считали меня еще ребенком (а мне было 10 лет, это был 1989 год), я поняла, что нашла что-то необыкновенное. Не осознавая до конца, я полюбила эту звезду и человека, который о ней пел. Но не так, как любят кумира – как любят брата или друга. Он не мог быть далек от нас, если он пел об этом. И хоть я не полностью осознавала почему, внутри я знала, что так оно и должно быть. В этот день, я решила стать человеком, жившим в городе, над которым светила Звезда по имени Солнце.

РОЖДЕНИЕ КАМЧАТКИ46.

Где закончилось детство и началась «Камчатка46», я точно не помню. Просто знаю, с той поры как я нашла Витю, «Камчатка» всегда была внутри, в моем растущем внутреннем мире. Она была тем самым тихим углом, где я могла спокойно переварить все перемены в цветах, в которых я видела мир, спокойно, медленно, впитывая новый рост каждым кусочком моего сознания.

Для тех, кто не знает, Камчаток в этом мире официально существует две, но неофициально еще больше, ибо тихо, про себя, каждый ценитель Витинового света называл Камчаткой кухню, комнату, или подвальную комнату в парадной. Там, где по рассказам, собирались дворовые тусовки, где пели Витины песни и пили дешевое пиво. Где было тепло и уютно, где рождались, загорались и гасли звезды. Так вот, первая Камчатка находится где-то рядом с Японией, если я точно помню географию. Есть Витина Камчатка: в Питере, в ней стоят котлы, куда кидали уголь разные знаменитости. Да, Камчатка – это самая настоящая котельная, кочегарка, где Витя работал, кидал в жерло уголь.

«Камчатка46», родившаяся во мне с появлением Вити, «Камчаткой46» сначала и не называлась. И порой я совсем не осознавала, что

это что-то отдельное от имени «Виктор Цой», потому что новые открытия заполнили меня до краев. Новая информация не давала времени опомниться и все это рассортировать. Но все же «Камчатка46» была. Это было мое место, куда я приходила, чтобы уединиться со своими мыслями. Это было внутри меня и не имело отношения ни к одной из комнат, кухонь, парадных. Но она росла благодаря тому, что я получала на этих самых «камчатках» русской молодежи.

Феномен «Виктор Цой – Кино» был силен. Он пронесся по стране как вихрь, сметая все на своем пути. Он изменил взгляды, вкусы, веру. Он заставил почувствовать холод дождей и надобность перемен. «Дети, воспитанные жизнью за шкафом» наконец поняли, как они устали. Они устали от этой сладко приторной фиктивности жизни, где все хорошо и в тоже время нет совсем ничего. Они поняли, что «в толпе я, как иголка в сене, я снова человек без цели», и что «так было всегда». И что они так долго прятали это, а теперь время не терпело. Они видели в Вите – простом питерце, кочегаре, певце – самих себя. Ведь Витя, став известным, продолжал оставаться Витей, одним из парней с соседнего двора. В жизнь многих вошел он не как кумир, а как учитель, друг, брат, и горячо любимый человек. «Не сотвори себе кумира» – сказал он на одном из интервью. Он не был ангелом, пророком, или всезнающим всемогущим волшебником. Он был Витей, и он пел про то, что у нас наболело.

Окончательно, «Камчатка46» оформилась намного позже – с первыми стихами, с первыми неуклюжими попытками петь. Она появилась с первой гитарой, на которой чудом я научилась играть. Она появилась после того, как я выучила наизусть все альбомы, выпущенные группой «Кино», и получила самый последний, так сказать, факт на обозрение: узнала о существовании питерской Камчатки. Именно тогда «Камчатка46» стала реальностью и получила свое имя.

15 АВГУСТА 1990 ГОДА

Я не люблю вспоминать об этом. Я не люблю думать про эту дату. Я не люблю смотреть в его глаза – меня убивает сознание, что его нет в живых. Я ненавижу этот проклятый год. Я готова отдать свою жизнь, чтобы повернуть время вспять и уберечь его от всего этого. Я бы села в эту машину сама, только чтобы оставить его здесь, с нами. Со мной.

Я смутно помню, каков был этот день с утра, но после того, как меня забрали от бабушки домой, даже небо как-то нахмурилось, будто собирался дождь. Я не узнала свой двор, все было так тихо. В будке, возле третьей парадной, где дедульки обычно резались в домино, сидели и плакали девчонки и ребята. Двое стояли, обнявшись, посередине ули-

цы и плакали, будто началась война. Старшие ребята шли медленно, с необыкновенной торжественной печалью. Я подошла к одному из знакомых.

– Что случилось? – спросила я.

Она посмотрела на меня, будто я с луны свалилась. И хотела сказать, но выдавила лишь хрипкое «Виктор... погиб... врезался...», а дальше я уже ничего не могла разобрать... Меня словно ударила молния. Я лишь нашла в себе смелость спросить, про какого Виктора она говорила, но, получив ответ, не знала, хотела ли я это услышать. Мне не верилось. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Мне казалось, что это шутка, что завтра мы проснемся утром и все будет, как раньше. И Витя, смелый и сильный, улыбнется нам с экранов.

Удар подкосил под вечер, когда я мыла на кухне посуду и услышала по новостям, что его не стало. Тарелка, вылетев из помертвевших пальцев, разбилась об кухонный пол. Я безо всяких эмоций прослушала сообщение, что в полночь будет транслироваться передача, собрав осколки, пошла в свою комнату. Мой мир рухнул. Я не знала, осталась ли я жива под обломками, было ощущение, что не хватало кислорода. Но я и не хотела знать. Если бы в то время на меня обрушилось небо, я бы никак на это не отреагировала. Не было сил. Мне было все равно, я молилась про себя о том, чтобы мне умереть завтра, не просыпаясь. Внутри стало холодно и пусто. Место, оставленное этим Человеком, зияло кровоточащей дырой на сердце.

Вот и сейчас, я смотрю на его фотографии и осознаю, что он остался навсегда со мной, потому что теперь Витя стал частью меня самой, частью моего существа. Без Вити я бы была другой. Он сейчас намного ближе, светлее и теплее, чем тогда, 10 лет назад, когда ударив меня по лицу, судьба со смехом сказала: «Молись, авось выживешь». Сейчас я совсем другая, я знаю, что смерть, расстояние и боль ничто по сравнению с тем, что связывает нас с ним. Я знаю, что когда придет мой черед вздохнуть последний раз, я не буду бояться, потому что по ту сторону облаков будет стоять он. Он улыбаясь спросит, зачем я так торопилась. А потом уже никогда никуда не уйдет. И я буду плакать от счастья, видя его рядом, зная, что все, о чем он говорил, оказалось правдой.

Но это будет потом, а пока я стою в своей комнате и не могу плакать. Во мне все будто окаменело, я лишь до крови кусаю губы. Пока мне не верится, что Вити не стало, что Бог был так жесток к нам, что он был так жесток ко мне. Что, дав нам эту звезду, он забрал Витю, забрал так, что мы даже не успели сказать последнее «прощай». Я села за стол, подперла голову руками, закрыла глаза. Я вспоминала, как в первый раз услышала его. Я вспоминала о том, как я слушала Витю и даже не знала, как он

выглядит. Я помнила стихи, которые я написала, пусть неуклюжие – все равно стихи. Я помнила слова каждой песни, они били меня, будто ток. Я вспоминала все, что узнала в этот год, все, что связывало меня с ним. Почему-то именно в этот момент я поняла, что это у меня надолго, возможно, навсегда. Я вспомнила «Иглу», которую мы просмотрели не так давно, из глаз закапали слезы. Ведь в фильме он умирал, он умирал от подлого удара ножом! А в тот день от удара под дых умирали все мы. Я не хотела верить, что он умер. Слишком свежа была моя вера, слишком сильны были его руки и голос. Слишком близко был он, ходя по краю наших сердец. Слишком сильно я верила ему, говорящему: «А он придет и приведет за собой весну...». «Я хотел бы остаться с тобой, просто остаться с тобой», но где-то там звезда звала его в путь. Что это была за звезда, отнявшая у меня моего учителя, я не знала.

Люди не видели это. Они не знали, как пережили гибель Вити те, кто по-настоящему понимал, любил и верил в него. Они думали, что мы плачем просто так, по погибшему крутому рокеру и музыканту. Нас утешали, а боль не утихала. Нам говорили: «Забудьте!», а мы не могли. После его смерти большая масса поклонников разделилась и распалась: именно после этого дня люди начали различать друг друга. Некоторые, кто просто любил крутые тусовки, разошлись. Остались те, кто не мог принять случившееся. Они бродили по развалинам своего мира, выискивая среди трещин раненых, пытались слезами заживить их раны. Я помню, как выглядели эти руины, как кровоточила и болела рана, как я сама выискивала тех, кто пережил этот проклятый день.

ГОРОД

Я всегда буду помнить переулок им. В. Цоя, внезапно открывшийся у одной из соседних девятиэтажек. Почему-то именно там, на стенах, мы изливали свою боль. Даже у нас в доме на втором этаже написали красной краской «Виктор Цой ЖИВ!». Написанное стирали десять раз, и каждый раз оно появлялось с той же упорностью, с которой надписи на стенах спорили с фактами. Витя – жив! Я не знала, есть ли у меня сила спорить со смертью, но я знала одно: внутри Витин огонек не погас. Он горел днем и ночью, напоминая о том, что Витя, как и обещал, был где-то здесь, рядом.

В сентябре я первый раз за всю жизнь шла в школу со слезами. Мне не верилось, что после такого я все-таки выбралась из-под обломков. Мир вокруг выглядел удручающе, сама себе я напоминала дерево, у которого вырезали сердцевину, и воткнули обратно в землю полую кору. Все болело, ничто не радовало. Сентябрь, пришедший после Августа, напоминал, что теперь жизнь растянется на долгие мучительные годы.

Многие, кого я знала, надели черные повязки в знак скорби. В классе музыки мы молчали. Кто-то попросил сыграть «Звезду по имени Солнце»: просто, чтобы сбить острую оскомину и хоть как-то избавиться от камня, давившего на грудь. Я видела заплаканные глаза одноклассников. В этот день люди затихли. Учителя удивлялись, ученики сидели тихо, смотря прямо перед собой.

Мне казалось, что я умерла. Я пыталась бороться со своими слезами и не могла понять, почему после этого ужаса не остановилось время. И хотя Сентябрь был солнечным и теплым, я не видела ничего, кроме рухнувших домов, серого неба и людей, которые ходили по улицам, опустив головы. В школе, конечно, не обошлось без ЧП – одна из девятиклассниц потеряла сознание в туалете. Ее одноклассников оппрашивали, но те упорно молчали. Никому не хотелось говорить об этом. Но все знали, из-за чего это произошло... Потом мы решили организовать Витин вечер – неделю спустя, в аудиозале. На уроке один из учителей начал говорить о Вите. Он сказал, что ему очень жалко Цоя. Он сказал, что если мы хотим, мы можем поговорить об этом. Я не помню всех слов, но одна фраза застряла у меня в памяти: моя одноклассница, выйдя перед классом, сказала: «У меня горе. 20 дней назад умер любимый мной человек, Витя Цой. Он ушел от меня внезапно, незаслуженно. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть эту боль, но я знаю одно – мой мир никогда не будет прежним. С тех пор я живу на развалинах того, что было когда-то дорогой в будущее».

Я начинала жалеть, что вообще родилась. Ведь боль, отступала, давала вздохнуть, а потом снова била, накатывалась в самые неожиданные моменты, в самой суете. Я садилась на землю и начинала плакать. Передачи, где упоминалось просто имя «Витя», заставляли меня кусать губы до крови. Один взгляд на ту стену, где красной краской светилось «Виктор Цой – жив!», – и у меня темнело перед глазами. Хотелось броситься на стену, раскрошить ее и вытащить Витю обратно, в этот мир. Тяжелым были и те моменты, когда кто-нибудь затягивал «Звезду по имени Солнце» или что-то еще, и словно стыдясь, стирал слезы. Я сама не знала, почему я это замечала. Мне казалось, что весь мир плакал, что каждый, кто смотрел мне в глаза, видел кровоточащую рану.

Мы помнили о нем всегда, все время. В моей голове творился полный сумбур. Даже «Камчатка46» перестала быть удобным местом, потому что раньше в ней был Витя, а сейчас, как только я закрывала глаза я видела пустую комнату, гитару, разбросанные листки бумаги и незакрытую дверь. По привычке я садилась на стул, чтобы его дожидаться, но он не приходил. И я, так и не дождавшись, просыпалась с горьким привкусом во рту. В конце концов, я совсем перестала там бывать.

Я пыталась убежать от себя, от памяти об этой боли, от этих фактов и этих холодных стен. Я пыталась убежать от горького разочарования. И лишь непотушенный огонь в котлах согревал мое сознание, дарил надежду... Когда-нибудь он должен был сюда вернуться. А пока я ходила по городу, между развалин, высматривая что-нибудь уцелевшее. Но все, что я видела, – это старые тени и разбитое стекло на земле.

А ЧТО БЫЛО ПОТОМ?

Ничего не было. Время шло. Оно шло, лишь тихим шуршанием страниц моего дневника напоминало мне о том, что я живу. Оно напоминало о том, что надо вставать по утрам, умываться, чистить зубы и идти в школу. А после, придя домой, садиться за уроки и после ужина ложиться спать. Механически, заученно. Я злилась на то, что Вити не было. Я сердилась сама на себя, когда его песни заставляли мои слезы катиться вниз, я злилась, когда ловила себя на том, что думаю о нем. Я злилась, когда кто-то другой ловил мои мысли и говорил, как ему жалко, что Вити не стало. Я злилась на себя, потому что я осталась жить. Я спрашивала себя почему, и не находила ответа. Я злилась, когда люди радовались. Я хотела знать ответ: «За что?». Хотела знать, как долго это будет продолжаться. Пусть Витя мне простит, что в тот момент слова, что когда-нибудь я из этого вырасту, вызывали у меня злорадство. Я вовсе не собиралась оставаться калекой, только потому, что Богу однажды стало скучно. Я злилась в тайной надежде, что Господь рассердится настолько, что вернет его нам. Поймав себя на этой мысли, я сердилась пуще прежнего. Я изнывала от этой борьбы сама с собой, но легче не становилось.

На Новый год пошел снег. Он разбудил меня, мягким покрывалом закрыв небо, одев деревья в красивые свадебные наряды. Снег давно просился в мою жизнь, он давно плакался, проглядывая через дожди и броские наряды осени. Он обнял меня, сжав до потери сознания в своих объятиях, напомнил о том, что даже в этом случае нужны перемены. И я решила разрешить себе скорбеть и плакать. Я помню, что ребята крутанули по видуку «Иглу», как раз после Нового года, и я, повинившись себе, пришла в «Камчатку4б». Там все было по-прежнему. Гитара лежала посреди разбросанных ветром листков с песнями, согреваемая вечным огнем из жерла котлов. Трепеща душой, я поставила гитару в угол, сложила листки и села рядом ждать. Почему-то мне вдруг стало казаться, что когда-нибудь он придет сюда. Внутри все болело, но я перестала убегать от собственной боли и решила броситься в нее, как в омут головой. Я расплакалась – в который раз! – но в этот раз мне стало легче. И хоть за окнами снег покрывал следы разлуки, превращая

город в мертвое, холодное поле, здесь до все светилась надежда, что эта разлука будет недолгой.

ОГОНЬ ПАМЯТИ

Приближался Витин день рождения. Первый, который праздновался без него. Несколько из ребят с нашего двора решили поехать в Питер. Я жаждала этой поездки, как воды, но меня не пустили. Мне было всего 12 лет. Лето, растопив снег, опять выдалось жарким. Все знали, что близится Витин день рождения, но никто не хотел об этом упоминать при других. Мы молча обходили стороной эту тему. Я помню, как грустно мне было утром 21 июня 1991 года. На улице светило солнце, но хотелось, чтобы была ночь. Хотелось, чтобы солнце на день ушло за облака. Я посмотрела на фотографию в песеннике. «Привет Витя, – сказала я. – С днем рождения тебя». И закусила губу. День рождения, вроде бы самый веселый праздник, но мне было совсем не до веселья. «Между землей и небом война». Война шла, но не только между землей и небом, а между нами и смертью.

Вечер пришел, даже немного похолодало, будто бы война между землей и небом действительно шла, с заходом солнца она приостановилась, чтобы обе стороны могли собрать убитых и раненых. Люди радовались отдыху. Ведь в Одессе, если жарко – асфальт кипит. Им было радостно от мысли, что еще один прекрасный летний день закончился красивым закатом. Может быть, в этот момент они думали о своем будущем, о своих детях, об их будущем, о том, как жизнь будет продолжаться завтра. Может быть, именно в этот момент им вдруг приходила мысль, что никто не вечен в этом мире, и что может быть, долгие годы спустя, когда их не будет на свете, их внуки и правнуки будут также сидеть и вдыхать свежий запах лета, что они будут думать о том же самом. Эти люди были полны и счастливы.

Смотря на небо, я вспомнила, что скоро 15 августа. Горечь подкатила к горлу. День незаметно уходил, пришла мысль, что когда-нибудь я тоже уйду, и от меня не останется и следа. А потом, когда уйдут из жизни все, кто пережил этот год, уйдет воспоминание о Вите. И именно от этой мысли бросало в дрожь, хотелось, чтобы он был здесь всегда, даже после того, как нас здесь не станет...

*«И мы знаем, что судьбою любим,
Тот, кому мирать молодым».*

В который раз, я спрашивала себя, почему именно так, если человек уходит от нас, значит он любим судьбою, ведь он умирает – это самое

страшное, что может случиться. Но может быть, из-за того, как Витя смотрел на мир – «Смерть стоит того чтобы жить» – а значит, это не было самым плохим. Может быть, смерть для Вити была просто Переходом. Я попыталась перестать думать об этом. Я хотела, чтобы он вернулся. Может быть, для кого-то смерть это не так плохо, но меня, нас, она ударила с размаху о землю.

Я решила пройтись: почему-то гуляя в одиночестве, я чувствовала себя легче. Я заметила горящий костер, и увидев там одну из подруг, решила посмотреть, что происходит. Было странно: костер просто горел, без всякой причины. Никто не смеялся, не шутил, в золе не пекли картошку, рядом не играли в карты. Ребята просто стояли рядом и смотрели в пламя. Тихо, слушая удары сердца, застыли, как восковые фигуры. Моя подруга, улыбнувшись, скупо бросила одно слово, и я все поняла. «Витя» – сказала она. Вот это был наш подарок для него. Мы зажгли костер, чтобы он со своего далекого звездного неба увидел нас. Увидел, что мы помним его, что мы по-прежнему любим и ждем. Что, может быть, этот огонь, плавя нашу боль, отливал наше обещание помнить, любить и ждать его всегда. Как ждем мы тех, кто ушел из жизни без всяких причин, оставив глубокую рану в сердце. Как ждем мы их, ни на один миг не отпуская надежду, что они рядом, что пусть их не видно, но они видят, слышат и помнят нас, какой бы глупостью это ни казалось. Мы верим, что смерть не имеет власти над нами, потому что перед любящим сердцем она становится маленькой, незаметной и просто смешной. Она боится всего, что приносит свет в человеческие жизни – она боится памяти, любви и светлой скорби. Она боится этого всего, потому что в этом человек вечен.

ЧЕРНЫЕ ФОНАРИ

Прошел год. Тихо, медленно. Моя жизнь продолжалась, назло всем моим желаниям. Нет, я не собиралась бросаться из окна или резать себе вены. Я просто желала смерти, по неопытности и глупости своей веря, что это избавит меня от горя. Я хотела быть с Витей.

А потом пришла дикая, тупая и всепоглощающая боль. Она приходила от сознания того, что он уже там, что над ним стоит большой тяжелый камень. Что его уже не вернуть, никогда не увидеть. Я плакала, но слезы не приносили облегчения, наоборот, отнимали мое дыхание. Бросали меня в безнадежность, да так сильно, что я почти чувствовала синяки на теле. «За что, Господи, за что?» – лишь удавалось сказать мне сквозь слезы. Я чувствовала, что так дико скучаю, что мне хотелось бежать и зарыться в той земле, снять камень. Меня била истерика от страха, что я потеряла его навсегда. Я видела как плакали люди, как сражаясь

с собственной слабостью, они пытались утешить друг друга, но не выдержав, срывались. И нас опять увлекал водоворот черноты пустого и холодного неба.

Я закрываю глаза, и я вижу эту кровь. Я вижу эту боль, знакомое лицо. Я вижу машину, врезающуюся в автобус, лица милиционеров, смотрящих на это со спокойствием. Я вижу лица тех, кто знал Витю, я слышу, как замирает их сердце, как в замедленном фильме вырывается «Витя...». Как истерзанной птицей в сознании бьется надежда, что, может быть, это ошибка и с ним все в порядке. Что он жив. И как в издевку, говорит репортер: «Водитель автобуса не пострадал». Я вижу, как выносят под белой простыней того, кто держал мое сердце рядом со своим. Я слышу звон своего сердца, падающего с его рук и разлетающегося в маленькие осколки от удара о землю. А потом я чувствую, как горячей стеной опускается боль и безнадега, вдавливая меня в тот самый асфальт, что принял его в свои объятия. Да так, что даже хрип не может вырваться из моей груди. Он умер. Так нелепо, так неправильно, так незаслуженно.

Господи, и что же теперь? Я чувствую огонь, рвущийся из моей груди, но не святой и теплый, а холодный, черный огонь, который приносит с собой смерть. Все возвращается на круги своя – правила природы. «Этот человек уже не встанет, а на освободившийся квадрат земли придет кто-нибудь другой». Но Его место под солнцем черно и пусто. А нас разрезали нас пополам и оставили умирать. Он сияет нам с высоты...

Прошел год. Жизнь не изменилась – в масштабах вселенной один человек это почти ничто. А в правилах человека чье-то сердце – чистое, светлое, сильное – значит больше всего остального.

Я не хотела писать об этом, но после примирения со смертью приходит тупое осознание, что все, сияние закончилось. И приступает к горлу боль, и хочется бежать. Далеко-далеко, чтобы ноги в кровь, а сердце вдребезги. Бежать так, чтобы остановившись, совсем не знать, где ты, и никого не будет вокруг. И ты сможешь закричать во всю силу своих легких, упасть на колени, зарыдать, сотрясая небеса силой своего горя. Там ты сможешь припасть к земле и целовать ее, как целуешь любимого человека, молясь, чтобы жар твоих слез дошел до него. И до хрипоты в горле умолять землю отпустить его обратно, хоть на минутку, чтоб лишь увидеть, припасть, успеть сказать «спасибо» и короткое «люблю», еще раз взглянуть в глаза и увидеть в них теплый свет.

Земля останется глуха к твоим стенаниям, и не примет тебя в свои объятия, и его не вернет. Она лишь как любящая мать даст тебе выплакать боль до изнеможения, успокоит тебя круговоротом жизни, усыпит тебя, положив твои окровавленные кулаки (которые ты разбил,

колотя в неистовстве об ее твердую грудь) под голову. Она сплет тебе колыбельную, погрузит с тобой об утрате тихим шелестом ветра, холодными слезами осени и прекрасными закатами. Ведь она мудра, она видела столько горя! Она знает, что успокоить свое дитя она может лишь теплым плечом, на котором оно выплачет свою истерзанную жизнь. А дитя и вправду, успокоившись, заснет. Лишь чистые слезы будут катиться с его лица, когда во сне оно увидит того, к кому так рвется сердце...

А потом человек взрослеет. Мать-земля его учит, что жизнь продолжается, что вопреки всему он будет расти, жить, влюбляться и смеяться, как было до этого. Лишь в глухую ночь, когда не будет рядом никого, он будет плакать, не зная, как успокоиться. Я видела это вокруг. Когда подступала темнота, я крепче стискивала кулаки, как молитву шепча про себя его слова: «А жизнь только слово, есть лишь любовь и есть смерть. Эй, а кто будет петь, если все будут спать? Смерть стоит того, чтобы жить, а Любовь стоит того, чтобы ждать»... Я видела ответ на мое горе в глазах друзей, в глазах моей мамы, которая приходила меня утешать. Я слышала его в прозрачных каплях дождя и холодных поцелуях снега...

СОН

Мне исполнилось 13 лет. Я тихо пережила еще один год пустоты. Снаружи я постепенно превращалась в нормального человека. Наученная горьким опытом, я запрятала эту боль так глубоко, чтобы даже взрываясь, она не могла мутить мое сознание. Мне говорили о том, как я повзрослела, я лишь улыбалась на эти слова. Никто не знал, КАКОВО мне было жить. Судьба дала мне один урок – все в этом мире когда-нибудь кончается. Она доказала, что хорошее кончается намного раньше, чем плохое.

«Камчатка46» стала чем-то новым, теперь я уже не писала – «Дорогой дневник». Теперь я просто обращалась к Вите – будто он приходил читать мой дневник. Мой характер теперь стал другим, мои друзья, теперь уже почти забывшие то, о чем я никак не могла забыть, удивлялись, говоря, что они с трудом узнают ту смешную Ленку, у которой раньше так легко менялось настроение. А та смешная Ленка и сама не знала, что случилось с ней...

По-моему это было весной, после дня моего рождения. Я сдала несчастный экзамен по геометрии, незаслуженно получив «четыре» (хотя знала я на круглую «пятерку»), и вернулась домой. Учебный год, наконец, кончился, и среди цветущих каштанов я задумалась о том, что я буду делать этим летом. И опять мои мысли полетели в сторону Богословки. Может быть этим летом меня отпустят (точнее, может этим летом я найду в себе силы попросить родителей отпустить меня)... Если

попросить, то с кем я поеду? Мне стало грустно. Я ненавидела свой возраст, мне хотелось быть старше, чтобы можно было не задумываясь ездить туда, куда хотелось. Подумав, я решила, что и просить об этом довольно глупо – все равно скажут «нет», ибо 13-летнюю девочку никто не пустит одну, неизвестно куда и как.

На ночь я решила перечитать старый дневник. Дойдя лишь до середины, я почувствовала, как мои глаза слипаются, и я легла спать.

В школьном дворе было так тихо, что я даже испугалась: может, я пришла не в свою школу? Я огляделась по сторонам: нет, вроде все правильно. Дворик, главный выход, те же с решетками окна спортзала. С замирающим сердцем я поднялась по лестнице и прошла внутрь. Двери открылись, хотя это было довольно странно – обычно в выходные школа стояла закрытой. Но внутри никого не было. Я осмотрелась вокруг: почему никого нет? Еще непонятнее то, что я вообще здесь делаю, если сегодня действительно выходной? Я прошла по левому крылу первого этажа. Классы были открыты, но вокруг было тихо и пусто. Лишь смутное эхо моих шагов отпрыгивало от стен. Я направилась в правое крыло, надеясь хоть там кого-нибудь найти. В правом крыле ряд окон закрывала стена, с другой стороны которой шла лестница. В этом закутке можно всегда было спокойно просидеть всю перемену, там было светло, тихо и прохладно. Я интуитивно повернула голову в ту сторону и обомлела. На подоконнике сидел ВИТЯ! Он сидел, упираясь спиной в глубокую раму окна, согнув ноги в коленях. Курил, глядя в окно. На звук моих шагов он обернулся и приветливо прищурился. Я просто не могла поверить, что он сидит здесь, просто так... Потом я вспомнила, зачем пришла, ведь сегодня Витя давал концерт, здесь у нас в школе! И я довольно поздно пришла, поэтому, собственно, так и торопилась – боялась опоздать. Я подошла к нему, не веря своему счастью.

– Витя, вот ты где! – обрадовалась я, – а мы тебя везде ищем! Все думали, что ты ушел.

Он посмотрел на меня – ласково, тепло, будто мы с ним были добрыми друзьями.

– Я здесь, – сказал он. – Я никуда не ушел. Я здесь.

Я решила спросить его, почему он еще не в зале.

– Витя... почему ты здесь... сидишь в одиночестве? Ведь мы тебя ждем... – спросила я его.

Он затаился сигаретой и улыбнулся.

– Витя... пошли, – попросила я, совсем не соображая, что я не могла так к нему обращаться (кто я была ему такая?).

Но он не обиделся.

– Иди вперед, – сказал он – я сейчас приду. Вот докурю, и приду.

Я понимала, что надо слушаться, но ноги будто вросли в землю. Я просто не верила такому счастью, что вижу его – живого, сильного, настоящего. А кто-то мне говорил, что он умер. Какие глупости!

Витя опять кивнул мне:

– Ну, иди. На концерт опоздаешь. Я тоже сейчас приду.

Мои ноги сами отклеились от пола и понесли меня в сторону едва прикрытых дверей. И хотя мне не хотелось никуда идти, на сердце сразу полегчало. ВИТЯ ЖИВ!!! Он рядом! Он здесь! Я обернулась, чтобы удостовериться, что он идет за мной, но на подоконнике уже никого не было. «Пошел наверно через другие двери» – подумала я, приоткрывая двери в зал, откуда доносился веселый гул возбужденных голосов...

Меня разбудила музыка. И слова. «Белый снег, серый лед. На рас-трескавшейся земле. Одеялом лоскутным на ней, город в дорожной петле». Я проснулась, никак не отойдя от этого взгляда – таким теплом светились его карие глаза.

– Витя... – Я начала оглядываться по сторонам. Но его не было. За-капали слезы.

– Витя... – Позвала я еще раз. Никого не было, и лишь в моем маленьком магнитофончике играла кассета. А я совсем забыла. Наверно ложась спать, я включила кассету и оставила на ночь. Дойдя до конца, кассета переворачивалась. Так она могла играть хоть 10 лет без остановки. Было грустно, что меня вернули в реальность этой жизни после того, как я наконец его увидела. Я хотела вернуться обратно, в тот сон, чтобы опять встретиться с ним! Но теперь мне действительно стало легче.

– Я здесь, – сказал Витя. – Я никуда не ушел. Я здесь. Иди, я тоже скоро приду.

И я верила этому. Он нашел меня и в своем Переходе, он вспомнил обо всех, кто горевал, у кого от боли разрывалось сердце...

ГОРОД

Автор: Елена Зелинская

Сколько лет сколько зим
 город стоит один,
 согреваясь в дыме машин,
 смотря на мир
 поверх сумрачных горных вершин.
 Огибая город, бегут поезда,
 забывая про день и свет,
 Ожидая, придет ли сюда весна,
 не понятно когда и зачем.

Провисая над бездной зим,
 он и сам белому свету не рад,
 понимая что он навсегда один,
 он кричит, отражая стеклом закат.
 И опять вокруг бегут поезда,
 забывая про то что он есть,
 В этом городе, никогда не бывала весна,
 в этом городе спит в земле моя честь.

Без причин стонут стены домов,
 не выдержав тяжелый свой груз.
 В этом городе слишком много живет грехов,
 Я сюда никогда не вернусь.
 И пускай, бегут, бегут поезда,
 Забывая о том, что он есть.
 Здесь осталась душа моя –
 В той земле, где спит моя честь.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Автор: Елена Зелинская

Электричество,
 Замечательное качество
 Наших времен.
 Я сую руки в карманы,
 Меня бьет ток. Я бегу вон.
 Прочь, прочь,
 Из этого дома прочь.
 В ночь, ночь, ночь,
 Я убегая в дождь.

Двадцать четыре квартиры
 В парадной.
 Двадцать четыре черных двери.
 Лампочка,
 Оснащенная электричеством,
 Слабо
 Им читает помутневшие сны.

Меня гонят парадных
 Холодные двери.
 Закрываясь, хлопают,
 Словно звери.
 За спиной
 Мена провожает домой
 Электрический свет фонарей
 И звон разбитых окон.

ЧЕРНЫЕ ФОНАРИ

Автор: Елена Зелинская

Сколько черных огней там, где люди теряют любовь,
в том желании быть в этом последним.
Сколько мы прожигаем дней и часов,
отвечая огнем неумной смерти.

И бойцы, после пули хватаясь за грудь,
понимают, что все теперь позади осталось.
И когда-то, где ложился белоснежный снег,
в этот час ложилась кровью на землю
пустая усталость.

Но по этой земле пробегут года,
не касаясь ступней высохшей крови,
кто то вспомнит о них, о павших
и тогда, скажет тихо забытое слово «Герои»...

Автор: Елена Зелинская

Я буду птицей в твоём небе,
я буду петь, когда все будут молчать.
Я буду нести в своём сердце
ту веру, которую никому не отнять.
Я буду твоим светлым солнцем,
я буду светить, когда звезды улягутся спать.
Я буду греть твою уставшую совесть
в холодную ночь, когда забудешь,
что значит мечтать.
Я буду делать все, что ты ожидаешь,
я поддержу огонь надежды в твоей душе.
Я буду верить, когда ты перестанешь,
и я умру, отдав свою веру тебе.

♪ БЕСКОНЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Автор: Елена Зелинская

Кому-то спать,
 А кому-то идти
 до последнего перекрестка.
 Наша слабость
 Она потерялась в пути,
 но наши души,
 как глаза у простого подростка чисты.
 Я думаю,
 что нам не дало стоять
 там, где все хорошо,
 и светло, и сухо...
 И опять я слышу, опять и опять
 то, к чему так привыкло ухо.

Припев: Бесконечная песня,
 опять колокольный звон.
 он разносится в воздухе,
 пожирая закат.
 И я знаю, нам хочется,
 чтобы все было правильно.
 Но нам нельзя возвращаться назад.

Вот и все.
 И оплаканы вечерние зори,
 И в мешке нашем больше нет сухарей.
 Может быть, мы пришли,
 Там, где мы рождены,
 но нам снова трубит рассвет.
 Я не знаю когда
 мы уйдем отсюда,
 Я не знаю, когда
 изотрем подошвы своих сапог
 Но я верю, я верю в своего лучшего друга.
 И в его душу, в его святую любовь.

Припев:

♪ ОБИДА

Автор: Елена Зелинская

Кому-то больно, а кому-то смешно,
и удар под дых.
Как нехорошо, ей-Богу.
Но мне отступать нельзя,
и опять я в этой войне одна.

Припев: Обида,
отстаньте от нас, отстаньте.
Дайте
нам жить также, как раньше.
Мы кричим
и застывшими от холода пальцами
прикрываем свои рваные раны.

Дай мне руку, знакомый,
дай мне опереться плечом в плечо.
Может, где-то
мы найдем наше белое солнце...
А пока, мы можем стоять вдвоем
и надеяться, что счастье еще вернется.

Припев:

Ну вот и все, и конец этой войне,
но опять в воздухе серый дым.
И свистит плетка,
и падает на мои плечи.
Боже, когда на молитвы мои ответишь?
Я молю о нашей святой вере,
и о душах тех,
кто знал всему этому цену.
Оставь,
прошу тебя, только оставь
нам хотя бы эту надежду.

Припев:

From: **Полина**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Пишет вам девушка, такая, как все, каких много ходит по Москве. Я не считаю себя кем-то особенным, обычный человек со своими плюсами и минусами. Да. Все мы индивидуальны и т.д. и т.п. Но, по сути, много ли можно назвать имен, которые действительно стоят того, чтобы их выделили из списка?..

История моя, как у многих, началась с детства, со старшего брата. Мы переехали в новую квартиру, мне было 6, ему 11. Он взял кассету в школе (1988 год), переписал и слушал. Я не знаю, что это было. Я только помню, что безумно нравилось, хотя наверное даже и тексты-то до конца не осознавала. Да. Скорее это было бессознательно. Говорят, дети могут видеть и слышать больше, потому что еще не забили свои головы стереотипами, правилами, принципами, они – белая бумага. Когда ты еще не осознаешь и не анализируешь, не ставишь штампы, а просто воспринимаешь, и без взрослой предвзятости тебе это откровенно нравится или нет. Так вот, видимо, в этот самый момент я впитала в себя его песни, точнее сказать тексты и эту простую, как многие считают, музыку. Хотя какой бы она ни была простой – цепляет. Цепляет до сих пор. Энергетика. Так обычно все объясняют. Из его песен идет энергия.

Я играю не первый год на гитаре, играю и его, естественно. Так вот иногда, как актеры настолько вживаются в роль, что чувствуют и ощущают себя этим персонажем, так и у меня порой случается: поешь и чувствуешь то, что он вложил в песню. Боль, сомнения, рвение, уверенность. Да. Уверенность. Только в эти моменты очень ярко ощущаешь, насколько надо было в это верить, чтобы это делать. Когда запрещали, гоняли, ну все это все прекрасно знают. Хотя порой кажется, что все это надуманно. Мысли. Мои. Быть может он просто сидел да играл, получал от этого кайф и все. Ну по приколу было ТАК жить, а я тут сижу и ...

Но не в этом суть.

Я не знаю, что было тогда и как это было, не важно наверное это все да и не узнать мне это.

Время шло. Был период, когда я просто перестала его слушать. А потом. Потом включила и была просто в небольшом трансе. В изумлении от того, что цепляет, что до сих пор сердце перестает держать ритм, когда слышишь его голос, вдумываешься в слова, ну и самое банальное – актуальность. Играю на Арбате друзьям, которые Цоя и не слушают, так настолько все гармонично, настолько все в тему, что будто он просто сейчас это написал про меня, про них,

про людей, про любовь... Про все. Просто он писал про вечное. Что чувствовал сам. Что чувствуют во все времена одинаково...

Пусть многие относятся к такого рода излияниям как к бреду, пусть считают все это неважным и тратой времени в этом светном и стремительном мире, что заняться нечем и т.д. Дело их. Согласилась бы, не споря. Но снова включаю записи и ничего не могу с собой поделывать. Звук, слова – пронизывают насквозь. И видимо люди делятся на тех, кто понимает (многие до конца в этом) и на тех, кто не понимает. Это нормально. Один человек мне сказал: «мне непонятен Цой, но я заметила, что люди, которые слушают его, обладают необычным взглядом на жизнь, не совсем понятным мне». Это многое объясняет. Наверное, мы просто под другим углом смотрим на жизнь, и у нас другие ценности...

МЫ СЛУШАЛИ ЕГО ПЕСНИ

16 августа газеты принесли страшную весть: погиб Виктор Цой. Об этом трудно говорить, потому что он значил для нас очень много. Это был кусок нашей жизни, целая эпоха в рок-музыке. Он был одним из лучших музыкантов Ленинградского рок-клуба.

Самое главное сейчас не залить елеем, не отлакировать человека, который был бесспорно талантлив и прост. Важно понять, что рок – это не стиль исполнения, не музыкальная мода. Рок для многих молодых людей, в первую очередь для тех, кто его писал и исполнял, – это образ жизни, это – философия. Помните слова его песни: «Они говорят им нельзя рисковать, потому что у них есть дом, в доме горит свет. И я не знаю точно, кто из нас прав, меня ждет на улице дождь, их ждет дома обед». Здесь философия рока.

Или это, другое. Любой астроном скажет, что солнце – это звезда, но мы ходим под ним каждый день, и в голову не приходит почему-то, что мы ходим под Звездой по имени Солнце.

Помимо присущих таланту искренности, глубины, неожиданности было у Цоя что-то свое, что притягивает к нему. Его образ, его песни заряжают энергией. Но это не песни-лозунги и не песни-молитвы, это не призывы идти громить. Его песни будят в душе такое, о существовании чего ты и не догадывался. Мы слушали его песни тогда, когда он стал одним из самых популярных исполнителей в рок-музыке. Мы любили и пели его песни. И с уходом Виктора мы как будто потеряли часть своей жизни.

В одной из своих песен он поет: «Все говорят, что надо кем-то мне остановиться, а я хотел бы остаться собой». В этом его ощущение личности. Он был похож только на

самого себя. Это разительно отличает его творчество от многочисленных «металлических» и попсовых команд, которые трудно различить не только по манере исполнения, но и по внешнему виду.

Но несмотря на оригинальность песни Виктора Цоя очень просты. Прости по текстам, по музыке, но не примитивны. Он писал жизнь. Честно, без лакировки. Его искренность и простота среди лицемерия и лжи очень привлекали нас, рок-фанов, в начале 80-х. Это привлекает и нынешних любителей рока. Привлекает тем, что песни Цоя дают потрясающую пищу для мозгов и оставляют простор для фантазии. И сейчас, когда его нет, мы будем слушать и петь его песни.

**Старый рок-фан
В. Гейзер.**

**Газета «Невская заря»,
22.08.90**

ПЕРЕМЕНИ!..

Автор: ЕКАТЕРИНА СЛАУТА

*«Пора открывать дверь! Пора зажигать свет!
Пора уходить прочь... Пора!..»*

Дитя огромного города, она любила ночь. В безоблачную погоду, во все времена года густая темнота и черное бархатное небо манили к себе. Она не могла сидеть в своей комнате, казавшейся такой маленькой, не любила углы, потолки, двери – любила лишь окна, сквозь зеленые стекла которых можно было видеть небо и ночные огни... Она сама была, как ночь, – такая же тихая и торжественно-темная. Вырвавшись из оков четырех стен, бродила по тихим улицам своего района, вглядываясь в мрачные лица редких прохожих, и думала о жизни, данной или дарованной ей для продолжения рода или чего-то иного... Она всегда была одна, единственным спутником был плеер – маленькая коробочка, бытовая игрушка, в которой играл и пел Цой. Она любила Цоя. Нет, ее нельзя было назвать фанаткой, она не увешивала стены плакатами любимой группы, не заучивала наизусть песен, не лила слезы над трагичной судьбой молодого певца. Она просто слушала музыку унесенного ангелами страдальца, земные мытарства которого прерваны Всемогущим Роком.

...Этой ночью было особенно одиноко. Как обычно, она шла по тускло освещенной аллее, погруженная в себя. Ход ее мыслей напоминал рой мошек, хаотично пульсирующих вокруг источника света. Иногда она сама ощущала себя мошкой среди бесчисленных и куда-то движущихся толп. Каждый раз боялась сгореть, приближаясь к яркому теплomu светилу... Цепь ее мыслей внезапно оборвалась, когда она услышала до боли знакомые аккорды, доносившиеся откуда-то из-под земли. Изо всех сил напрягла слух: «Перемен!» – вдруг узнала она одну из известнейших песен Цоя и, швырнув недокуренную сигарету, бросилась в переход.

...Звуки гитары слышались из самого дальнего уголка. В тени увидела молодого человека, мастерски отбивающего бой на старой почерневшей гитаре. Черные растрепанные волосы придавали ему вид дикого зверя, который отбил от стаи и теперь прятался в дальнем углу. Глаза закрыты, лицо сосредоточено. Он весь ушел в музыку, не замечая ничего вокруг. Перед ним не было гитарного чехла для сбора денег. Он не просил милостыни... Казалось, он играл сам для себя... Долго стояла, наблюдая за гибкими пальцами, ловко перебирающими струны, за красивым лицом, выражающим отчужденность, за всем существом этого дикого зверя, забитого в тень... Сыграв несколько песен Цоя, он стал наигрывать мелодии, ей неведомые, но эти незнакомые песни были проникнуты той же жизненной философией Вити... Ей не хотелось домой...

Когда затих последний аккорд, парень выбрался из омута своих мыслей и открыл глаза.

– Как тебя зовут? – нерешительно спросила она.

– Меня? Меня никак не зовут. Я поэт, – ответил осипший голос из темноты.

– Так это твои песни?

– Мои.

– Любишь Цоя?

– Люблю.

Односложные ответы стали ее смущать.

– Где ты живешь? – вновь задала вопрос.

– Я на белом свете живу.

Этот ответ совсем поставил ее в тупик. Она собралась было уходить, но внезапно заговорил он:

– Мне одиноко. Остайся.

Села рядом на холодный пол. Долго всматривалась в его глаза, глубокие и добрые, но в то же время какие-то отчужденные, словно стеклянные... Потом перевела взгляд на тонкие, как у старика, иссохшие запястья... Следы от хирургических игл... Стало страшно...

– Ты веришь в счастливую звезду? – вдруг спросил он.

– Верю. Моя счастливая звезда согревает мне душу, – это звезда по имени Солнце.

– Звезда по имени Солнце греет всех людей на свете. Всех: добрых и злых, честных и обманщиков, добродетельных и преступников. Я еще не нашел свою счастливую звезду, ей нет места в этом мире, нет места, как и мне самому... Хочу перемен!

Ее страх исчез. Она смотрела на этого странного человека и понимала, что у них одна «группа крови», что у них общая «звезда по имени Солнце». И еще она знала, что он чувствует то же самое... Так просидели ночь. Утром она сказала, что ей пора идти, на что он тихо ответил:

– Нет, это мне пора...

Она не поняла смысла этих его слов, но холодок закрался в душу. Пережила день. Ночью снова помчалась в переход. Сердце тревожно колотилось... Добравшись до темного уголка, увидела его. Он сидел на том же месте, но почему-то не играл, а глаза остекленели совсем... Прочла приколотую на шприц записку: «Хочу перемен!..» Подошедший страж порядка беззлобно заметил:

– Каких еще перемен?! Как бы не окочурился бренчало несчастный.

Бросилась к выходу. Поднялась по каменным ступеням. Подняла голову. Вселенная пела. Хоры неисчислимых звезд обещали неизбежные перемены.

НОЧЬ

Автор: БОРИС ЗАЦЕРКОВНЫЙ
(Альманах «Снежный ком», www.snezhny.com)

Я проснулась от того, что услышала до боли знакомую мелодию. Мелодию из моего далекого детства. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что нахожусь одна в темной комнате с холодными серыми стенами. Жуть. Где Машка, Юлька? Неужели я проспала!?

Нет, меня бы разбудили любыми способами. Электронные часы с зелеными цифрами показывают 23:10. Где все и откуда доносится эта прекрасная мелодия?

*... За окнами солнце, за окнами свет – это день.
Ну, а я всегда любил ночь...*

Я медленно повернула голову в сторону, откуда доносилось пение и на время забыла, что человеку нужно дышать. Я до крови прикусила кончик языка и ущипнула себя.

Проснись, проснись, проснись...

Первая мысль, которая поселилась в моем сознании – это все сон. Нет ничего такого, что противоречило бы естественному в этом мире, считая за естественное то, что не противоречит ему. Мысль не складывается в голове. Сказать простым языком, я не думаю, что мертвые умеют говорить, а тем более петь. Или я ошибаюсь? Так или иначе, все настолько реальное, настоящее и живое, что от мысли, что это все сон, ни осталось и следа.

За окном была ночь. Свет, отбрасываемый уличным фонарем, слегка освещал комнату. Тени были невероятно длинными и расплывчатыми. На подоконнике сидел Виктор Цой с гитарой. Заметив, что я смотрю на него, он почти незаметно подмигнул мне. Или это только мне показалось?

*...И это мое дело – любить ночь,
И это мое право – уйти в тень...*

Сначала я хотела закричать, что есть мочи, но потом желание кричать сменилось желанием плакать. Я узнала эти слова и мелодию. Это была «Ночь». В детстве это была моя любимая песня. Мне захотелось вернуться туда, где я не знала, что такое взрослая жизнь со всякими налогами, политикой, десятичасовыми рабочими днями, масками и нескончаемой ложью.

*... Я люблю ночь за то, что в ней меньше машин,
Я люблю дым и пепел своих папирос...*

Когда я последний раз вспоминала о Цое? Лет десять назад, пятнадцать, двадцать? Неужели он помнил обо мне все это время? Что он делает сейчас в моей комнате? Разве он не умер тридцать лет назад? Или это не он? Злая шутка... ведь мертвые не говорят, а уж тем более не поют, это точно!

Проснись, проснись, проснись...

Это он. Это его «Ночь». Это моя ночь. Это наша ночь.

Чего-то недостает в этой картине. Проснись, проснись, проснись...

Ночь я любила всегда, какой бы она ни была. Я жила ночью, в прямом и переносном смыслах этого слова. По жизни я всегда держалась в тени, как бы ни светило солнце. Нет, я не была серой мышкой, но и не была белым слоном. Мне просто нравилось быть одной. Поначалу это было тяжело и немного абсурдно, но время не стоит на месте и делает свою работу добросовестно и вопреки всему. Со временем, со своим верным другом, ко всему привыкаешь, даже к одиночеству. Быть в тени – это никаких телефонных звонков, никаких нравочений родителей, никаких людей, никаких оценивающих взглядов, никаких слов (соответственно никакой лжи), ненависти, нелюбви (и даже любви, только той, которая живет в обществе) и другого того, чего не следовало бы Богу впихивать в нас.

Существовали только я, пачка сигарет, мой старенький магнитофон «Скиф», Виктор Цой со своей «Ночью» и ночь за окном. Мы впятером были настоящими друзьями. В минуты, проведенные вместе, я чувствовала себя, знала, я могла оставаться собой, не боясь быть обсмеянной или униженной. Я была. Была, но только в тени.

*...Я люблю кухни за то, что они хранят тайны,
Я люблю свой дом, но вряд ли это всерьез...*

Мое любимое место было кухней. Я называла его «ночной созерцальной», но чаще «ночной кухней», так как днем там всегда находилась мама, посторонний мне человек, как бы скверно это ни звучало. Когда родители ложились спать, я брала с собой «Скиф», кассету Цоя, пачку сигарет и на цыпочках шла на кухню. Слушая «Ночь» на тихой громкости, чтобы не дай Бог разбудить родителей (лишние вопросы мне ни к чему), я закуривала сигарету и смотрела в окно на пустые дороги, закрытые магазины с их мигающими сигнализациями, и на людей, который бежали домой к своим женам, мужьям, детям... или,

как я теперь понимаю, от них. Сидя на подоконнике, я много думала о людях, их чувствах, о жизни, смерти, любви – обо всех вопросах, давно беспокоивших людей. Знаете, какой я сделала общий вывод?

Если бы существовали рай и ад, то я бы сказала, что мы уже в аду, а Бог – старый сукин сын, смеющийся до слез на своем проклятом троне. Поверьте, я долго не могла решить чему мне верить, а чему нет. Наконец, я решила остановиться на более реальном и понятном мне: на том, что имеет обоснованные факты и не принуждает хулить Высшее, хотя и не раскрывает всех карт – все объясняется научно-медицинскими путями. Нет ничего такого, чего бы не объяснялось логически. Все до коллик просто и, поверьте, неинтересно и бессмысленно. Все бегут от реальности, а в конечном итоге, и от себя, сами того не осознавая. Отчасти в этом нам помогают наши же родители, соответственно, сами того не осознавая. Я сомневаюсь, что мы заведомо рождены быть трусами.

Ночь имеет свои прелести и преимущества, как и свои недостатки. Порой мне кажется, что преимуществ у нее больше, чем у дня, а недостатков меньше. Знаю только одно – я рождена для ночи.

– И эта ночь и ее электрический свет бьет мне в глаза, – подхватила я. – И эта ночь и ее электрический свет льет мне в окно. И эта ночь и ее электрический голос манит меня к себе. И я не знаю, как мне прожить следующий день.

– Ты вспомнила слова, – заметил Цой, продолжая играть.

– Я никогда их не забывала, – ответила я, чуть смутившись. – Красивая мелодия, у меня никогда не получалось правильно ее сыграть.

– Теперь получится, – сказал Виктор Цой и протянул мне гитару. – Попробуй.

Взяв в руки гитару, мелодия «Ночи» полилась из моих рук, словно песня без слов. Виктор Цой запел:

*... Я один, но это не значит, что я одинок,
Мой магнитофон хрипит о радостях дня...*

У меня из глаз хлынули слезы. Я положила гитару рядом с собой на кровать и прошептала:

– Не могу. Мне тяжело играть эту мелодию.

– Я понимаю. Но в этот раз ты сыграла ее правильно. Гораздо лучше, чем в прежние времена, – Виктор Цой взял гитару и чуть улыбнулся. – Гораздо лучше, поверь мне.

– Спасибо, – поблагодарила я, вытирая слезы рукавом ночной рубашки. Цепляя руками волосы, я почувствовала, что у меня изменилась прическа и волосы стали намного мягче. Такая прическа была у меня,

когда мне было 18 лет – светлые волнистые волосы, длинную чуть ниже плеч. Я посмотрела на свои руки и не обнаружила шрамов на запястьях пятилетней давности. У меня перехватило дыхание.

Мои руки стали лет на двадцать моложе. Я чувствовала себя лет на двадцать моложе. Будь я проклята, если мне сейчас не 18 лет!

На радостях я подошла к Виктору Цою и села рядом с ним на подоконник, как в старые добрые времена. Только вместо «Скифа» и кассеты был сам Виктор Цой со своей гитарой.

Он засунул руку в карман и вытянул какой-то смятый кусок жесткой бумаги. Его лицо озарила широкая улыбка. До этого момента я и представить себе не могла, насколько он был прекрасен ночью, в свете луны и уличного фонаря:

– Будешь курить?

– Буду, – сказала я, понимая, чего мне не доставало последние 3 минуты и последние 20 лет, – буду.

Нам не разрешали курить в комнате, но сейчас эмоции взяли верх над разумом, к тому же, я не курила уже около двух, а то и трех, лет. И кто отказался бы закурить, если бы сам Цой протянул вам пачку папирос!? Я не могла отказаться. Я не думала отказываться. Мне ужасно хотелось взять в рот сигарету или папиросу, сделать затяжку и ощутить все прелести одного из моих старых друзей.

Будешь курить? Буду.

После первой затяжки у меня закружилась голова, как в тот день, когда мне было 16, и я затянулась первый раз.

Виктор Цой. Мы снова вместе.

Руки Цоя снова начали исполнять мелодию «Ночи». Мне вновь захотелось плакать, но я сдержала слезы, так как они мешали бы мне петь вместе с ним.

Ночь за окном.

Проснись, проснись, проснись...

Все как в старые добрые времена. Не хочу, чтобы это когда-нибудь кончалось. Я вспомнила про шрамы на запястьях. Содрогнулась. Не по причине ли того, что все когда-нибудь кончается, они появились на моей руке?

Я. Пачка сигарет. Пять закадычных друзей.

Но сейчас-то шрамов нет. Мне снова 18, я смогу сделать так, чтобы сегодняшняя ночь никогда не кончилась! Мне дали второй шанс, и я воспользуюсь им!

Буду.

«Ночь» в моих ушах и моем сознание.

Мне захотелось смеяться! О, как давно я по-настоящему не смеялась!

От всей души! Я даже забыла, как это делается. Но нет... нет, сейчас мы будем петь. Сейчас я буду петь вместе с Виктором Цоем.

Я снова могу быть сама собой. Я снова есть, как была.

*...Я помню, что завтра меня ждет несколько встреч,
И кофе в известном кафе согреет меня...*

– И эта ночь и ее электрический свет бьет мне в глаза, – снова подхватила я, выдувая струйку дыма. – И эта ночь и ее электрический свет льет мне в окно. И эта ночь и ее электрический голос манит меня к себе. И я не знаю, как мне прожить следующий день...

– Поэтому вы и здесь, дорогая моя, – холодно произнес силуэт, стоящий в семи метрах напротив меня. – Завтра у нас по плану завтрак, утренний сеанс групповой терапии, двухчасовая прогулка вокруг здания больницы, водно-психологические процедуры, обед, затем с вами встретится ваш лечащий врач, потом будет вечерний сеанс групповой терапии, ужин, три часа свободного времени и отбой. Не стоит волноваться, мы уже продумали, как вам прожить следующий день, – усмехнулся санитар в белом халате. – А теперь ложитесь спать и постарайтесь не разговаривать и не петь песен, вы мешаєте спать остальным. Имейте совесть, Либаева.

Я повернула голову в сторону, где сидел Виктор Цой, но там никого не было. Голый подоконник, пыльное окно за пластмассовой решеткой, падающий свет уличного фонаря и пустота в душе. Цой исчез, как и мелодия, доносившаяся из-под его рук, как и моя молодость, как и мои трое друзей: пачка сигарет, магнитофон «Скиф» и его кассета с «Ночью» в те бессонные, но полные смысла ночи.

Слева от меня Машка и Юлька тихонько похрапывали себе под нос. Электронные часы с зелеными цифрами показывают 23:15.

Я спустилась с подоконника, села на кровать, закрыла лицо руками и заплакала.

Отрывки из ежедневного отчета. Ночная смена. Санитар Михаил Причуткин:

«18.03.2021

(...) В 23:09 пошел в курительную комнату.

В 23:12, находясь в курительной комнате, я услышал, что где-то играет музыка.

Решил, что забыл выключить телевизор, учитывая то, что после музыки послышался разговор двух людей – парня и девушки.

В 23:13 вышел из курительной комнаты и снова услышал музыку. Телевизор был выключен. Музыка доносилась из палаты № 14.

В 23:14 зашел в палату и увидел пациентку Анну Либаеву сидящую на подоконнике. На мгновение мне показалось, что это была девочка лет 16-17. Она пела какую-то песню, в которой говорилось что-то про электрический свет и ночь. Когда Либаева пропела: «я не знаю, как мне прожить следующий день», я сделал ей уместное замечание, чтобы она прекращала петь песни и ложилась спать. Юлия Федотченко и Мария Нестерова тем временем спали. Откуда доносилась музыка, я так и не выяснил. Думаю, что мне просто послышалось, но решил занести этот сомнительный факт в отчет (...)

Отрывки из ежедневного отчета. Дневная смена. Заместитель главврача Евгений Науменко:

«19.03.2021

В 8:00 заступил в дневную смену.

В 8:03 направился на утренний осмотр пациентов по палатам. Когда зашел в палату № 14, то учуял слабый запах сигаретного дыма. Учитывая, что вентиляция работает добросовестно и запах из курительной комнаты не может попасть сюда, я решил досконально осмотреть палату в поисках окурков или пепла. Около кровати Анны Либаевой было найдено два папиросных окурка. Пациентка отрицает свое причастие к курению. Анне Либаевой будет вынесено наказание в виде лишения трехчасовых прогулок в течение трех дней вокруг здания больницы. В данный момент идет разбирательство, каким способом ей удалось достать папиросы. (...)

Отрывки из отчета пациентки №1385 главврача Филиппа Невзорова:

«19.03.2021

(...) Сначала Либаева отрицала свое причастие к курению. После того, как мы пригрозили ей лишением трехчасовых прогулок в течение трех дней она во всем созналась. (...) если можно назвать ее сознание сознательным. (...) По утверждению пациентки № 1385 Анны Либаевой ночью к ней приходил певец и композитор Виктор Цой, основатель группы «Кино», который погиб 31 год назад. Она утверждает, что вместе с ним пела его песню «Ночь». (...) Пациентка говорит, что в тот момент ей было снова 18 лет. На вопрос: «Вы хотите сказать, что чувствовали себя на 18 лет?», Либаева ответила, что была и в физическом и в духовном смысле 18-летней девушкой. Потом они вместе закурили

по папиросе. (...) Решение увеличить дозу психотропных препаратов «С6» и «ЗС-8» и продлить срок лечения на 1 год я принял совместно с моим заместителем Евгением Науменко. (...)»

Отрывки из личного дневника заместителя главврача Евгения Науменко:

«21.03.2021

(...) Прошлой ночью не мог уснуть, сегодня чувствую себя ужасно. (...) Позавчера с главврачом Невзоровым обследовали пациентку с 14-й палаты Анну Либаеву. В тот же день около ее палаты я обнаружил два окурка. Она отрицала причастие к курению.

(...) Когда я с Филиппом немного надавил на нее, она во всем созналась. Рассказала какую-то неправдоподобную историю про Виктора Цоя. Поначалу я ей не верил, но когда вспомнил название папирос, которые она курила накануне, вспомнил свой разговор с Михаилом... (...) то... (...) «Причал» – этих папирос нет в продаже уже около тридцати пяти лет, если верить достоверности Интернета! (...) Боже, я, наверное, сошел с ума! (...) Сейчас сажу в своем кабинете (решил поменяться сменами с Михаилом, чтобы этой ночью дежурил я). (...) Мне следовало остаться дома. (...)

Сейчас я уже слышу песню Виктора Цоя «Каждую ночь» и подпевающий женский голос. (...) Телевизор выключен. (...) Я чувствую запах сигаретного дыма. (...) Боже, не дай увидеть эти записи Филиппу Невзорову, иначе «С6» и «ЗС-8» будут увеличивать мне, а срок выживания на воле, в таком случае, уменьшат, как минимум, на пару лет.

(...) ... Сжечь дневник и забыть про случай с пациентом №1385! (...) ... смогу ли я забыть? (...) Боже... (...) ... не слышать звуков моим ушам. (...) И я не знаю, как мне прожить следующий... (...)»

♪ ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор: Дмитрий Дугинов

Порванной струною вздох телеэкрана
И опять глухая кутерьма.
Кто-то скажет «Глупо!»,
Кто-то скажет «Рано!»
Этот мир сошел с ума.

Но несется серый асфальт...
Не догнать тебя, не вернуть.
Навсегда скрыла ночь,
Скрыла ночь обратный путь.

Ты певец ее и пророк,
Ты не смог ее обойти.
Боже, сколько светлых дорог
Оборвалось на полпути.

Можно и не верить,
можно и не слушать
Слов чужих, все равно.
Не возьмешь гитару,
не разрушишь стены
Старой лжи, не дано
Жить певцам в России-стране.
Только тот, кто мертв, здесь поэт.
Здесь всегда с мечом, на коне
Равнодушия высший свет.

Вы не плачьте, слезы пусты.
Не догнать его, не вернуть.
Навсегда скрыла ночь,
Скрыла ночь обратный путь.

Хриплые кассеты, гнутые пластинки,
Рев дворцов, шепот губ.
Мне судьба сказала
«Все, конец, Играй отбой!»
Не могу.

Ты ушел, как будто взорвал
Весь огромный мир, мир земной.
Только песня твоя жива,
Только песня твоя со мной!
1990

From: **Слава**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Так уж сложилось, что с творчеством группы «Кино» я был знаком, что называется, с рождения. Сколько себя помню – мой старший брат постоянно крутил их песни на полную катушку. Ясное дело, что мне, самодовольному мальчишке, совершенно не нравилось все то, что делают/ слушают/ почитают старшие. При этом я даже не пытался вслушаться в слова и проникнуться музыкой. Однако, «эффект попугая» имел место быть – у меня на подкорку записались практически все песни. Помню, однажды удивил сверстников-киноманов песнями «Сосны на морском берегу» и «Завтра война», которые в то время были ужасной редкостью и мало кто о них слышал.

Вскоре мой старший брат немного охладел к «Кино», но меня Витя сопровождал по-прежнему. Школьные годы, включая летние дачные периоды, также прошли под аккорды «человека в черном». Практически все мои знакомые были вовлечены в модную в то время «киноманию». Я как ярый противник всего модного опять-таки остался немного в стороне.

Дальше – больше. Судьба играла со мной, как хотела. Вступив в сознательную жизнь и вылетев из материнского гнезда, я стал счастливым обладателем собственной квартиры. Перевозя свои вещи, я как-то не обратил внимание на улицу и номер дома (пр. Ветеранов, 99, в Санкт-Петербурге). Но в первую же неделю, изрядно вымотанный еженощными пьяными песнопениями в моем подъезде, я выяснил, что живу под квартирой самого Виктора Цоя! Вот это был сюрприз... Ясное дело, исполненные жуткими голосами песни, сверлящие мозг, не могли вызвать у меня никакого восторга. «Кино» вновь попало в мою «оппозицию».

Слава Богу, время лечит все. Постепенно мода на «Кино» стала угасать, пьяных отмороzków на пороге моего подъезда становилось все меньше, а 15 августа перестало быть днем забаррикадированных дверей.

Вскоре о «Кино» как будто все забыли. Я не слышал их песен по радио, не видел заметок в газетах и не наблюдал людей в характерно черных футболках на улицах. Жизнь, что называется, «устаканилась». И именно в этот период мне на глаза попался случайно взятый со старой квартиры диск «Кино», купленный в свое время моим старшим братом. Сейчас уже не помню, какой конкретно. Кажется сборник под логотипом «Легенды русского рока». Но точно помню, что когда я его прослушал, «Кино» предстало передо мной в совершенно ином

свете. Будучи уже взрослым и сознательным человеком, я начал знакомство с группой с нуля, как бы парадоксально это не звучало, и очень обрадовался тому, что приобрел. Нет нужды говорить, что именно, думаю, каждый поклонник творчества группы «Кино» приобрел для себя что-то свое.

Сейчас, встречая в своем подвезде редких паломников, приезжающих из далеких городов, чтобы проехаться по «святым местам», я уже не шарахаюсь испуганно в сторону. Помню, последний раз мило так побеседовал с интересной молодой парой из Ярославля. Разговор не портил даже тот факт, что я выбрался на лестницу выбросить мусор и все время у меня в руках маячило мусорное ведро. Меня несказанно порадовало, что есть еще такие люди. Не знаю, порадовало ли их что-нибудь, но они остались довольны встречей.

Не знаю, какой очередной «кино»-виток приготовит мне судьба, но теперь я жду его с нетерпением. Но даже если сюрпризы закончились, я ничуть не расстраиваюсь, ведь теперь «Кино» со мной.

From: **Ксения Тихомирова**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Я живу в маленьком городе. Мне 17 лет. Когда Цоя не стало, я была в бессознательном возрасте. Когда я ходила в школу, каждый день по одной и той же дороге, мне многократно встречались и встречаются надписи типа: «Виктор Цой, мы с тобой», «Виктор Цой жив», «Ну а я всегда любил ночь...». я знала эти надписи наизусть, но не знала, что они означают.

Как-то я попросила у моей знакомой послушать кассетку так, ради интереса и, что такое, полюбила эту музыку. У группы «Кино» появилась еще одна поклонница даже спустя 14 лет после смерти Виктора. И я знаю, что я не последняя, пройдут еще годы, а поклонников не будет меньше. Песни Цоя будут передаваться как наследство, от одного поколения к другому.

Сейчас я бы хотела познакомиться с теми, кто писал те надписи на стенах. И одной теплой летней ночью выйду с банкой краски в руках и от всей души украсу какую-нибудь стену бессмертной фразой...

ЛЕНИНГРАД. 19 АВГУСТА 1990

Автор: А. РУСАНОВ (Ленинград – Барнаул.

«Молодежь Алтая», 24 августа 1990)

*«Мы выросли в поле такого напряжения,
где любое устройство сгорит на раз...» (БГ)*

*«И только там, где есть могилы, есть и воскресение, – так пел
Заратустра» (Ницше)*

– Женщина, имейте сердце! Ну пустите! – парень задыхался: он бежал по перрону, держась за поручень закрытой вагонной двери, и показывал проводнице билет.

– У тебя билет на другой поезд. И мест у меня нет.

– Я на том не успею. Пустите, пожалуйста...

Поезд ускорял ход, но парень не оставал: он не знал, что все места действительно заняты, в том числе и место в служебном купе, за которое я заплатил приличную сумму... Тут состав почему-то ненадолго остановили, а через минуту парень пронесся мимо меня (проник все-таки!) и скрылся в тамбуре соседнего вагона, едва не потеряв черную ленту, повязанную на рукаве куртки: зацепился в спешке.

А спешили мы, как и вся огромная масса молодежи, атаковавшая поезд ленинградского направления, в одно и то же место и с одной целью – в Питер, проститься с Виктором Цоем.

– Вы не скажете, как пройти на улицу Рубинштейна?

– Понимаю – Виктор Цой, да? Рок-клуб находится... – пожилой мужчина показал мне дорогу к рок-клубу. По пути я встретил множество (после трехсот я сбился со счета) парней и девчонок рокерского вида с траурными атрибутами – лентами, бантами, повязками, значками. У многих на груди или спине был прикреплен большой портрет В. Цоя в траурной рамке.

Похороны были назначены на 12.00. На улице Рубинштейна, где расположен Ленинградский рок-клуб, я оказался в одиннадцатом часу. «Успеваю», – уверенно думал я, но возле рок-клуба увидел только кучку растерянных фанов перед портретом погибшего: тело уже увезли, все давно на кладбище.

В троллейбусе спросил двух парней, когда нужно выйти. Они, взглянув на мои розы, купленные еще на вокзале, коротко ответили: «Там все выходят». Так и случилось.

Пере Богословским кладбищем скопилась огромная толпа. Портативные магнитофоны – сотни! – воспроизводили голос Цоя. Звучали за-

писи с пластинок, концерты «в электричестве», «в акустике», домашние концерты. Ускорив шаг и обгоняя сотни и сотни людей, пробираюсь к могиле. Представителей прессы пропускают, остальных пока сдерживают крепкие ребята с черно-желтыми повязками на рукавах – рок-клубовцы. Вокруг, не проявляя активности – милиция, кто в обычной, кто в какой-то американизированной форме, все при дубинках.

Могила уже закопана, хотя время – одиннадцать. Свежей земли не видно: цветы, цветы... Огромная гора гвоздик, роз, георгинов наполовину скрывает большой портрет Виктора. Горят свечи. Родственники погибшего и рок-музыканты садятся в автобус.

Вот он отъезжает, и по толпе, ждущей своей очереди, проносится гул – нечто вроде мощного единого вздоха со стоном. На стыке толпы и живого заграждения уже давно «искрит», раздаются высказывания, которые приводит неудобно. Сейчас может «замкнуть». Кто-то из тележурналистов от греха подальше ретируется... вверх – на дерево, пристраивает видеокамеру поудобнее.

Однако напряжение снято: осунувшиеся, измотанные рок-клубовцы подходят к передовой, где вот-вот начнется... Один из них кричит (голос сорван, хрипит):

– Вы же – люди, люди! Остановитесь, вы – на похоронах, не превращайте их в скандал...

Примерно эти же слова обращались не один десяток раз в течение дня: до самого вечера мимо могилы шли и шли люди...

В три часа ночи берусь проводить до рок-клуба парня с девушкой, только что приехавших из Белоруссии. В рок-клубовском дворе – портреты Цоя, склоненные бело-красно-синие флаги с траурными лентами. В подворотнях горят костры, возле них молодежь негромко поминает погибшего. Звенят стаканы и деньги: здесь тоже собирают средства для памятника...

И снова – свечи, свечи. Теплые пятна света и смутные тени колеблются на стенах, испещренных надписями. Рядом с одной из них, датированной июнем этого года. – «Кино», спасибо за концерт. В кайф! Москва». – читаю свежие: «Не верю никому, он жив». «Витя, мы к тебе вернемся!». «Витенька, зачем ты ушел? Теперь Ночь празднует и ты принадлежишь ей, а не нам...»

В проходном дворе, уткнувшись в нарисованный углем портрет Цоя, рыдает девушка. К ней подходят, успокаивают, как могут. Если на кладбище дежурил врач (и без работы не оставался), то здесь лекарство одно – стакан портвейна. Но пьяных не видно...

Автор: Ольга (г. Донецк)

Рыбалка, конечно, полезная вещь,
 Но опасная, как динамит.
 И кто мог подумать, что сердце твое
 «Икарус» навеки затмит...
 Мне страшно смотреть сегодня кино.
 «КИНО» – это Виктор Цой.
 И, каждый раз приезжая сюда,
 Я верю, что ты – живой.
 Я и не знаю, как бы жила,
 Если бы верила в смерть.
 Могила – это просто красивая клетка,
 Но вряд ли в ней стоит сидеть.
 И в ней ты уж прожил свои сорок дней,
 И сегодня – уже не вчера.
 И я ухожу, оставляя призыв
 С единственным словом:
 Пора!
 начинать петь.
 Пора!
 зажигать свет.
 Пора!
 открывать дверь.
 Пора!

Автор: Natalya

Не знаю я, в наказание
 Или в подарок от Бога
 Тебя мне дано слишком мало,
 А любви к тебе – слишком много.

Сердце рвется на части
 От боли, такой огромной -
 Черный шнурок на запястье
 Я о тебе помню.

*** * ***

Автор: Светлана Звонкова

Дождь идет уже, наверно десять лет,
Целых десять лет на небе тучи.
Солнечный мне больно видеть свет,
Дождь идет, и это даже лучше.

Тихий голос лег на провода,
Шепотом обрушился на стены.
В луже мутная горит звезда,
Ей уже не вырваться из плена...

Тени медленно скользят по полу
В свете догорающей свечи.
Нет, уже не чувствую уколов.
Да, бывает, что беспомощны врачи...

Громкий крик застыл на языке,
Тихо кружится пустая голова...
Я тону в бушующей реке,
И бесцельны «правые» слова.

И опять коснется тонкой вены
Вновь холодная бесстрастная игла.
Отчего вдруг двигаются стены?
Почему преодолеть я не смогла?..

«МНЕ ЦОЙ ПОМОГАЛ ЖИТЬ...»

Автор: М. ВАХМЕНИНА

(«Молодежный курьер», г. Гродно. 1991)

Я стою на узкой лесной дороге около латышского поселка Плиеньци-емс, закрываю глаза и слышу шум темно-синего «Москвича Я6832ММ». Крутой поворот уводит к морю, у которого три года подряд отдыхал Виктор Цой. Та же дорога, сосны, море за дюнами, лесное озеро, мостик через речку – все такое же, как год, два, три назад. И только море цветов на этом мостике, фотографии и ужасная пустота внутри... Здесь останавливается время, и, кажется, что ни жизнь, ни смерть уже не имеют значения. Теперь это место под Юрмалой можно поставить в самый конец ряда, начатого питерским рок-клубом, «Камчаткой», «Сайгоном». Здесь была поставлена точка. Теплый асфальт августа 90-го года сохранил все следы трагедии – вот здесь произошло столкновение, сюда отбросило машину, а где-то рядом с ней лежал водитель. Говорят в траве до сих пор находят детали разбитого «Москвича». Может быть...

Мне трудно определить, что же значит Виктор Робертович Цой в моей жизни. Наверное, все очень просто – мне важно знать, что есть еще человек, который думает также, как и я, который мне интересен, у которого я нахожу то, чего мне в собственной жизни не хватает. Мне приятно жить в этой стране, потому что здесь жил Цой, я люблю Питер и завидую тем его жителям, у которых осталась «Камчатка» и «Сайгон», осталась неповторимая рок-н-ролльная атмосфера начала 80-х годов. «Кино» – оттуда, они открыли нам романтику городской жизни, мы вместе с «Кино» полюбили ночь и черный цвет, поняли, что можно просто так выйти из дома, «когда во всех окнах погасли огни», увидеть, «как уезжает последний трамвай», как перебегают дорогу черные кошки и мелькают тени в подворотнях, мы почувствовали уют хранящих тайны ночных кухонь, где до утра горит газ и чай на столе. Кто-то покрутит пальцем – романтика для ПТУшников. Да и вообще поэзия ли это?

Не знаю... Но мне не хватает именно этой легкости и свободы, когда можно просто выйти, улыбнуться и сказать: «Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, мальчики!».. Потом будут «Начальник Камчатки», «Группа крови», «Звезда по имени Солнце», но то, что пел Цой в самом начале – вещь особая. Хотя большинство поклонников знают «Кино» по последним альбомам. Это легко понять. Там мы увидели Героя, который заполнил собой пустующее пространство у целого поколения, то пространство, которое не смогли заполнить ни наши политические лидеры, ни общественные организации, ни советская школа. Потому что этот Герой – реальный человек, который сам выбрал свою дорогу,

ему не нужен уют квартир – лишь пачка сигарет да стук колес и дождь, ждущий на улице; когда-то он ушел из дома, работал кочегаром, поэтому он имел право сказать поколению, которое многие называют потерянными:

*Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив...
Дальше действовать будем мы!*

И может быть, цоевская звезда позвала в путь кого-то из нас.

Наверное, потому Цой стал Цоем, что он сумел быть таким, какой он есть. Это мы – толпа, а он сумел остаться самим собой и сделать шаг из этой толпы в сторону. Он не испугался, когда за рок-музыку выгнали из художественного училища, не постеснялся работать в котельной, уйти в 17 лет из дома. Это сейчас многое кажется романтикой, а тогда это была чья-то тяжелая жизнь. Тогда, в начале 80-х, в полной неизвестности, без денег, без поклонников, надо было найти в себе силы и не бросить рок и потом, став невероятно популярными, не заняться коммерцией и пением на продажу.

Мне Виктор Цой помогал жить, а кому-то – выжить. Один из друзей Виктора сказал, что с появлением «Кино» у них появился смысл в жизни. С этими словами стоит согласиться.

И мы думали, что так будет всегда. И до августа 90-го года было бесконечно далеко. И никто не искал ответ на вопрос: «Почему именно он?», не было Стен памяти, не тянулись так мучительно дни. Мы не предполагали, что его тоже надо беречь, его, спасавшего других. Он начал прощаться с нами еще в «Группе крови». «Закрой за мной дверь, я ухожу...» Он спел, а мы не поняли. И в «Звезде по имени Солнце» появились знаки ухода.

Есть у рок-н-рольщиков такое несчастливое число – 27. В 27 лет ушли Джим Моррисон, Джими Хендрикс, Дженис Джоплин, наш Александр Башлачев. Цою отвели на полтора месяца больше, чтобы дописать последние песни и успеть сказать за два дня до гибели: «Будь осторожен. Следи за собой».

Рассказывают, что неясное предчувствие было не только в песнях. Мне повезло, я разговаривала со многими людьми, знакомыми с «Кино». Юрий Айзеншпис, менеджер группы, говорил о том, что на 15 августа была запланирована встреча Виктора с телевизионщиками, но он позвонил накануне, был чем-то обеспокоен, сказал, что сниматься не может. Обычно Цой был спокоен, а тут взволнованный голос, что-то случилось у него там, на даче. От помощи Виктор отказался, только добавил: «Я сам во всем разберусь и перезвоню тогда». Так и не пере-

звонил...

Я была на двух концертах «Кино». 8 мая 1990 года в Питере, прощаясь со зрителями, Виктор сказал: «До встречи осенью. Приходите осенью на наши концерты. Будет новая программа. До осени. До свиданья». Мы остались ждать... Кто знал тогда, что ждать – это бесконечно долго...

А потом наступил август. Я часто вспоминаю удивительную атмосферу тех дней в Ленинграде. Это было трагическое время для русского рока. В день прощания на Богословское кладбище пришли десятки тысяч людей. Мы стали братством людей, объединенных невосполнимой утратой. Я такого никогда больше не увижу. И не забуду, как в 12 часов 19 августа на Богословском кладбище все встали на колени.

...Я просто смотрю на его фотографии и вспоминаю, что написала Джоанна Стингрей: «У меня был друг, его звали Виктор Цой. И мне его будет не хватать». Больше не надо ничего добавлять.

Ночь... Странное, прекрасное время суток. Она опускается на город плавно, неторопливо, заполняет собой пустые дворы-колодцы, заглядывает в проходные дворы, арки, мягко сливается воедино с мутной водой бесчисленных рек и каналов, подгоняет запоздалого прохожего на улице, она приносит уставшему городу покой...

Ночь... Я боюсь нарушить тишину и поэтому сегодня мы будем разговаривать с тобой шепотом. Окно открыто настезь, тихо играет магнитофон, горит свеча, отблеск пламени нервно прыгает по стенам. Я тоже нервничаю, ведь сегодня должен прийти ты. Садись рядом, на подоконник, давай поговорим, посмотрим на звезды, помечтаем.

Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь? О жизни?! Да что

о жизни... Она идет себе потихоньку, то течет, как медленная река, то бурлит, как водопад, то открывает перед нами прямые дороги, то заставляет плутать в своих лабиринтах, учит своим законам, награждает радостями, преподносит сюрпризы, огорчает до слез, дает понять, что такое боль, потеря близкого и дорогого. Да что об этом, ты сам знаешь...

Давай лучше посмотрим на звезды. Видишь вон ту, чуть поодаль, эта твоя, она как и ты, со всеми, но в стороне от других (как и в жизни): «Каждой звезде свой неба кусок...» Твоя звезда должна была появиться: по законам ли жизни или природы, неважно, главное, что она появилась, так неожиданно, вспыхнула, засияла ярко, принесла свет и тепло, а может быть и обожгла кого-то. Странно, ты любишь ночь, а твою звезду называют «по

имени Солнце». Впрочем, в этом тоже есть какая-то связь: звезды обычно падают ночью, твоя же – в полдень, когда выше Солнца ничего нет. Но вы так и остались вместе – ты и Солнце. А жизнь... В ней как будто ничего не изменилось, только природа плакала... И люди.

«Ночь коротка...» Вот уже и свеча догорела, давно молчит магнитофон, скоро рассвет и тебе пора уходить. Жаль, мы так и не успели ни о чем поговорить. Ты уходишь, «оставляя листок с единственным словом «Пора!». Удачи... нет, постой, задержись на секунду. Разреши пожелать тебе счастливого пути, и еще... посмотри вокруг. Ты видишь, какое тепло и любовь излучают глаза тех, кто любит, верит и помнит... Ну, вот и все. С Богом.

Юля.

(«Сорока», 8.08.1993)

♪ ТАМ НЕ ПОЮТ ГИМНЫ

Автор: Дока Лехин

Там не поют гимны,
Там не играют марши,
Там ни в чем не повинны
Живут ребята.
Они проводят свои дни,
Освященные светом звезды.
Они знают жизнь без прикрас
И знают, и верят в любовь.

Припев: И я туда шел, но не дошел –
Я не знал дороги туда.
Но ты сможешь, если захочешь,
Пойти туда, где горит звезда.
И ребята живут под светом этой звезды.
Помоги мне найти дорогу туда,
Ты, моя звезда.

Там поют песни Виктора Цоя,
Там все знают его в лицо,
Там знают, он верил в судьбу
И он видел свою звезду.
И он не был один –
С ним были его друзья.
И он не был один –
А теперь только в небе
осталась его звезда.
Одна звезда.

Припев:

А теперь только в небе
осталась его звезда,
И теперь только в небе горит она.
И в душе у меня,
И там, куда ты идешь,
Там светло от света ее.
Это там и в то же время здесь.
Это вокруг нас.
Это внутри нас.

Здесь в чистом поле ветер гуляет один,
Здесь тихо течет ручеек, он молчит,
Здесь молчат и не ходят часы,
Здесь время сходит на нет,
Здесь оно замедляет свой бег.
Здесь ярко горит звезда,
Здесь ты можешь лечь отдохнуть –
Ты устал по дороге сюда.

А жизнь – лишь игра,
Кому-то везет, а кому-то не очень

И я сюда шел, но не дошел –
Я не знал дороги сюда.
Я пошел по другому пути,
Шаги были еле слышны.
Ты уж меня не вини,
Ты, моя звезда.
И прощай навсегда.
Я ушел.
1990 г.

ПРОГУЛКА

Автор: ДАРЬЯ КРУШИНСКАЯ

«Смерть стоит того чтобы жить...» (В. Цой «Легенда»)

ПРЕДЫСТОРИЯ

Боль. Боль, нудящая и бесконечная, вытягивающая каждую мышцу в струну. Сколько она длится? День, месяц, год? Может быть, целую вечность? Сколько ночей уже не было сна? А так хочется расслабиться! С досады начинаешь тихонько всхлипывать, так как думаешь, что все спят и никто не услышит. Но тут возникает озабоченное лицо мамы и ее тревожный шепот.

– Что с тобой? Болит что-нибудь?

– Ничего все в порядке, тебе послышалось. Спи.

Ложь? Да. Но зачем ее мучить. Днем она и так с ног сбивается, в глазах ее столько тоски и тревоги, что становится стыдно смотреть ей в глаза. Она страдает еще больше, это видно по ней. Так пускай же хоть ночью у нее будет если не покой, то сон. Молчи и не всхлипывай, тебе все-таки одиннадцать, а не три. Эх, мама, мама!

Летняя ночь уже на исходе, сереет небо и гаснут звезды. Начинается новый день, 18 июня 1992 года. А боль все та же. Боль, боль, боль...

НАЧАЛО

Хрупкое, как весенний лед забытье, вспорола игла. На мысленный вопрос: «Зачем?» – тут же приходит ответ. Голос отца: «Держи ей руку, а то игла из вены выйдет». Сквозь полуприкрытые веки видно систему, то есть капельницу и фигуру матери. Вдобавок было еще ощущение ходуном ходящей этой самой руки. Против собственного мозга и желания родителей ходящей туда-сюда руки. Естественно, что «терпеливый» папочка вскоре заорал благим матом: «Ты что, твою мать, совсем спокойно полежать не можешь!!! Х... ты ею дергаешь!!!» От крика злополучная рука дернулась еще сильнее, игла вышла из вены. Пришлось перекалывать заново. После третьей или четвертой попытки, так и ни черта не накапав, отец отстал от меня, махнув рукой: «К тебе по-человечьи, а ты...» По опыту знаю, что спорить с ним бесполезно, лучше переждать. Я нечаянно увидела взгляд мамы. В ее глазах была смесь осужденья, жалости и любви.

– Мам, ну не могу я расслабиться. Я ведь не нарочно. Ты то мне веришь?

– Верю, верю.

Сказала она, поцеловав меня в лоб.

После недолгого молчания я спрашиваю.

– Мам, чего кололи-то?

– Это «реланиум», чтобы ты поспала.

– Ну и вводили бы шприцом, быстрее бы было. Авось бы игла из вены не вылетела.

– Его лучше капать.

Жгучая обида легла на сердце.

– Ма, я же спала пока вы не пришли! Разбудили, чтобы поставить снотворное?! «Спасибо!»

– Тихо, тихо не волнуйся. Выпей лучше таблеточку.

И мать подает стакан и таблетку. Пью, хоть и знаю, что толку ноль, будет лишь дрема. Но уже как-то все равно. Стало интереснее смотреть в небо сквозь оконное стекло.

Оказывается, свет имеет тысячу нюансов как, впрочем, и воздух. Глядя на сгущающийся вечер, можно сказать, каким будет следующий день. Причем это касается не только погоды. Я не знаю, как, но эхо грядущего дня можно уловить уже вечером на закате. Что-то едва заметное, как затухающий звук гитарной струны, падает на мембрану шестого чувства, которое затем включает остальные пять. А из них то и рисуется картина завтрашнего дня.

Засыпаю (все-таки таблетка действует), в носу острый запах бензина, выхлопного газа и креозота.

Скрипнула дверь, в комнату вошла мама. Я чувствую, как она поправляет одеяло, так как думает, что мне холодно, хотя это просто удобная поза. Удобная с тех пор как появилась боль.

– Мама, не надо. Жарко.

– Но ты свернулась калачиком?

– Это я так.

Я не стану ей объяснять, потому что надо долго говорить. А если долго говорить, вернется напряжение. Вернется напряжение – вернется боль. Но кое о чем спросить надо.

– Ма, чем пахнет?

– Это сирень. Мешает да?

– Не а. А «КАМаз» под окном стоит или автобус?

– Нет что ты! Какой «КАМаз»! – вообще ни одной машины под окном.

– Правда?

– Ага. Тебе, наверное, приснилось. Ну, не буду тебе мешать. Спи хорошенько.

С этими словами мама ушла.

Странно, значит сирень... А откуда тогда бензин, креозот и газы?..

ДОРОГА

Свет – тьма, свет – тьма, характерный звук «ту-ту, ту-ту» – стук по ме-

таллу, покачиванье. Смутно понимаешь, что это поезд и, что лежишь на нижней вагонной полке. Голосов нет, значит, купе. Левая рука свесилась вниз. Понятно, что если придет тонус (так называется напряжение на медицинском языке), то она потянет за собой туловище и, ты загремишь головой вниз. А при таком «полете» шанс не свернуть себе шею один из ста. Ну и пусть. Все к тому и идет. Кто-то раньше, кто-то позже. Это они, родители не понимают, что все тебе каюк, но ты то знаешь, что все. От этого «все» почему-то совсем не страшно. Это «все» означает одно: избавление, покой. Обидно только: куда везут, зачем? Дали бы дома. Все равно ведь теперь....

Да... какой врун этот «орленок» из старой песни: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в шестнадцать мальчишеских лет» и «Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел»! Тебе 11, а не 16 и что же? Разве смерть так страшна? И почему бы о ней не подумать-то хотя бы раз? Ведь, в конце концов, все умирают, все. И потом все-таки жестоко рассказывать матери о смерти сына, пусть даже и героической.

Тут же какой-то ехидный внутренний голос спросил: «Ну, а ты, Дашка, как бы поступила в таком случае, а?» И тотчас же из сердца, из самой его глубины, всплыл ответ: «Матери бы ни слова. Ей бы так легче было. И никого я бы не просила передавать такие вести. Зачем убивать надежду? Все равно любовь матери от этого не изменится, а жить ей от этого будет труднее».

Поезд на рельсах качнуло, куда-то пропали фонари. Остались провода и звезды, но потом исчезли и они. Тьма. Сон.

БОЛЬНИЦА

Очнулась уже в трамвае. Сажу у отца на коленях ближе к проходу. У окна сидит мама. В руках она держит сумочку, и что-то говорит отцу. (Смысл разговора почему-то не доходит). А за ней грязное стекло трамвая, за которым свою очередь город и серое пасмурное небо. Дома знакомые, как старый засмотренный фильм, значит это Иркутск. Мы здесь раньше когда-то жили... После родного поселка (хоть и городского типа) этот город похож на ад, серый ад. Шум, толчея, гарь автострадная – все это прочно запаковано в камень.

А вот и остановка, прямо напротив пятиэтажного здания цвета мокрого асфальта, с большими окнами и центральным входом. По бокам этого входа, точнее крыльца, начинался высокий узорчатый забор, похожий на средневековые пики солдат. И эти пики так хищно смотрели в небо, что стало понятно – дорога кончилась. Цель путешествия здесь.

Отец взял меня на руки, вышел из трамвая. Вслед за нами вышла мама и направилась в сторону крыльца. Отец пошел было за ней, но тут

меня словно ударило: «Папа, поставь меня на ноги, не хочу появиться там так». Он поставил. Пошатываясь, я ползла к «гостеприимным» дверям мрачного здания.

Внутри, как и во всех общественных заведениях нашей родины, оказался длинный коридор с расходящимися по бокам дверями. Для солидности они были обиты голубым дерматином. На каждой были еще белые таблички с черными буквами. Наша дверь оказалась с надписью ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ. Ну, «приемный» понятно, а почему «покой»? Заходим в кабинет, там за столом сидит медсестра. Рабочим тоном, не поднимая голову от бумаг, она пробормотала: «Войдите». Мама подошла к столу, у них пошел разговор; сколько лет, как зовут. Во время этого допроса я, поскольку ко мне никто не обращался, от нечего делать рассматривала кабинет.

Надо сказать, паршивая была обстановка; стол, стулья, кушетка да шкаф. Все это на фоне туалетной покраски и капающего крана. Наконец медсестра, выдав какую-то бумажку, сказала: «Вам на второй этаж». И мы пошли.

Там нас уже ждали. Как я поняла из разговора, мама звонила сюда накануне. У нее здесь кто-то знакомый. Нас сразу повели в палату. Палата оказалась, как и этаж – второй. Мое место (то есть кровать) второе от входа слева. Здесь вообще было только четыре койки и тумбочки возле них. И так же, как на первом этаже, в переднем углу красовалась раковина с обитой кое-где эмалью. В самой палате никого не было, хотя следы обитаемости повсюду бросались в глаза. Мы зашли, поставили сумки. Тут отец, наскоро попрощавшись, вышел за дверь, ему надо было ехать домой.

Меня же положили на кровать и стали брать анализы. То ли от ходьбы, то ли от «приятных» процедур пришла боль...

СВЕТ

Третий день уже здесь. Ни лучше, ни хуже, но зато знания прибавилось.

Боль – это энцефалит, клещевой энцефалит. Причем вторая волна, она же и предпоследняя. Во избежание третьей нельзя вставать, нельзя даже сидеть. Хорошо еще, что мама рядом, все-таки не так скучно. Однопалатников почти не бывает. Здесь жарко и они либо в коридоре, либо в больничном саду. Знаю их только по именам; Настя, Пашка и Колька. Они счастливые, им ходить можно!..

Среди палаты раздается голос мамы.

– Доча, я съезжу на рынок за тапочками, а то эти порвались.

Я не открывая глаз.

– Ага.

– Я долго не буду.

– Ладно.

Дверь хлопнула, мама пошла. В палате никого, скучно. Боль есть, но слабая (ведь только что какую-то дрянь капали). Ноет рука, но это уже другое...

Спеть что ли? Да, но только то, что помню до конца. Так что бы такое спеть? А вот!

*Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака
Закрывая небесный свет
А над городом желтый дым,
Городу две тысячи лет.
Прожитых под светом звезды
по имени Солнце...*

Пою, не открывая глаз, на последней строке вдруг появляется ощущение постороннего присутствия (как будто кто-то очень внимательно смотрит). «Ну, – думаю, – Колька приперся, сейчас ржать будет». Открываю глаза, а напротив меня стоял вовсе не Колька. Там, возле Настиной кровати, в углу между окном и койкой стоял, точнее, как бы висел в воздухе автор песни. Он был полупрозрачный, но можно было хорошо разглядеть лицо и одежду, то есть он не был размыватым. Едва улыбаясь, он сказал.

– Привет.

– Здравствуй. Цой что ли?

Он кивнул.

– Пойдем, погуляем.

– Я ходить не могу, да и встать не разрешают.

Он улыбнулся заметнее.

– Встань, да иди.

Сажусь для начала. Черт возьми, как легко, и тяжести нет, и голова не кружится! Встаю, даже не покачивает. Делаю шаг – другой, все нормально! Оглядываюсь, а там лежит какая-то девчонка, похожая на меня, как две капли воды. Неясная мысль прострелила сознание: «Я что ли?» Для подтверждения этого смотрю на руку. И точно, сквозь мою ладонь видно пол. Виктор подошел и спросил.

– Ну, что – страшно?

– Ни капельки!

– Тогда постой, я сейчас.

И оказавшись рядом с тем, что лежало на кровати, он протянул руку, и его пальцы прошли, как в воду, в затылок тела.

– Что ты делаешь?

Спрашиваю я.

– Заряжаю мозг на автономную работу жизненных центров.

Сказал он, убирая руку.

– Ну, что пошли?

– Пошли.

Подойдя к двери, я, было, взялась за ручку, но тут Виктор говорит.

– Стой, не так. Пойдем сквозь нее.

– ???

– Это как дым.

Я сделала шаг... и правда как дым, легкая пелена и уже коридор! Пока я осматривалась, Виктор стоял рядом и улыбался.

– Ну, как?

– Здорово!

– Это еще что! – цветочки. Иди за мной.

И мы пошли прямо по коридору. Навстречу попадались люди, но они в упор нас не видели. Даже когда мы проходили сквозь них, их реакция была нулевой. Так мы дошли до стены и оказались на улице. Какое-то время так и шли по воздуху на уровне второго этажа, но тут Виктор взглянул на солнце и спросил.

– Хочешь глянуть на него поближе?

– Хочу.

– Тогда вперед.

И мы взмыли к свету.

РАЗГОВОР

Он летел впереди метров на пятьсот, смеялся и звал.

– Догоняй!

Пытаюсь двигать руками, как это делают пловцы, но скорость остается прежней. А между тем расстояние увеличивалось, и Цой стал похож на реактивный самолет (когда на него смотришь с земли), то есть белой светящейся точкой. Но его голос где-то совсем рядом произнес.

– Да не так. Просто сосредоточься и подумай, что хочешь меня догнать.

– И все?!

– Да.

Безо всякой уверенности делаю все, как он сказал, просто смотрю

на него и думаю: «Хочу лететь на расстоянии метра ни больше, ни меньше». И точно, он уже рядом.

– Вот видишь, а ты сомневалась.

– Вить, а почему небо сереет, а свет не убавляется?

– Это кончается воздух, скоро звезды появятся.

И, правда, по краям неба стали появляться звезды. А само небо постепенно чернело, и раскаленный огненный шар-солнце увеличивался прямо на глазах. Желто-оранжевое на черном фоне... поистине это было неопишимо! Каждый протуберанец завораживал взгляд. Где-то внизу, под ногами, была Земля, а вокруг нее летали, поблескивая металлом; искусственные спутники, космическая станция и какая-то дрянь, так называемый космический мусор.

– Давай на ночную сторону.

– Давай.

Облетели Землю, стало «темно», звезды сияли своим немеркнущим светом, бледно-матовая луна красовалась едва освещенным боком.

– Нам как раз сюда.

Сказал Виктор, сворачивая к луне. Усевшись на край лунного кратера так, что солнце светило слева, а серп Земли был прямо, он сказал.

– Садись рядом, поговорим.

– Сажусь, сажусь.

– Ну, спрашивай.

– Ты устал?

– Нет.

– Тогда зачем сели?

– Так говорить удобнее.

– Где мы?

– Во вселенной номер один.

Тут он поднял камешек и подкинул его вверх. Я тотчас стала пытаться повторить этот опыт, но рука проходила сквозь камешки.

– ???

– Вспомни полет. Сосредоточься.

Вспоминаю, сосредотачиваюсь.

– Опа! – взяла.

– Теперь подбрасывай.

– Да! Получилось!

– Молодец!

– Ты сказал, что это вселенная номер один. А, что есть номер два?

– Да. Попросту это два измерения. Одно ваше, другое наше. И оба они взаимосвязаны.

– Что ты имеешь ввиду под словом «ваш» и «наш»?

– Живых и мертвых.

– Расскажи об этом поподробнее. Что такое душа? Как она живет? И что это за каемка, повторяющая твои очертания?

– Душа – это энергия тела, которая может существовать после его распада.

– Значит, душа бессмертна?

– И да, и нет. Жизнь души зависит от этой, как ты выразилась, каемки. Она называется аура. Если человек в вашем мире делал добро, то у нас его аура светлая. Если зло – темная. Между «светлыми» и «темными» постоянно идет война.

– Если война, то значит вас убивают?

– Да.

– И что тогда?

– У вас рождается ребенок. Этот ребенок, как правило, не помнит о своей прошлой жизни... Очень редко бывают сбои в программе. У вас таким людям никогда не верят. Хочешь заглянуть к нам?

– Да.

– Тогда дай руку.

Появилось нечто, вроде водянистой пленки. Мы встали и пошли прямо на нее. Прошли,.. и как будто ничего не изменилось. Та же луна, то же солнце, та же Земля. Полетели к Земле, продолжая разговор.

– Почему на любом расстоянии я тебя хорошо слышу?

– Потому что это телепатия. Ты слышишь не звук, а мысль.

– Понятно. А почему ты не прозрачный?

– Здесь я на своей территории.

– Вить, а почему из нашего мира так неохотно идут в ваш?

– Ну, здесь две причины. Во-первых; бояться боли при переходе, а во-вторых; у вас нет о нас точных данных. Правда, были попытки вас проинформировать, но почему-то ничего не получилось.

Так за разговором приземлились на какую-то поляну. На ней было человек пятьдесят. Каждый занимался, чем хотел. Когда подошли ближе, тут нас кто-то заметил и позвал.

– Эй, ребята, давай к нам.

– Да мы и так к вам.

Этот зовущий, оказался довольно забавным, в костюме девятнадцатого века и с биноклем на шее времен второй мировой войны. Его длинный нос и кудрявая челка почему-то наводили мысль о веселом нраве своего владельца.

– Новенькую привел?

Спросил кудрявый Виктор, заглядывая мне в лицо.

– Нет. Так в гости. Саша, дай, пожалуйста, бинокль – мы с ней на

передовую слетаем.

– Бери, конечно, но мне кажется, что лучше показать ей мамонтов и динозавров. Она слишком юна для войны.

А Виктор в ответ.

– Не знаю, по-моему, в самый раз.

И уже оборачиваясь ко мне, сказал.

– Даш, пошли.

На полпути до «линии фронта» я спрашиваю.

– Этот, кудрявый в лагере, он кто?

– Пушкин. Забавный, правда?

– Но?..

– Он всегда такой на дозоре. Ну, все, мы пришли. Сядем в кустах, тебе ближе нельзя.

– Почему?

– Ты не умеешь блокировать сознание.

– И что с того?

– Они засекут твои мысли, как эхолот подлодку. Ты глянь в бинокль, сколько их там?

Смотрю.

– Черт, их там, как в фильме «Война и мир» И оружия от копья до водородной бомбы.

– Смотри дальше.

Смотрю и вижу, как падают «светлые» и «темные», как они становятся прозрачными, теряют форму и исчезают.

– А если только ранят тогда что?

– Тогда кто-то должен дать свою энергию чтобы «залатать» рану. Только это надо делать быстро. Энергия ведь не кровь.

– Такое у вас каждый день?

– Да.

– Когда эта война кончится?

– Когда погибнет ваша Земля, у нас состоится решающий бой. И тогда станет ясно кто победит они или мы.

Тут Виктор пристально посмотрел на меня.

– У тебя глаза ярче, пора домой.

Он забрал бинокль и положил мне руку на плечо. Снова водянистая пленка, шаг и... палата. Цой стоял рядом и давал последний совет.

– Давай подойди к телу, прими его позу и слейся с ним один в один.

– Виктор, я не хочу. Я хочу к вам. Здесь одна боль... Я не хочу!

– Так надо. Ты должна остаться. Твое время еще не пришло.

– Хорошо. Когда мой п е р е х о д ?

– С точки зрения вечности, скоро.

- Мы увидимся?
- Да.
- Тогда, до встречи.
- Пока.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Резко вернулись ощущения тела: боль, тяжесть, сонливость. Но в душе было спокойно и радостно. Пришла мама и, увидев, что я не сплю, сразу заворковала.

– Проснулась? Ты только посмотри, что я взяла: огурцы, помидоры, бананы, яблоки...

– Мам, я жить буду.

– ...тапочки, часы, книжку тебе!

– Ма, ты че не слышишь? Я жить буду, меня выпишут, и мы домой поедем!

– Конечно, доченька, поедем.

Сказала она с каким-то сомнением. Видно врачи ее уже подготовили.

– А ты не сомневайся, ладно?

Еду домой, восстановление полное! Жаль, только, что через две недели 1 сентября.

14–21.06.2004

ЖИЗНЬ ВНУТРИ МЕНЯ КАК БУДТО ОСТАНОВИЛСЯ

Все эти дни искала опровержения этому, а находила только подтверждения. Потом увидела афишу «Иглы» с надписью «Памяти Виктора Цоя», и это было концом последней надежды. В зале сидели какие-то девочки, хихикавшие от слова «трахаться», а мне было непонятно – разве это для них не горе, разве остались люди, которым все равно?! Господь так неспра-

ведлив? Он забирает первыми лучших и самых любимых. «И мы знаем, что так было всегда...» Да, знаем, но примириться с этим невозможно. Весной, в апреле, я еще и предположить не могла, что это случится, но почему-то именно тогда стала ловить себя на том, что в каждой новой газете с ужасом ищу некрологи. Кроме черных рамок, я ни на что не обращала внимание. И нашла... Вы извините, пожалуйста, если я делаю Вам больно,

но мне сейчас просто не с кем поделиться этим горем. Самая ужасная боль – боль души, и она будет жить в нас всегда, до последнего дня. Единственное, о чем я сейчас молюсь – чтобы Господь любил Витю так же, как любим мы его, чтобы он берег его душу, раз уж мы не уберегли его тело. До свидания, и да хранит Вас Бог!»

Юля Л. (Красноярск)

(Журнал «Аврора», 1991)

Автор: Виктория Бурдейко (Лобосова)

Так быстро мчится время...
 Взрослеют те, которых помнишь ты детьми,
 Взрослеет человеческое племя...
 Но далеко не все, взрослея, становятся людьми.

Ты помнишь каждый взгляд
 И каждый крик решительный.
 Я смотаю кассету назад,
 И голос вновь зазвучит пронзительный.

Тот голос, которому смогли поверить
 Не тысячи, а миллионы глаз,
 Которому сердца открыли двери
 Не тысячи, а сотни тысяч раз.

Время меняет лица,
 Годы меняют что-то в сердцах,
 Так почему мне все так же снится
 Эта печаль в глазах?

Может быть люди правы -
 Однажды придется взрослеть...
 Но если вера в свободу – лишь детские нравы,
 Прошу вас! Уж лучше тогда умереть...
 25 октября 2004

ЛЕКАРСТВО**Автор: Мавра Звенигородская**

Его музыка красивая –
 Лекарство от душевной боли.
 Согреет наши сердца,
 Когда заалеет рана..

Его слова простые –
 Лекарство от трудной жизни.
 Бегут через наши головы,
 Когда им нужны идеи.

Его голос единственный –
 Лекарство против глухоты,
 Поет для наших ушей,
 Когда их оглушает миром.

Его характер добрый –
 Лекарство против одиночества,
 Становится частью нашей жизни
 Когда мы хотим смеяться.

Его смерть трагическая –
 Это предупреждение для нас.
 Откроет наши глаза,
 Если мы забудем...

Автор: Виктория Бурдейко (Лобосова)

Ржавые листья упали
 На землю, уставшую от лета,
 Как потускневшие медали,
 Давно пылящиеся где-то.

Пытаясь найти ответы,
 Мы вечно ходили по кругу,
 Нарушая на каждом шагу заветы,
 Ссылаясь на честность, мы врали друг другу...

Но если Звезда горит над нами,
 Есть смысл бежать от света?
 Если сердца горят, не тускнея с годами,
 Если мы чувствуем душу Поэта?

Пятнадцать лет прошло...
 Но я сегодня слышу Его песни.
 Говорят, рок-н-рольное время ушло...
 Тогда объясни: почему мы слышим их вместе?

Они сегодня в сотни голосов звучат,
 Его аккорд сегодня в сотни струн гремит.
 Значит, наши сердца не молчат,
 Значит, наша душа кричит!

Значит, есть еще силы драться,
 Есть дух сказать свое слово,
 И если струны будут рваться,
 Мы будем натягивать струны снова.

Да, пятнадцать лет это очень много!
 И если не верить, не сложно забыть
 Того, кто не ждет у порога,
 Того, кто учил нас любить.

Но вера вера есть в каждом из нас,
 она пульсирует в наших сердцах,
 Живет в обрывках прерванных фраз,
 Горит костром в наших глазах!

Я сегодня совсем одна.
 Но значит ли это что я одинока?
 В небе над нами горит Звезда,
 И кто-то с гитарой ждет у порога...

15 августа 2005

From: ~ОНА~

To: @yandex.ru

Subject: **Играй молчаливая песня моя...**

Прошло N-цать лет с тех пор, когда я с замиранием сердца впервые слушала низкий чарующий голос и прекраснейшую музыку. Как и когда произошло мое с ней знакомство? А это неважно! Важно только то, что есть... Музыка, тексты и голос... И еще Что-то... Именно оно дает его песням прекраснейшую составляющую, которая заставляет замирать сердце и вслушиваться в каждое слово. Авторы, перепевшие его, не обижайтесь на меня, но в ваших устах его песни звучат мертво! Им не хватает жизни!

Я оглядываюсь назад, туда, где я еще была ребенком... Боже, как я его любила... Такую любовь нельзя не то что описать – ее нельзя даже пережить! И я умирала каждый день от смертельной обиды на весь мир! Ну как?! Как могла случиться такая несправедливость? Человек, столько для меня сделавший, ушел... А дальше логичный вопрос (стандартный спор сердца и ума) – «сделавший для тебя? Но что он сделал ДЛЯ ТЕБЯ? Он делал для всех и в первую очередь для себя... при чем тут ты?» Витя, я знаю, ты все про все... эммм... чувствуешь, иначе быть не может. Помнишь, те письма, которые я тебе писала? А потом сжигала... потому что «рукописи не горят» – они доходят до адресата. Я верила, что ты писал для меня. И теперь я знаю, что это на самом деле так. Ты писал для тех, кто Слышит... пусть не понимает, но Слышит!!! Я тебя Слышала! И я тебе хочу сказать за это «Спа-си-бо!»

Знаете, всегда кажется, что ты его понимаешь, что его песни про тебя. Но, разложив тексты по предложениям, часто удивляешься: Ну? И что бы это могло значить?.. «Все говорят, что мы в месте, все говорят, но немногие знают, в каком». Сейчас Вы мысленно отвечаете на мой вопрос, это значило то-то и то-то. Может быть, а Вы уверены, что он имел в виду именно это? Ведь слова несут в себе тот уровень смысла на котором вы находитесь! И если мысль умнее, чем Вы в состоянии уразуметь, разве вы ее поймете полностью? Нет, Вы поймете только то, что на поверхности... Вы не задумывались, почему его слушает столько людей? В чем секрет его таланта?

Я открыто и смело заявляю, что мой уровень бытия повысился, я действительно стала «умнее», чем была ребенком... Смысл от «просветления» поменялся кардинально! Многогранность отличительная черта творчества Виктора Цоя. Он сделал для меня очень многое, даже не зная меня... Благодаря ему у меня есть то, что есть: прекрасный муж, великолепные друзья и свободное будущее!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. ЗВЕЗДА

Автор: СВЕТЛАНА ЗВОНКОВА

Каждый удар колокола отдавался в его сердце болью... Удар, еще удар.... Эта боль была не такой, как надо. Ее, на удивление, нельзя было снять таблеткой, о ней нельзя было на время забыть, засмотревшись на мигающую неоновым светом витрину. Июнь на Дальнем Востоке выдался, как всегда, холодным и суровым. Что никого не удивляло, ведь каждый год повторялось одно и то же: грязная нудная старуха-осень, долгая темная, почти черная, зима с ее сорокоградусными морозами, прохладная весна, пролетающая, словно одно мгновение и дождливое короткое лето, однообразное, словно черно-белый фильм, немое кино с нелепым началом и таким же нелепым концом. В этом городе жизнь тянулась бесконечной лентой, непрерывной чередой тусклых красок, пустых окон и бессмысленных взглядов, жалко претендующих на значимость.

Он шел по серому тротуару, украшенному глубокими выбоинами и любовался на светящиеся желтым светом электрических лампочек окна. Он уже не бежал, как это было раньше. Действительно, когда-то он пытался спастись бегством, пересекал, спотыкаясь, десятки пустых одноликих улиц, падал, обхватив руками голову и закрыв глаза. За ним не гнались толпы разъяренных парней, страдающих массовым идиотизмом, его не преследовали стаи волков или призрачные видения. Он бежал от себя, так как собственная суть казалась ему бесполезной и даже опасной для окружающих. Опасной, потому что эта суть без его согласия порывалась разрушить мир людей из этого города и сотни других, похожих друг на друга городов. Она жарко протестовала, рвалась на какие-то отчаянные действия, не раз побеждая его самого. Эта суть была не такой, какой положено быть сути. Она хотела что-то поменять, бунтовала и не соглашалась. А он, на самом то деле, был полностью солидарен с ней, но обстоятельства не давали ему жить, не было в этом городе места, где бы он мог ощущать себя в безопасности. Стоячая вода маленькой провинции, словно тиски, сжимала его душу, принуждая смириться. Он бежал от города. Он бежал от города по городу. Абсурд. Многие прятались дома, но для него дома не было места. Он скрывался от домашних скандалов. В этой квартире все было так, как у других, то же смирение с обстоятельствами, противное до боли. Даже горестное «Так жить нельзя!» в их устах звучало умиротворенно. Фразы «Жизнь прожита, поздно что-либо менять» или «Так все живут!» раздражали и выводили его из себя.

Сумерки медленно окружали его со всех сторон, словно голодные псы свою жертву. Домой можно было совсем не возвращаться: за увлекательным спором никто и не заметит его отсутствия. Он уже не смотрел под ноги, а задрал голову и, не мигая, уставился в черно-фиолетовое небо, стараясь предугадать рождение первой звезды. Лучшим собеседником для него было одиночество, лучшим другом тоже было оно. Звезда все не появлялась. Он, не замечая, удалялся в запущенную часть города, в которую его нога не ступала ни разу. Эти побеги были даже полезны, так можно получше изучить географию пустынного городка. Но он не отводил глаза от неба, иначе он рисковал пропустить одно из самых прекрасных зрелищ. Наконец сиреневатая дымка начала плавиться, остро наточенные лучи проткнули плотную массу неба. Он радостно вздохнул и сразу почувствовал жжение на левой руке. Подставив руку под бледный свет уличного фонаря, он увидел на запястье звездочку, нарисованную шариковой ручкой синего цвета. В плавно тающем свете тонкие линии отчего-то казались кроваво-красными. И тут его сердце дрогнуло. Да так, что ему показалось, будто земля встряхнулась вместе с ударом сердца. Он забыл! Как он мог это сделать? Еще с вечера он нацарапал эту звездочку, чтобы не забыть, чтобы вспомнить о Нем двадцать первого. Ему было не с кем встретить эту дату, но, тем не менее, он собирался ее отметить! Он бы слушал его песни до утра, он спел бы и сам, перебирая струны гитары, а потом и сам сел бы что-то сочинять. Эти самые сочинения, эти стихи, крики души хранились в потрепанной тетрадке в ящике стола. Он не прятал их от родителей, ведь даже если бы их обнаружили, никто и не подумал бы, что это его стихи... Он редко перечитывал их вслух, он хотел, чтобы кто-то еще почитал их, кто-то такой же, как и он, чтобы они вместе поговорили, пофилософствовали. Чтобы ему сказали, хорошие стихи или плохие, чтобы хоть кто-то задумался и погрустил вместе с ним. Но никого не было. Ни тогда, под фонарем, ни до этого. И он понял, что потерял этот день, этот год, что забыл дату, которую ждал двенадцать нудных месяцев, согревая сердце приближением Его дня. Ему было больно, и он никак не мог взять себя в руки. Ведь он надеялся на двадцать первое, ему казалось, что в этот день произойдет что-то очень значимое, способное изменить его жизнь! Он опять отчаянно задрал голову и попытался взглянуть с небо, уже усыпанное миллионами звезд. Не сложатся ли из звезд очертания Его лица? Нет... Пройдя пару шагов, он вдруг заметил оранжевую точку костра. Удивленный, он приблизился и рассмотрел... Стену. На мгновение он онемел. Он никогда и не подозревал о существовании в этом городе Его Стены. Но, когда прошло оцепенение, он понял, что город, совсем небольшой, кончился. Стена,

оказывается, находилась за городом. И костров оказалось несколько. Вокруг них сидели люди. Непонятно было, что они играют, что поют, о чем переговариваются. Они сидели отдельными группами, но ему было видно, что издали все эти кучки сливаются в большое кольцо вокруг большого огня! Неожиданный порыв ветра сорвал капюшон с его головы, заставил высоко поднять голову, и помог осознать.... Да, он вдруг понял, что все они тоже вытеснены городом. Стена находится посреди непролазной свалки, но она есть. Больше он не думал. Перепрыгивая через горы строительного хлама, отчаянно улыбаясь и безостановочно смеясь, он бежал к огню. Он не пытался предсказать, примут его или прогонят прочь. Он знал, что если не примут, то больше уже ничего не будет, а тогда все равно.... И он уселся в круг со всеми на какой-то обломок грязного кирпича, и никто не заметил его прибытия.... Он как бы сам по себе слился, врос в толпу этих людей, объединенных одной свободой. Он был, наконец, Дома...

ЭХО ШАГОВ ТВОИХ...

Те, кто нам нужен, уходят слишком рано, когда мы этого не ждем. Уходят неожиданно для всех. Мы отказываемся верить в смерть, надеемся, что это лишь чья-то злая сплетня. Когда надежда умирает, приходит боль и осознание того, что больше ничего не будет: ни новых песен, ни концертов, ни фильмов. Больше никто за тебя не выскажет, не выразит то, что ты чувствуешь, не пропоет для других, чужих для тебя, людей. Теперь ты должен сам, сам говорить, что-то кому-то объяснять, пытаться находить доступные слова, дабы докричаться до родителей, учителей, друзей и просто знакомых. А может у тех, кто тебя не понимает, те же чувства и те же мысли. И они – те, кто рядом – тоже не умеют их выражать и мучаются, пытаются достучаться до тебя, добиться твоего по-

нимания? Но вот кто-то запел Его песню, ты начал тихонько подпевать, вслух или про себя, ты нашел своего – чужой не будет петь Его, твою, вашу жизнь.

Виктор Цой умер три года назад.

Придумал ли он себя, свой образ или и вправду был героем-одиночкой – неизвестно. Да и неважно. Важно то, что он сумел сделать.

Некоторые удивлены тем, с каким восхищением многие относятся к Цою. Спрашивают: «Что же такого гениального было в нем?» Да, может и правда, стихи его были посредственными, музыка не была изысканной, а манера держать – оригинальной. Да, может и так. Но...

Но Цой был первым. Он первым сказал то, что уже давно требовалось сказать, и сказал так, как это было нужно. И может это самое главное, он имел право ска-

зать. Он пропел о давно известном, но никем до него не высказанном. Законы Ньютона тоже элементарны и легко выводятся, но это не умаляет заслуг ученого. Цой не просто был из тех, кто жил наперекор обществу, занозой довольству и сытости. Ему действительно не надо было создавать свой имидж на сцене. Его имидж создавали мы – те, кто поодиночке, группами, а иногда и толпами болтается по улицам города.

Может, мои слова и покажутся кому-нибудь напыщенными, но Цой был нашим символом, нашим голосом. И видя его на сцене, многие чувствовали, будто это они стоят на его месте и поют всему миру, поют о себе, о том, что есть они на этой планете.

Терра

«Сорока», 8.08.1993

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Автор: Екатерина Слаута

На город тихо спускается тень,
Город спит... В свете луны
Тлеет окурок, брошенный тем,
Кто хочет умереть молодым.

Он ходит давно по этой земле,
Волк, дружит он с тишиной.
Стиснув зубы, молчит, хотя все
Идут на него войной.

Но раньше он не молчал. Он пел.
Нет, даже не пел. Он кричал.
Кричал: «Хочу перемен! Перемен!» –
Кричал и не уставал...

Спутницей жизни гитара была,
Спутником – пенье струны.
Сам он поэтом себя называл, –
В глазах отражались костры...

История этого мира ему
Неведома и неясна...
Зачем ее знать? Пусто, ненужно...
Все, чем он жил, – лишь весна.

Так долго бродил он, романтик,
В поисках счастья, любви.
Искал... Но обернувшись однажды,
Свои не увидел следы...

Он гордо тогда поднял голову вверх,
В небо сверкнули глаза.
И крикнув в последний раз «Перемен!», –
Он так и застыл... Навсегда.

На том самом месте теперь
Каждый день возлагают цветы.
Там поют его песни, там пьется портвейн...
По-особому греют закаты-костры...

Иногда с голубого навеса небес,
Как сейчас, в эту тихую ночь,
Он приходит, поет, являясь во сне,
А под золото утра – прочь...

Мы его называем «последний герой»,
На снегу мы его разглядели следы.
Он завещал нам следить за собой,
И дальше... Действовать будем мы!..

ВИKTOPY ЦOЮ

Автор: Светлана Суворова

День-убийца расправил туманные крылья.
Жизнь запуталась в них и пошла наугад.
Под упругими шинами автомобиля,
окровавленный, умер вчерашний закат.

Жизнь девятой была. Безнадежно последней.
Дальше смерть – поворот в холод выжженных трасс.
От заутрени поздней до ранней обедни
есть еще целый миг. Есть еще целый час.

Разговор за портвейном на кухне полночной
ты уже никогда не закончишь потом.
Кто-то там выбирает из списков заочно
самых лучших и метит их черным крестом.

Кто-то там месит тесто и нам выпекает
на поминки просфоры в горячей печи.
Кто-то там ловко звезды камнями сбивает
и хоронит в болотах цветные лучи...

Горизонт распахнет необъятные двери,
солнце брызнет в проем, ослепляя глаза.
И нажмешь на педаль, свято в чудо поверив.
А в ответ, зубы сжав, промолчат тормоза...

From: **Виктор Бодровский**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Знакомство с Цоем у каждого было разное. Я не помню, как это было у меня, но существует вещественное доказательство (аудиокассета), что я знал отрывки из его песен в 4 года. Невероятно, но факт. Это влияние моего дяди, которому тогда было около 20 лет. Я часто сидел в его комнате и слушал с ним «Кино», хотя сам не знал, что это за музыка. Слова запоминались сами по себе, поскольку когда дядя находился дома, старый железный магнитофон прокручивал кассеты одну за одной в течение всего дня. Когда я пошел в первый класс, помню, как он приходил и говорил: «Послушай, какую я песню выучил». Так он играл «Восьмиклассницу», «Мама-анархия» и другие.

Я, как и все, слушал то, что крутили по радио и показывали по телевизору, потом был период увлечения рэпом, хардкором и панком. Безбашенная музыка, которую и музыкой-то сложно назвать. Я разочаровался в панк-роке. Сплошные закосы под Exploited и Sex Pistols. Однотипная музыка с низшим интеллектуальным уровнем. Такое впечатление, что панк-рок не может существовать без матов, каких-то скотоподобных поступков, дешевого вина и «Беломора». Достало все это. Как-то случайно я стоял у витрины с дисками и пробежал глазами названия дисков. «Виктор Цой. Лучшие песни» – на эту строчку упал взгляд. Я включаю диск в магнитофоне и... кровь перестает двигаться по венам. Я будто проснулся через 10 лет после глубокого сна. Через пару дней у меня уже были почти все его песни. Я стал читать все, что относилось к нему. Та самая гитара, которую я раньше только расстраивал, попала в мои руки, желающие играть.

Я благодарен судьбе за эту встречу, которая революционно изменила меня.

Многие говорили, что Цой – это немодно, на что я обижался, но мнение мое никто не мог изменить. Настоящих поклонников творчества Вити становится меньше с каждым годом. Это естественно, время движется вперед, больше нет той эпохи, в которой он жил, которая ушла вместе с его гибелью. Он стал поистине последним героем Советского рока. «Агата Кристи», «БИ-2», «Сплин» – это уже не та музыка... Эта популярность, о которой и не мечтал парень из простой питерской семьи, появилась от того, что песни шли не от рук, а от сердца. Конечно, много совпадений произошло прежде, чем Цой стал звездой. Что бы было, если бы он не познакомился с Гребенниковым, если бы он родился в не в Питере, если бы ушел в армию, если бы не встретился с Джоаной Стингрей? Его смерть, по-моему, была неизбежной, так как для человека очень

сложно быть знаменитым, а Цой просто замкнулся бы в себе... Последнее время он не мог гулять на улице, что было для него очень плохо. У него не было друзей, которые хотели играть так же сильно, как он. Состав вечно менялся, о подробностях биографий людей из группы «Кино» вообще писать не хочется. «Кино» закончилось...

Странно, что такие люди, как я, которые не застали Цоя в живых, так уважают его творчество. Мне кажется, что никто до сих пор не смог завоевать сердца людей так, как это сделал Витя. Разумеется, попса и сейчас пудрит мозги девочкам, но это не музыка, а работа, за которую хорошо платят. Да, и Цой хотел заработать в последние годы, чтобы жить лучше, но что он сделал для этого? Вложил в музыку всего себя. У Цоя не было врагов при жизни, но больше всего радуется то, что и сейчас, когда все заборы расписаны разными лозунгами и названиями групп, его стена в нашем городе Минске не подвергается нападениям злоумышленников... (увы! В 2008 году разобрали и Стену в Минске. Ради строительства какого-то финансового учреждения. – Прим. сост.) Это говорит о том, что человек жил честно и делал все, не мешая другим. Он научил нас жить и верить в перемены...

From: **Оксана Гаевская** <odnoklassniki.ru>
To: @yandex.ru
Subject: **15 августа 1990**

Мне 13 лет. 19 мая 1990 в школе праздник, пионерский костер. А я, отличница и председатель пионерской дружины, совершаю полнейшее святотатство – предпочитаю поехать в этот день на концерт Цоя. На следующий день – линейка, публичное изгнание меня из рядов пионеров, запись в дневнике и еще бог знает где. А мне все равно – я бесконечно печалюсь совсем по другому поводу: концерт-то отменили! Цой на съемках, извинения перед фанатами и все такое... Какая там к черту пионерия – единственный (как потом оказалось) в моей жизни шанс увидеть его живым пропал...

16 августа – с опозданием – узнаю о страшном и непоправимом... Перечитываю заметку снова и снова, думаю: во дураки, разве с таким шутят... Подруга моя Машка вообще рассмеялась в истерике: «Такого не может быть! Это же ЦОЙ!»

Уже потом мы рыдали друг дружке в плечо, долго, горько и безутешно...

15.8.3

Автор: ЛЕШИЙ

*Я буду делать все как умею,
Стань книгой, ложись в мои руки,
Стань песней, живи на губах,
Я стану словами.*

НОВЫЙ ДРУГ

12:00 – Он проснулся в своей одинокой квартире и сказал: «Годовщина, 13 лет». Он ухмыльнулся: «А может так лучше для Него... а может и для нас?». Решив, что на раздумья уйдет слишком много времени, он встал, собрался, оделся, приготовил себе завтрак. Потом достал все деньги которые заработал за последнее время: «Эх, все равно я эти деньги куда-нибудь потрачу...». Ему захотелось пить. Он зашел на кухню, налил в граненый стакан воды, вода была горька, но ему было все равно, он давно уже привык ко всему этому, все началось уже давно.

12:45 – Он вышел на лестничную площадку оглянулся вокруг, придерживая одной рукой дверь: «Никого. Хмм. В это время всегда много людей выходят – то на работу, то еще куда. Странно...». Он пожал плечами, закрыл дверь и спустился на лифте вниз. Людей все же были, но не так много как всегда. Он почувствовал что-то или кого-то за собой, Он обернулся. Фигура в черном прошла мимо и вошла в арку, но Он не смог разглядеть следы, которые должны были остаться на этой сырой и холодной земле. Он побежал в арку но там никого не было. Эта фигура была замечена уже 3 раза до этого, для Него это уже стало привычно, однако чувство любопытства всегда одерживало верх – хотелось узнать: «А вдруг это Тот Человек о котором я думаю, с которым я живу, хотя его нету со мной?». Он отправился в магазин взял пачку сигарет, хотя у него была почти не тронутая пачка «Беломора». Еще Он взял бутылку вина. И пошел к ближайшему выезду из Города...

13:29 – Он шел по пустынному шоссе в черной шелковой рубашке, черных «казаках», и джинсах, соответственно, тоже черных. По каким-то причинам машин не было.

Он достал сотовый телефон, набрал номер друга:

– Ну привет! Ты сейчас где?

– Да так, дома сажу, с работы пришел.

– Ясно, ты давай собирайся, ПОРА!

– Ладно, а ты давай на электричку, езжай до Слоки, а там уже позвонишь.

– Ладно, пока!

– Пока!

Он оглянулся. Ехала машина темного цвета, не очень новая: «Москвич-2141». Он удивился, с какой скоростью она ехала, не менее 120 км/ч. Он вытянул руку вбок, в надежде поймать эту быструю попутку, а она лишь пролетела мимо.

13:43 – Он увидел развилку: Направо – в Юрмалу, налево – шоссе в Таллинн. Он пошел на Юрмалу. Туда шло широкое шоссе, он направился вдоль него, по велодорожке.

14:00 – Он переходил мост. Мост шел через реку, которая по-местному называлась Большой рекой. Посмотрел вниз. Увидел лишь проходящий под мостом корабль, заметил также, что у одного берега вода зеленая. Нет, это не фантастика, и вода не настолько чистая – это просто слой водорослей покрывающий один из берегов. «Мы живем среди такой природы и даже не замечаем ее!». При этой мысли Он достал пачку «Беломора» и закурил. Потом двинулся дальше.

14:34 – Он добрался до вокзала, подошел к кассе: «Один до Слоки». Ему моментально дали билет. Расплатившись, Он посмотрел на расписание: «Еще 3 минуты, время есть...» И тут у него промелькнула в голове фраза: «...а денег нет!», но Он не обратил на нее особого внимания. Вдруг Он почувствовал голод. «Блин, 2 минуты осталось, а есть-то хочется!» Он забежал в бар заказал беляш и моментально его съел. Как только он вышел, на перрон шла электричка. Людей было немного, поэтому Он с легкостью нашел себе сидячее место. Подошел кондуктор. Он любезно дал ей билет и попросил ее сказать, когда будет станция «Слока». Та согласилась.

14:50 – Он прибыл на станцию, сразу достал телефон и позвонил другу:
– Я на Слоке.

– Тогда брат, слушай сюда: напротив железной дороги идет обычная, она идет к кольцевой, вот там и встретимся.

Он направился вдоль дороги.

15:10 – дорога почти уже заканчивалась, но тут Он увидел темную высокую фигуру одиноко стоящую у дороги. «Друг!» – подумал Он. Тот посмотрел в Его сторону и направился навстречу. Это действительно был Друг. Они поздоровались, Друг спросил у Него:

– Ну что ты с собой прихватил?

– Да так, бутылка вина, «Беломор», LM.

– Сойдет!

– Ну а ты чего взял?

– Водочки, сигарет, бутербродов на закуску.

– Тоже сойдет, а ты еще не запарился меня ждать?

– Да нет.

– Тогда в дорогу!

Друг начал ловить попутку. Одна из машин остановилась. Рядом с Талси их высадила уже третий попутчик, они не очень много прошли, но никто не желал останавливаться. По пустынному шоссе ехали «Жигули». Промокший Друг резко остановился, вытянул руку и обратился к «Жигулям»: «Если ты не остановишься, я перестану верить, что «Жигули» – это машина-танк!». Каково было Его удивление, когда водитель остановил машину:

– Вам куда ребята?

– До Талси.

Их довезли до Талси, там они отдохнули и начали снова ловить попутчиков.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОСЕЛОК

21:00 – Их довезли до какого-то поселка. В нем, кажется, не ждали гостей. Он также спокойно шел с гитарой и рюкзаком, при этом не был похож по одежде на какого-нибудь путешественника. По дороге их домогалась нетрезвая компания, которая просила Его сыграть на гитаре, но Он просто не обращал на них никакого внимания. Дальше было бесполезно ловить попутчиков, т.к. машины туда не ездили, особенно в это время. Он предложил добавить шагу.

22:15 – Они уже далеко зашли. Рядом была автобусная остановка, на которой они сели отдохнуть.

– Нам еще долго? – спросил Он

– Километров 20 еще, – ответил Друг

– Я скоро сдохну!

– Я и не говорил, что нам близко.

– Ну, а я и не ожидал, что близко.

Они еще долго спорили, но тут из темноты выехал автобус.

– АВТОБУС!!! Я БУДУ ЖИТЬ!!! – заорал Он

Они зашли в автобус и долго стояли, разбираясь с водителем, которому они никак не могли объяснить, на какую им остановку. После долгих споров они разобрались с деньгами и наконец-то смогли присесть.

ЭТО СТРАННОЕ МЕСТО – КИЛОМЕТР

22:50 – Они уже проехали около 10 километров, дорога лежала через леса. Его пробил странная дрожь:

– Слышь брат, а тут что, кладбище где-то рядом?

– Да нет, а что ты спрашиваешь?

– На сердце тяжело, у меня такое бывает только на кладбищах.

– Думаю ты сам догадываешься из за чего.

– Да я так, на всякий случай спросил...

23:08 – Они доехали до Километра и попросили водителя остановить автобус. Оба друга начали разглядывать окрестности, потом прошлись по этому странному месту. И тут в темноте появилась фигура, но это был не человек – это был бюст. Бюст тому, кем они все живут, без которого их жизнь была бы невысказана. Вокруг памятника лежали цветы, среди которых Он не увидел ни одного завядшего, стояла бутылка пива и лежала парочка промокших папирос. Он без раздумий достал пачку сигарет, выкинул промокшие сигареты и положил сухие. Рядом с тем памятником сидела компания из человек шести, один из которых был с гитарой, что как-то притягивало Его. Он с Другом подошли к ним:

– Ребят, мы к вам, не против? – спросил у них Друг.

– Да садитесь, мы все тут братья, мы седьмая вода! – сказал один из них.

Оба присели рядом с ними:

– Слухай брат, доставай тяжелую артиллерию. – сказал Он.

– Понял! – ответил ему друг.

Друг полез к себе в рюкзак и достал 0,5 л водки.

– Ну что ж, за Цоя! – произнес тост Друг.

У всех был один и тот же тост, но всем было приятно, даже согревающе слушать его.

Около костра сидело много незнакомых людей, но после того как они подошли к ним половина стала знакомой...

00:00 – они все, уже хорошенько выпив, пошли ближе к костру. Там Он сыграл ранее не спетую песню и передал гитару следующему. Получилась своеобразная эстафета. Он подумал: «Эх, жалко что Фаната нету сегодня... Такой день пропустить!», Он услышал знакомый вопль: «Сыграйте «Пора!»»

– Фанат!!! – истерично заорал Он.

– Он!!! – так же истерично прокричали ему в ответ. Это был Фанат.

– Я тут сидел и думал: как ты мог пропустить ТАКОЙ день?!

– Я как раз-таки то же самое про тебя подумал.

Оба дружно пообщались, и Он сказал:

– Ладно, надо пройтись осмотреться.

– Я тут буду.

Он пошел к мостику по которому проходила та самая дорога. Он посмотрел на часы, они показывали 00:28. Он развернулся и заметил, что мимо сейчас проедет машина: «Быть или не быть или полцарства за коня? За НЕГО!». И с этими словами Он бросился на встречу машине. Он почувствовал лишь глубокий удар и потемнение в глазах. Для Него все было кончено, но... Он проснулся в своей квартире. Посмотрел на календарь – было 15 августа. Он лишь с облегчением вздохнул: «Смерть стоит того, чтобы жить. Последний герой. Следи за собой!»..

♪ ПАМЯТИ ЦОЯ

Автор: Сергей Карамеев

...Эта ночь так темна.
И мертвы над землей фонари.
Только дождь в перекрестье листвы
Беспокойно стреляет по нам.
Мы идем по городу,
Сигарета печально горит,
Словно старый маяк,
Что светит чужим кораблям.

Припев: Мама, эта ночь –
Мы ждали ее всю жизнь!
Но закрыта звезда,
Что звала нас вперед.
И когда грянет гром –
Ты поможешь и скажешь «держись!»
И спокойно пойдешь туда,
Где никто не ждет
Ни тебя ни меня –
В царство солнечных дней,
Посмотреть и вперед.

Телефонный звонок
Из холодной-холодной зимы –
Эти стекла разбиты вчера,
А звезды упали не там...
И ты спросишь тишину –
И услышишь ответ: «Это мы!»
И пришедшая ночь
Расставит все по местам.

Припев:

24 августа 1990

♪ 10 ЛЕТ БЕЗ НЕГО

Автор: Металий Радуга

10 лет без Него.
10 лет, думая о Нем.
Как жил я, как жил ты
и о чем мы теперь поем?
10 лет без Любви,
10 лет без Его Звезды.
Мы прошли все дороги,
увидев Его Следы.

10 лет беспредел.
10 лет жизнь черна, как мел.
И, хоть открыт ресторан,
без тюльпана стоит стакан.
10 лет пронеслись, как и Он,
над чужой рекой.
Кем бы стал Он теперь,
если бы не обрел покой?

10 лет для Героя – не срок.
10 лет урок.
Касса правит Душой –
безыдейно проданся Рок.
10 лет размышлений,
10 лет в развлечениях.
10 лет имя на стенах
в разных городах.

10 лет поезда стучат.
Барабанный бой.
10 лет новых песен нет.
Но над всей землей,
10 лет продолжает петь
Голос, с хрипотцой,
10 лет Его Имя в нас.
Это Имя – Цой...

♪ НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Автор: Металий Радуга

Вечер. Ты сидел дома.
Я мотаюсь один, как всегда.
Я рад, что хоть поздно услышал.
Это зима, но не декабрь, а февраль.

Ночь будет холодной,
Но ты дома а я один здесь.
Мы поверим часам,
наше время пришло.
Нет никого, один только есть.

Эй, я хочу быть твоим гостем!

Я хочу пить чай,
но не курить папиросы.
Хочу думать о том, что будет завтра.
Завидовать тем, кто знает, что хочет.
Смотреть на тебя,
ведь ты сделал немало.

Эй, я хочу быть твоим гостем!

Я хочу прийти, рассмешить тебя,
Ведь новостей нет,
что происходит не знаю.
Убить себя ты сам не позволишь.
Я хочу к тебе и песню эту завываю.

Эй, я хочу быть твоим гостем!
Но что из того, что я это хочу,
Ведь таких гостей, как я – миллионы
И зря я «скуливо» это кричу.

Но все равно я хочу быть твоим гостем.
У меня ведь тоже есть шарф и перчатки.
Эй, я хочу быть твоим гостем!
Ты слышишь меня?
Начальник Камчатки....

♪ ЕЩЕ ОДНА НЕВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Автор: Металий Радуга

Дверь в твой дом
Заколочена льдом.
Деревья устали.
Осыпать себя пеплом.
Парафиновые слезы
Слабее мороза.
Лишь скрученный голос
Разносится ветром.

Еще одна песня без тебя.
Еще одна невеселая песня.
Еще одна песня...

Неискренность слов
Застывает на ст(ц)енах.
Если это боль –
Оставь ее при себе.
В этом доме нет окон,
Нет смысла кричать.
Но, может быть,
Песня поможет тебе... и мне.

Еще одна песня под луной.
Еще одна невеселая песня.
Еще одна песня...

На двери нет звонка.
Глаза крепче замка.
Пирамиду твою
Еще, быть может, поставят.
Все как-то не так,
Но кто скажет, как?
Плакать меня
Уже ничто не заставит.

Еще одна песня в пустоту.
Еще одна невеселая песня.
Еще одна...

From: **Илья IsKra** <@bu.edu>

To: @yandex.ru

Subject: **Про книгу поклонников Цоя**

Все свое детство, до 13 лет, я прожил в России. Имя Цоя мне попадалось на глаза, но по какой-то необъяснимой причине я понятия не имел, что это за человек, как он повлиял на русскую рок-музыку. Да я тогда и музыкой-то никакой не увлекался – иногда смотрел клипы по телевизору. Этим все ограничивалось. Перед самым отъездом в Америку (где я уже проживаю чуть больше 5 лет), в 1998-м, родители поехали со мной на «Горбушку». Я помню, мама тогда купила диск «ДДТ» – «Рожденный в СССР», и «Кино» – «Легенды русского рока», чтобы кому-нибудь подарить. Я начал слушать эти диски. Меня сразу поразили песни Цоя своей простотой и глубиной текстов, полнотой чувств.

После приезда в Америку я увлекся группой «Кино», собрал все их диски, переслушал все песни, стал полноправным «киноманом». Творчество Виктора всегда напоминало мне о жизни на родине, о 1980-х, о том, что я оставил позади. Последние два альбома мои самые любимые. Они наполнены какой-то непонятной грустью, тоской, печалью.

«Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать» – эти строки, для каждого «киномана», да и просто слушателя, означают свое. И так же точно каждое слово, каждая фраза в любой песне Вити вызывают разные чувства, разные воспоминания у людей.

Я считаю что нет песни «Кино», с которой бы любой человек не мог найти «общий язык», будь то «Восьмиклассница», «Пачка сигарет», «Мои друзья» или «Троллейбус». Цоя можно обожать или не понимать, слушать его песни целыми днями или иногда, раз в год, ставить «Звезду по имени Солнце» с друзьями, чтобы вспомнить молодость. Но невозможно не уважать его как автора...

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ... ЦОЙ

Автор: КРИСТИНА БОЯРОВА

«Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна

И не вижу ни одной знакомой звезды.

Я ходил по всем дорогам и туда, и сюда,

Обернулся и не смог разглядеть следы.

Но если есть в кармане пачка сигарет...»

Порой мне кажется, что просто сорвет башню от того, что тебя больше нет, что я пришла к тебе недавно. Хотя, наверное, к лучшему, что я нашла тебя так много лет спустя после твоей гибели. Иначе срыв был бы намного сильнее. А значит, было бы еще тяжелее жить, жить без тебя, без твоих новых песен и стихов, без упертых и каких-то мрачно горящих глаз, зовущих вперед и только вперед – ведь только «слабые уходят из запоя в запой»...

Да, мне кажется, ты был мрачный. Ты был скорее депрессивный, чем наоборот; ты был скорее грустный, чем веселый, но ты нес свет и конструктивность, хотя многие, как я думаю, видели в тебе больше мрачности и деструкции. И однозначно – ты звал вперед, к победе. К какой-то призрачной и не совсем понятной над чем и кем победе. Над собой, наверное, в первую очередь. Слушая тебя сейчас, я всегда «сжимаю ладони в кулаки» и чувствую в них сталь. Только чего-то не хватает – и сталь тут же превращается в олово, в какую-то жидкую субстанцию, стекающую с моих пальцев вниз, на землю, на тротуар... Не застывает сталь в моих ладонях, не успевает. Слишком быстро бежит время или слишком медленно иду – какая-то нестыковка. У тебя же все было пусть нелегко, но как-то вовремя. Ты говорил свои слова – вовремя, ты писал и пел песни вовремя. Хотя может показаться, что не так – если учесть, как за эти песни всех гоняли, как было трудно записаться, а еще труднее – «заявить о своих правах». Но именно в этом и заключается твое «вовремя» – если бы все было легко и просто, то это сразу потеряло бы всякий смысл. Ведь когда все стало легко и просто, оно перестало быть...

Мне грустно. Мне хочется, чтобы что-то опять стало сложным и возникло нечто, чтобы это нечто стало нужным и опять надо было чего-то добиваться, проталкивать в массы, продвигать, идти на риск, подвергаться гонениям или быть непонятым. Мне иногда очень тоскливо от того, что теперь у нас якобы полная свобода слова. Не хочу полной свободы, она губит! Не будет диссидентов, не будет непризнанных и высланных поэтов, не будет посаженных за решетки психушек художников... Никогда никого не посадят на трое суток за синий цвет волос

или серьгу в ухе, не будут играть в подворотнях и подвалах на гитарах за бутылкой «вайна», скрываясь от ментов – все стало каким-то скучным. Недаром сейчас «старики» все равно продолжают петь и вспоминать о старых временах, которые давно ушли и не вернуться никогда...

Очень горько от того, что остается только вспоминать о тех временах, а моему поколению вообще по крохам и крупицам вытягивать обрывки информации у более взрослых, и лишь по этим субъективным рассказам составлять собственное представление, рисовать общую картину тех времен... И никогда не узнать наверняка, правильна ли твоя картина... Хочется любимыми правдами и неправдами хоть на денек оказаться там, в еще действующем «Сайгоне» или на Рубинштейна, 13. Когда дверь рок-клуба была еще открыта – открыта для тех, у кого в руках был ключ и кого не останавливало то, что в двери нет замка; для тех, кто знал, что в таком случае дверь можно выбить плечом... А теперь заходишь во двор, на котором лично для тебя лежит такая печать истории, что сердце щемит и лопается, когда видишь заколоченную дверь. И думаешь: «А открылась бы эта дверь в те годы для меня?».

По заросшей тропинке, через свалку с автобусом, который наверняка многие еще до меня называли троллейбусом, который идет на восток, пройти к воротам кладбища. Найти могилу, сесть напротив на заборчик, закурить сигарету... Потом оставить еще парочку на парашете... феньку... что-нибудь еще, дорогое тебе – так тут делают все. В знак вечной памяти Тебе, Цой. Вечной памяти в сердцах тех, кто, в силу разных причин, открыл тебя еще с самого начала. И тех, кто сделал этот шаг позднее – здесь все равны. Здесь все молчат и лишь изредка тихонько переговариваются между собой. И пьют пиво, хотя на кладбищах как бы и не принято. И вспоминают прочитанное из биографических очерков, узнанное от друзей, услышанное из разговоров более зрелых киноманов – и думают, думают...

О чем они думают? О чем думаю я, стоя напротив памятника, молча наклонив голову набок, а потом как-то неловко, как бы извиняясь за свой поступок «киноманами», перед сидящими за моей спиной, фотографирую могилу – для своих друзей, для тех, кто, возможно, никогда и не увидит этого, никогда не прикоснется к истории так, как это сделала я. Насколько смогла, близко...

А мыслей на самом деле никаких. Какая-то пустота. Понимаешь, что мысли-то должны – ну, просто обязаны! – появиться именно здесь, именно сейчас – и ничего. Пусто. Тихо. Только вспоминаешь отдельные фразы из песен, какие-то отрывки из книг...

ЗАСНУВШИЙ ЗА РУЛЕМ

Автор: Николай Зиновьев

(«Комсомолец Донбасса», 7.12.90)

Человек, заснувший за рулем,
Газ не сбросив, мчит в оцепененье.
Он устал, его не упрекнем.
Сбой судьбы – не стрелки отклоненье.
Что он видит? Только сон колес,
И в раскосый взгляд струится вечность.
Жизнь коварна. После всех полос
Полосой выстреливает встречной.
По стеклу – трассирующий блик,
Краской смерти выбеленный лик.
А года несутся полосатые...
Как предупредить коварный крик?
Пробудить? Пока его до атома
Не раздела в следующий миг
В небесах милиция крылатая.
Пульс мигалки на его скуле,
Соскользнуты руки с управления...
Человек, заснувший на крыле,
Видит Иоанна откровение.
Свет багровый, а лицо как мел.
Он устал от жизни той недлинной.
Кочегаром рока он сгорел
В белой маске барда-арлекина.
На краю секунды, над быльем
Он повис...
Он в жадный мрак несется.
Человек, заснувший за рулем,
Пусть в гитаре уличной проснется...

**Стихотворение со Стены на Арбате
(«Коре», 10 августа 1991)**

Не поверить никак, но в ушах слово: «Верь!»
Сигарета потухла, давно остыл чай.
Он ушел, но кто сможет закрыть за ним дверь?
И что сможет развеять такую печаль?

Он вчера улыбался: «Следи за собой!»
Но себя как-то вот не сумел уберечь.
И в легенду ушел, опаленный звездой,
Стало ясно, о чем в странной сказке шла речь...

Ну, а тело совсем не успело допеть,
И любви не смогли, как обычно, добавить,
Если жизнь – только слово, то что стоит смерть?
С его песнями мы не хотим пропадать.

Жаль, не кино, и не встать, как в «Игле»,
Но у нас еще есть сигареты и чай.
Дальше действовать нам, он остался в траве...
На кассетнике кончилась пленка. Смотай!

Автор: Марина

Я оставил свой след на пустынной дороге,
Знай, что это мой оттиск души.
Неизменностью света скорбящего лета
И звенящее чувство острейшей тоски.
Вереницею мыслей, оставшихся где-то,
Похоронишь ты грустную песню души.
Молчаливая осень без песен раздета...
Необъятное горе от рваной струны...

2 октября 1990

* * *

Автор: Наташа, г. Рига

Ночной человек,
Ты пришел ниоткуда,
Вспыхнул звездой
И ушел в никуда.
Ночной человек,
Я не знала, как трудно
На этом свете
Жить без тебя.
Ночной человек,
Ночь хранила тебя...

* * *

Автор: Наташа, г. Рига

Темное звездное небо,
Подернутый дымкой лес.
Быстро машины едут,
Но тормозят резко здесь.
Здесь огонек из десятка свеч,
Здесь отраженьё в чистой воде,
Здесь не смогла судьба уберечь,
Здесь не сказала «нет» беде...

* * *

Автор: Наташа, г. Рига

Зачем теперь слезы лить в горе,
Когда слезами горю не сможешь.
И мне теперь одна лишь доля –
Только память все время сердце гложет.
Зачем теперь нужны эти прощанья –
Ведь сейчас уж ничего вернуть нельзя.
И мне теперь одни воспоминанья
Остались, только мне теперь остались.
Но только все это – слова.
Снова и снова в душе вспоминаю.
И только память остаться должна,
Чистая и благодарная память.

ЦОЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ**Автор: Лариса Сенич**

*... Я смотрел в эти лица и не мог им простить
Того, что у них нет тебя и они могут жить.*

Мы проливаем кровь, мы режем вены,
И паутиной кажется нам сеть дорог.
Но в светло-ржавом пламени Вселенной
Нас не услышит Бог.

Мы покрывали раны солью,
Мы воевали за любовь...
На сердце больше станет шрамов –
И мы на поле боя возвращались вновь.

Мы знаем мир – и он узнает нас.
Вот жизнь была – и вот фонарь угас...
Мы были всем – черт знает, где? когда?
И мы уйдем, наверно, навсегда...

Быть может, завтра или через час –
Тебя, меня – нас больше никогда не будет.
Но ты – ты, солнце, жизнь моя.
А смерть – не вечность для того, кто любит...

From: **Ольга Муршудова** <vkontakte.ru>
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Так хочется написать о Викторе что-нибудь особенное. Но что написать, когда все о нем написано, разложено по полочкам, вся хроника жизни его расписана, наверное, по секундам.

Лично знакома с ним не была и ближе, чем в 100 метрах, не видела. 18 лет прошло с тех пор, как он ушел в небо. Не заживают раны сердечные от скорби по нему. Песни его живут во мне также ярко и актуально, как и при его жизни. Я не знаю, как донести, как объяснить молодым, КТО был и есть для меня Виктор. Да и надо ли это? Ведь это в крови, с этим надо родиться, что ли. Встречаемся на БК с людьми разного возраста, в основном, конечно, с молодыми. Многие мне не то, что в дети – во внуки годятся. А я не чувствую себя старой или чужой среди них. Я вообще себя не чувствую, я просто растворяюсь в атмосфере доброты, единения душ. Виктор обручил наши сердца, наши души. Он сделал это при жизни и продолжает это делать с небес.

Кто-то, может быть, сейчас скажет, что тетка несет бред. А кто-то согласится со мной. И первым я ничего до сердец не смогу донести: они слеплены из другого теста, сшиты из другой материи. Они другие. А вторым ничего не надо объяснять. У меня с ними одна группа крови...

Что слушала я до того как ПРИШЕЛ в жизнь мою Виктор? – Окуджаву, Высоцкого, Эллу Фицджеральд, Дженис Джоплин... (к слову сказать, и по сей день слушаю, люблю). Окуджава и по сей день является для меня успокоителем души. Высоцкий, Фицджеральд, Джоплин – будоражат, разрывают душу на части. Я не могла и не могу быть с ними на равных. Они ворвались в меня. А Виктор... Виктор пришел ко мне «на мягких кошачьих лапах», как друг, как брат, как сын. И сказал: « Знаешь, мы с тобой одной крови, давай я скажу тебе то, что ты сама давно хотела сказать, но не знала как. Просто и ясно скажу, а ты слушай...»

МНЕ БЫЛО 13 ЛЕТ...

Автор: KINOMANKA

*Грани стакана, сигарета во тьме,
Грязь под ногами, Цой на стене.
Дождь за окном в подоконник стучит,
Чья-то гитара тоскливо звучит... (кто-то из «киноманов»)*

Сейчас уже трудно сказать, как получилось, что я, приличная девочка, тихоня и примерная отличница, вдруг стала завзятой арбатской «киноманкой». (А потом и неформалкой-алисоманкой-толкинисткой, и что еще там следом потянулось...) Но ни мои друзья, ни родители не знают о том, настолько огромную роль в моей жизни сыграл Виктор Цой – человек, о котором я узнала лишь через 10 лет после его смерти.

Начиналось все летом 2000 года, мне было 13 лет и я вообще ничего не знала о Цое, кроме того, что он был музыкант и погиб. Ну, еще слышала несколько песен «Кино» в исполнении одноклассников. Поэтому когда моя подруга неожиданно заявила, что вечером она гулять не пойдет, поскольку «...сегодня моего Цоя по телеку показывают», я совершенно этому не обрадовалась. Подумала: «Вот, блин, из-за какого-то Цоя целый вечер терять!» А потом смотрела телевизор и случайно переключила туда, где показывали, как я узнала позже, последний концерт группы «Кино». Я первый раз в жизни увидела, как выглядит Витя, и жутко удивилась: «Это кто, Цой?» Я совсем иначе его представляла: думала, мужик лет под сорок, с бородой... А на экране был высокий, худой, темноволосый парень, совсем молодой. Но настоящий шок у меня был, когда он начал петь. Судя по его внешности, я подумала, что у него такой высокий, чуть не мальчишеский тембр, и когда он своим низким голосом запел «Пачку сигарет», я просто остолбенела от удивления. Потом появилась какая-то заваливающая кассета с рикошетовскими переделками песен Цоя, «Кинопробы»... Я не знала, к своему стыду, почти ни одной песни «Кино», но все равно мне тогда очень понравилось. Когда показывали отрывки видео с Цоем, подружка мне еще бросила что-то вроде «...Цой на лицо такой страшный был...», а я ни с того ни с сего ответила: «А по-моему, очень красивый!» Настоящее увлечение началось, когда я в гостях у знакомых случайно услышала «Черный альбом». Поставила диск в музыкальный центр («О-о, «Кино», прикольно, а можно послушать?»), в результате весь вечер просидела буквально в обнимку с колонками. На следующий день пулей понеслась в ближайший киоск, купила этот «Черный альбом». И понеслось...

Первые трое суток кассета крутилась в магнитофоне без остановки – я слушала и не могла наслушаться, почти не прерываясь на еду и сон...

Я просыпалась среди ночи по десять раз с одной и той же мыслью: КАК такой человек мог погибнуть?! У меня не укладывалось в голове, что его нет в живых уже 10 лет, я просто физически не могла этого понять. В какой-то короткий миг он стал для меня всем – богом, кумиром, другом, братом. Я просто не могла без него жить. Зато могла сидеть перед компьютером и часами смотреть на его фотографию. И мне больше ничего не было нужно, кроме этой фотки на мониторе, и на душе становилось легче. Ужасно тосковала, что не успела его увидеть живым, и на полном серьезе мечтала построить машину времени, чтобы перенестись в 24 июня 1990 года на последний концерт группы «Кино». В турпоездку я взяла с собой три кассеты Цоя, в течение двух недель безостановочно слушала и мне не надоедало в тысячный, миллионный раз слышать одни и те же звуки.

Я его тогда, конечно, безумно любила. Если рядом кто-то вдруг проносил слово «Цой», у меня сразу сердце замирало... Помню, мальчик один все за мной ходил: «Да ну, твой Цой – отстой...» Обычно я на такие слова огрызалась чуть не матом, а тут вдруг так спокойно ответила: «А мне все равно, что ты о нем думаешь. Я-то знаю, что это не так». Больше он ко мне не лез...

Закончив девятый класс, я познакомилась с одной девчонкой, тоже «киноманкой», и мы решили съездить на Арбат, к Стене Цоя. С этого начался еще один этап моей жизни – арбатский... Даже сейчас, когда уже три года прошло, и вроде бы я выросла уже – прямо сердце замирает, когда вспоминаю картину: Арбат, знакомый погнутый панками фонарь напротив переулка Виктора Цоя, родная Стена, серый асфальт, сидят ребята-неформалы и играют на гитаре... И можно бросить на землю рюкзак, сесть на него, прислониться спиной к Стене, дружески кивнуть абсолютно незнакомому сидящему рядом человеку, и тихонько подпевать... Край улицы залит солнцем, но на асфальт падает тень, по переулку легкий ветерок, конечно же, дым от сигарет на меня... И ты сразу забываешь обо всех проблемах, и ничего больше не надо...

Родители, конечно, за голову хватались, когда я в очередной раз, засунув в карман плеер, сматывалась из дома, чтобы хоть несколько часов провести в компании арбатских «киноманов». Конечно, там были малоприятные вещи: драки, попытки отобрать деньги или снять с тебя бандану, туристы-идиоты, радостно фотографирующиеся на фоне Стены... Нервов много тратилось. Но меня всегда туда тянуло, как магнитом – такое место, культовое... Тогда я жила лишь этими арбатскими тусовками. Ведь все плохое было перекрыто пьянящим ощущением абсолютной свободы, счастья, и того, что где-то рядом Цой – это было как глоток свежего воздуха среди бесконечной рутины...

Потом чувство такой безумной любви к Цою, конечно, прошло. Сейчас у меня уже не дрожат колени при упоминании его имени. Но все-таки все то, что связано с ним и с группой «Кино» – это будто часть меня, я никогда не смогу этого забыть.

Витька, солнце мое... Цой для меня – не просто музыкант, не «один из», и даже не «самый-самый» из той питерской рок-тусовки. Он как бы выше всех и всего, он – вне конкуренции. В фильме «Последний герой» его одна девушка назвала «Королем земного рока». Вот таким я его и считаю... Он же меня действительно как будто из трясины вытащил, дал какие-то жизненные силы... Я и профессию свою из-за него выбрала. Потом, конечно, много причин появилось, почему я решила стать журналистом, но первая была элементарной: я хотела написать про Цоя. Пока мечту осуществить не удалось, но я ему очень благодарна за то, что приняла именно такое решение. Если бы не Витька, кто знает, что бы со мной сейчас было?

Как-то раз на Арбате мы разговаривали с одной девчонкой, и она рассказывала такую историю: «Я в девятом классе решила с собой покончить. Пришла из школы, наглоталась таблеток, легла на диван и решила напоследок музыку включить. А кассета была остановлена на песне «Легенда». Ну, я послушала, сползла с дивана, – и в туалет блевать... Меня Витя спас. Если бы не он, я бы сейчас здесь не стояла...»

И хоть я сейчас уже не провожу вечера с арбатскими «киноманами» у Стены, не слушаю целыми днями «музыку волн, музыку ветра», не пересматриваю каждый день его фотографии, я знаю точно: Цой жив, не может быть, чтобы он умер совсем. Может, он стал одной из звезд на небе? А может, просто переселился в другой мир после физической смерти. До сих пор не могу спокойно читать дурацкие статьи про его «похороны», «гроб», «прощание с телом»... «Этого не может быть, – думаю я. – Он просто сразу перенесся с земли на небо...» Но он где-то есть, это точно. Он с нами – ведь, как сказал поэт, «свет ушедшей звезды – все еще свет». И когда мне плохо, когда я чувствую, что никому не нужна на этом свете, я ставлю в плеер «Черный альбом» и успокаиваюсь, потому что знаю: единственный, кто никогда не предаст, кто всегда со мной и никогда не оставит меня в беде – это он, Виктор, Витька, Звезда по имени Цой...

P.S. А напоследок хочу рассказать про один свой сон. Вообще-то мне Цой очень редко снится, но этот сон очень яркий, запомнившийся, – иногда я в глубине души начинаю верить, что все это было со мной на самом деле, но в другом мире...

Итак, дело происходит в наше время. Я стою в коридоре большого стадиона, где идет рок-фестиваль. Вдруг дверь резко открывается и

влетает только что отыгравший свое выступление... Цой. Злой, как собака, он пронесится в соседнюю комнату, переодевается в черную футболку с джинсами и выходит на улицу, а на дворе черная-черная ночь, небо все в звездах. Я иду за ним. Он добегает до какой-то бетонной стены, садится на колени и ищет место, где бы можно было что-нибудь написать. (Стена стоит посреди чистого поля, вся потрепавшаяся, с какими-то надписями, сквозь щели в бетоне пробивается зеленая трава). Цой стирает написанные мелом строчки рядом с надписью «Алиса», я сижу рядом с ним. У него несколько зажигалок, он светит ими, и мелом начинает писать на стене стихи. Я тоже свечу на стену черной зажигалкой, вижу, что там остался свободный кусок, и спрашиваю у него: «Можно я здесь тоже напишу?» Он кивает, что да, и тогда я черным угольком рядом с его стихами вывожу: «Витя, я тебя люблю!» Стираю попутно надпись «Алиса», держу в руках горящую зажигалку. Первый раз в жизни призналась кому-то в любви, жду его реакции и при этом думаю: «Только бы успеть, я же больше никогда его не увижу...» Он, закончив писать, смотрит на мое признание, чуть улыбается, берет у меня из рук зажигалку, что-то говорит, но я ничего не успеваю запомнить. И так и осталось в памяти: серая бетонная стена, поросшая травой, темнота, звезды, огонек зажигалки, Витины стихи, моя надпись на стене, и мы сидим рядом...

Я ВСЕГДА ВСЕ ДЕЛАЮ НАВЕРНЯКА

Пишу без трепя. Как есть. Нет сил жить дальше. Но надо. А внутри идет отсчет: 10, 9, 8, 7... Что будет – не знаю. Нет окна. Все внутри меня. Все во мне. Мой фасад показывает: нуу проблем, о-кей. Так надо. Но кому надо? Мне?! Кому угодно, но не мне! Если все останется во мне, я могу не выдержать. Нет никого, кто бы понял и промолчал. Никого нет. Есть только статья в черной рамке и его фотография. Хрупкий, худощавый Витькин силуэт. Он перед глазами. И его глаза. Взгляд в упор, осуждающе, требуя.

Но нет сил. «Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе никогда. Он не лгал мне никогда. Он бил самим собой. Он жил и был самим собой. И вот теперь его нет. А большой стеклянный шар в груди растет и заслоняет небо. И он жив. Жив, потому что иначе не было бы. И заклинило, как крик: «Виктор Цой».

Все. Если выдержу, то останется этот шар в груди, если нет, то остается только попроситься. Если я не выдержу это, то меня не спасут. Я всегда все делаю наверняка. Когда я буду на грани, моя жизнь будет стоить дешевле, чем сейчас. А сейчас только

остается отворачивать руль мотоцикла одеревеневшими руками от дерева, столба, мчась ночью на полной скорости. Пока что удается. И как стук сердца – или колес в голове: «Виктор Цой, Виктор Цой».

Это не любовь, нет. Это вера. Вера в него.

Не считайте это трепотней. В этом – я. И он. И моя жизнь. Мне некому больше говорить. Тусовка – она не спасает. Меня не спасает.

Виктория З., Воронеж.

**Журнал «Мы»,
№ 1, 1991 г.**

Я ЛИЧНО НЕ ЗНАЛА ЕГО...

Автор: НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

Я лично не знала его. Не знала его родителей, друзей и родных. Я узнала его творчество, его душу. Можно ли узнать душу через творчество? Я думаю, можно.

Наверное, первый раз я увидела его по телевизору. Хотя точно уже и не помню. Помню ту песню. Этот загадочный и сильный голос. Прошло много лет, а я помню это первое впечатление от услышанного. Затем мне записали его песни. Мне очень понравилось. А вскоре я узнала о нем много нового и интересного.

Знаменитая Стена на Арбате, те слезы, стихи, посвященные ему... Когда читаю, как ребята переписываются между собой (на Стене), договариваются о встрече, чтобы почтить его память, я горжусь ими. Горжусь парнями и девочками, которые помнят его, борются за его память и песни, за его жизнь. Ведь он всегда будет жить. Почему? Да потому что мы его помним. Мне хотелось бы побывать у тех надписей.

Когда он родился за 31 год до того, как появилась я. Один год все изменил. 1990-й. Да, лучше бы он проходил, не забирал, не уносил. Но... Через 3 года родилась я. Поклоняюсь тем слезам, которые перенесли вы, поклонники его творчества. Вы, родные и друзья. Слезам, которые начались, когда погиб он. Слезы по сей день. Уже 19 лет.

Я много раз думала и не могла точно ответить на вопрос: хорошо ли, что я не успела видеть его, что родилась позже? Ведь если бы я жила в те годы, которые прошли под его солнечной звездой, я была бы, конечно, счастлива. Ходила бы на концерты, слушала, может, даже и поговорить удалось. А что потом? Хватило ли бы мне сил пережить ту трагедию? Не знаю. Реально сложный вопрос. Ведь даже сейчас, когда смотрю его видео, слушаю песни, больно, а глаза намокают...

Я думаю, он видит и слышит всех нас.

Он с нами, только выше, чем мы.

Здесь не хочется упоминать о тех, кто против него. Меня очень задевает это неуважение к его личности, к его друзьям, к его памяти. Я считаю, что люди, идущие против него, глупы.

Давайте улыбнемся небу, вспомним, как улыбался он. Этот взгляд, черные волосы и быстрые пальцы, ловко скользящие по грифу. Давайте петь его песни. Ведь он в них. В каждом слове и нотке.

ЦОЙ ЖИВ!

♪ ЗВЕЗДА

Автор: Артур Кюль
(Незнакомец, kinoman.net)

Я стою у окна
И курю сигарету.
За окном чудеса –
Созвездие окон.
Я смотрю в пустоту,
Я вижу тебя.
Ты не видишь меня –
Это только мечта.

Дым моих сигарет
Мне сжигает глаза.
А на небе возшла
Красным светом звезда.
Он ушел в никуда,
Зажигая сердца.
Сигарета горит –
Убегает вода.

Бьется сердце в груди,
Разбивая ребро.
Он был тоже один,
Но не был одинок.
И он смог умереть,
Пока был молодой.
И ушел он туда –
Стал полярной звездой.

Тебя спросят в лицо –
Не найдешь ты ответ.
Мне, наверное, зима
Свой диктует куплет.
Я смотрю из окна,
Я смотрю в никуда,
А на небе гореть
Продолжает звезда.

♪ НА ПУСТОМ ШОССЕ

Автор: неизвестен

На пустом шоссе лежат цветы.
На пустом шоссе лежат, где ты прошел.
След, оставленный тобой, горит огнем.
Он горит и ночью, и днем.

Все, что ты хотел сказать и спеть,
Не успеть теперь уж, не успеть пропеть.
Но остались те, кто слушал и внимал,
В их сердцах ты не пропал.

Припев: И гитару вновь ты подними
И, как прежде, снова прокричи.
Жизнь пропета, словно песня
Нам не спеть с тобою вместе.
Помолчим...
Снова ноту нужную найди,
Снова струны бешено рвани.
Все, что было, отгорело.
И душа рассталась с телом
Бог прими...

Ты хотел увидеть перемен,
Что же получил при жизни ты взамен?
Было право петь и сочинять –
Это все никому не отнять.

Припев:

Автор: Natalya

Я иду вперед,
Рядом смерть моя идет
Вдоль невидимой стены,
С той стороны.

Знает лишь она,
Когда кончится стена
И что будет там за ней,
На той стороне.

Ну а мне, пока жива,
Надо столько успеть –
Я должна найти слова
О тебе спеть.
Научиться, не боясь,
О любви говорить,
Просто сделать что-нибудь,
Чтоб светлей стало жить.

Заглянуть бы, но
Сквозь зеркальное стекло
Ничего не видно мне
На той стороне.

Как болит в груди...
Я прошу тебя – приходи
Ты хотя бы в мои сны
С той стороны.

Ну а я пока жива
И надеюсь успеть,
Если уж не для тебя –
Для других спеть.
Научиться, не боясь,
О любви говорить.
Сделать все, что я смогу,
Чтоб светлей было жить.

ЦОЙ ДЛЯ НАС**Автор: Марьяна (Ianna)**

Что-то странное происходит.
Я почему-то не смогла найти дверей.
Вокруг меня что-то бродит,
Какое-то странное множество теней.
Я не знаю, что скоро случится.
Мне говорят: «Ты – оратор, но не пророк».
Песня Цоя в окно стучится.
Его песни – мой любимый Рок.
Я жду перемен и верю в Его Звезду.
Старый поезд ушел – я на него не успела.
Я просто живу и жду, жду.
Все Витины песни давно перепела.
Я хочу жить! Как я хочу...
Но жизнь – только странная сказка.
Я верю, что все это я получу.
Но Вити уж нет – и сон мой напрасно.
И пусть я не курю,
Но ночь и дождь – для меня,
И эти стихи я дарю
Тому, кого не забыть никогда.
Не могу я уснуть – ночь без сна.
Я везде натыкаюсь на злые лица,
Но я знаю, что скоро наступит весна,
И жить вновь станет приятно и мило.
Но когда это будет? Когда Витя воскреснет.
Я это жду, это скоро придет!
После этого нет ничего чудесней,
Виктор вернется и вновь запоет!
Для нас...

From: **Йогин**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

Цой – это была для нас не просто музыка. Это был воздух, которым мы дышали. Каждая его новая песня была как глоток чистой воды посреди грязных луж окружающего нас мира. Мы не были фанатами, фанатов мы воспринимали как голимый диагноз. Мы не были фанатами, не были панками. Хотя и носили ирокезы, фенечки и металл одновременно, в то же время мы слушали Цоя сутками, меняя каждые 15 минут батарейки, сидя на трубах, в подвалах, чердаках, во всех тусовочных местах. Мы пели все его песни. Он был духом того времени и, наверное только те (в основном те), кто был тогда подростком (а для «мусоров», бабулек, мам и директоров с учителями – отморозком), в основном, только те въезжают, почему многих так завернуло на Цое. В его песнях – состояние и подсознание неформально мыслящих людей того времени. Больше не было таких песен, таких групп (кто-то оспорит мои слова, но обратите внимание – остальное была музыка, литература в песнях, а у Цоя было именно подсознание и состояние. Дух, который сильно отличался от представителей андерграунда того времени).

Гибель Цоя была для нас очень большой потерей – в один прекрасный миг исчез источник всего. Мы долго не могли поверить в то, что случилось – смотрели и слушали все выпуски новостей, программу «Время» по двести раз, и каждый раз сомневаясь, правда ли это.

Нам больше нечего было слушать из настоящей НЕМУЗЫКИ ВЕТРА. Вот так вот.

Время меняется, я сейчас не вижу тех неформалов. Внешний вид неформалов-то вижу, но это – второе поколение, которое подражает первому лишь внешней формой, а не духом.

Кто не жил этой жизнью, тот жил другой – у них другие песни, другая музыка.

А мы Его помним. Мы поем его песни.

С ПЛАКАТОМ «ХОЧУ БЫТЬ КАК ЦОЙ!»

(ИСТОРИЯ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ)

Автор: ANTHURIUM, Киев

ПРОЛОГ

Я прислонилась к забрызганному снаружи стеклу троллейбуса и наконец смогла толком рассмотреть кассету. Жаль, что не хватило денег на ту, другую, на которой было почти вдвое больше песен. Это я совсем недавно узнала, что Земфира – любимая певица моей мамы, и, естественно решила подарить ей какой-нибудь земфирин альбом на ближайший праздник. «Брызги», «Созрела», «Румба», – я еще раз прочла список незнакомых еще песен, «Ариведерчи», «Кукушка» (В. Цой). «Муж, вероятно, этой... Аниты», – подумала я и спрятала будущий подарок в портфель.

Через полчаса кассета была в магнитофоне, а я удивленно вслушивалась в звуки совершенно новой для меня музыки. Когда песни закончились, я поставила их с начала. Мне они очень понравились, особенно одна – «Кукушка» (В. Цой). В ней было что-то открывающее новые ландшафты, что-то очень живое, чьи золотые глаза смотрели на меня из невидимого окна. Впрочем, это все я поняла позже, а тогда просто включила кассету в третий раз и до конца дня находилась под впечатлением.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЗДЕСЬ СПАТЬ, ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ЗДЕСЬ ЖИТЬ...

Тем временем у нас в квартире начался ремонт. В мгновение ока она переменялась: компьютер, часть мебели и штор куда-то делись, стали постоянно толпиться неопрятные и, часто, нетрезвые рабочие в неопределенном количестве. Вскоре часть стен переменяла свое положение в пространстве, а в том месте, которое называлось ванной, появились сосуды с отвратительно пахнущим веществом. «Многоликие монголы пьют карбидовые смолы», – эту песню я услышала по радио и теперь жутко возмущалась по ее поводу. «Что этот Бутусов знает о карбиде!», – думала я, моя пол.

Незаметно подступил Новый Год. Подарки маме очень понравились. Мне же досталась, среди прочего, толстенная энциклопедия «Русская литература XX века».

Я увлеченно ее листала (ну, что еще может делать некоммуникабельный человек в новогоднюю ночь!?). О цензуре в советское время, об Ахматовой, Булгакове, период «оттепели»... рок-поэзия?.. Я не знала, что это такое. Начала читать. Здесь все было так непонятно, жестко, так далеко от меня, но притягивающе и, наверное, правильно, но так безысходно. Все имена незнакомы. Один, два, три, четыре уже умерли? Александр Липницкий о Викторе Цое. Вот еще песня...

*Группа крови на рукаве,
 Мой порядковый номер на рукаве,
 Пожелай мне удачи в бою
 Пожелай мне
 Не остаться в этой траве
 Пожелай мне удачи*

*Мне есть чем платить но я не хочу
 Победы любой ценой.
 Я никому не хочу ставить ногу на грудь.
 Я хотел бы остаться с тобой
 Просто остаться с тобой
 Но высокая в небе звезда зовет меня в путь.*

Какая красивая песня! И фотография. Ландшафты, ландшафты...

На следующий день я уезжала в лагерь. Не буду затягивать рассказ, описаниями жизни в нем, скажу только, что на первой же дискотеке я услышала песню, в которой мне послышались слова этой... как ее? .. «Группы крови». Услышала лишь на одной, первой, дискотеке и потом долго думала, не глюк ли это был.

Вернувшись домой, в газете на странице с идиотскими гороскопами я увидела... Цоя, да еще его дату рождения – 21 июня! Я родилась 30-го... Все словно сговорилось. В журнале, который я взяла почитать сразу же наткнулась на заметку о трибьюту группе «Кино». И опять фотография. Какой же он красивый... Я еще раз прочитала главу о рок-музыке.

*Ночь коротка, цель далека.
 Ночью так часто хочется пить,
 Ты выходишь на кухню, но вода здесь горька.
 Ты не можешь здесь спать, ты не хочешь здесь жить*

И фотография Стены памяти Цоя. Памяти? Неужели он тоже уже умер? Да, написано – еще в 1990-м... Он же был так молод. Я почему-то для себя решила, что он погиб на войне – в статье Липницкого было что-то о «человеке убитом бессмысленной военной авантюрой»...

Потом я пошла в школу. Одноклассники упорно не воспринимали меня как личность, учителя забывали, что я была когда-то (в прошлом году) отличницей. Полный облом! Да тут еще Цой умер... Я завела тетрадку, куда записывала письма к нему, в которых признавалась в любви, жаловалась на наглых ремонтников, на одиночество, записы-

вала, так сказать, философские размышления в жутко депрессивно-самоубийственном расположении духа...

Однажды я пошла гулять. Какая была радость набрести на кассетный киоск! Вернее, это я потом поняла, что это радость, а тогда у меня просто немножко поехала крыша, когда я увидела на некоторых обложках кассет слово «Кино». Два дня ожидания, когда мне дадут денег. Я в это время слушала «Крематорий», чтобы приобщиться к рок-музыке. До сих пор альбом «Гигантомания» у меня ассоциируется с ожиданием большого счастья...

«Начальник Камчатки» меня очень разочаровал. Такой противный голос, песни, вовсе не похожие на «Кукушку» и «Группу крови», аранжировки... Впрочем, я уже плохо помню, чем мне он так не понравился, но моей маме он не понравился еще больше «наркомански-медленными ритмами и текстами». Я плакала... Чуть позже я приобрела альбом «Группа крови». Я опять плакала, но уже от вечности этой музыки. Впрочем, я не буду описывать, что я тогда чувствовала – это бессмысленно, особенно спустя три года. Я слушала его много раз каждый день и обдумывала план спасения Цоя (я уже знала реальные обстоятельства) и всех остальных, если бы у меня была машина времени.

Я читала энциклопедию и ненавидела тех, кто сумел остаться жить еще в 30, 40, 60, 80 лет...

Некультурных ремонтников очень раздражала вся эта музыка. Однажды, когда я осталась дома из-за больной головы, одна из них наорала на меня, типа, какую фигню я слушаю, причем каждый день одно и то же, сколько это может вообще продолжаться, совсем невозможно работать. А бабушка ее поддержала. Что сделала я, слушавшая каждый день «Закрой за мной дверь»? Я наспех оделась и ушла под снег. По маршруту будет ездить несколько троллейбусов, но для пушшего эффекта я пошла к маме на работу пешком (чтоб как в песне было: «меня ждет на улице дождь [снег], их [противных ремонтников] ждет дома обед»).

Читая энциклопедию, я ревниво отмечала имена тех, кто посмел остаться жить. Читала я почти, что лишь энциклопедию, поскольку остальные книги были очень малодоступны из-за перемещения шкафов в пространстве квартиры. Впрочем, все это очень-очень скучно и безысходно.

В апреле у меня появился «Черный альбом». Я даже пару раз поплакала. Короче, он мне понравился еще больше. Один раз я даже попробовала курить. Во мне проснулся литературный талант: сидя за первой партой, на последних страницах тетрадок я писала земфирно-цойный плагиат и была этим очень довольна. Кроме того, моя соседка по парте тоже повадилась писать нечто (она вообще все за мной повторяла,

кроме самых принципиально-важных вещей, естественно). Мы дружно хвалили произведения друг друга, но я точно помню, как мне не нравилось то, что она писала. Опять-таки не буду затягивать нудными описаниями моих с ней взаимоотношений, мне только очень нравились криво вырезанные из «Соо!а» фотографии Цоя и возможность порассказывать о нем – она соглашалась со всем мною сказанным. Даже с пугающей надписью на песеннике «Смерть попсе!». Однако к мировому рок-н-роллу приобщить ее так и не удалось, я поняла всю бессмысленность этой затеи. Кроме того, за второй партией сидел очаровательный тихий панк с большими зелеными глазами. Он слушал не попсу и не рэп и рассказывал о своих друзьях-рокерах, которые даже умеют играть на гитаре. Как это все прекрасно! Однако, приобщить меня к «Нирване» у него тоже не получилось.

Далее – немислимо скучное лето со сломанным магнитофоном и слушанием радио «Ностальгия» (ужас! ужас! ужас!). Я продолжала писать нечто вроде стихов, и даже пыталась их куда-то отослать. Еще завела новую книгу жалоб Цою и иногда каталась на роликах.

ДАЛЬШЕ ДЕЙСТВОВАТЬ БУДЕМ МЫ

В конце августа произошло важное событие. По возвращении из лагеря (где я убедилась, что не только не каждый симпатичный мне человек слушает Цоя, но и не каждый слушатель Цоя – симпатичный мне человек. Однако, один раз там все же был костер, где я увидела нескольких из них, и даже попела с ними несколько песен (под аккомпанемент баяна музрука. Но больше об этом нечего вспомнить), – включив радио, я услышала песню, которую можно было бы даже посчитать песней Цоя. Я окончательно удивилась, узнав во втором куплете подозрительно знакомые слова. Слова из песни Гребенщикова, и я записала что-то очень вдохновенное в дневнике, и до конца дня не могла слушать любимый «Океан Эльзы»...

Моя влюбленность в Цоя прошла, однако я еще долго пыталась доказать себе, что это не так. Но как все это скучно...

Я нашла замечательную радиостанцию, по которой передавали только русский и украинский рок, почти без рекламы и остроумных комментариев диджеев. Там не было традиционной передачи, где нужно звонить, долго говорить о чем-то с ведущим, поздравлять кого-то с днем рождения. Вместо этого было выделено 4 часа в день, чтобы позвонить и спеть чего-нибудь в телефон, а потом услышать это по радио вместе с авторским исполнением этой песни, естественно. Таким образом, в моем магнитофоне появилось много хорошей музыки. Потом я зачем-то подарила эту кассету на Новый год тихому панку. И, видимо, вознаграж-

дением за это были подаренные мне (мамой) цоевский «45» и кассета «Крематория» на день святого Николая, а потом компьютерный диск Цоя на Новый год. Еще раньше, осенью, мне была подарена кассета группы «Аквариум», которую я слушала с не меньшим, а порой – большим удовольствием, чем кассеты «Кино».

Утром 11 января шел снег. Я включила компьютер и вставила новый диск. Всегда, когда я слушала песни Цоя, читала о нем, думала, восхищение во мне смешивалось со жгучим стыдом, я словно бы смотрела на себя откуда-то сверху, где должен был бы находиться Цой, и сравнивала себя с ним. И сравнение всегда было не в мою пользу, стыда всегда было больше, чем восхищения – это очень мешало жить и действовать. И когда стыд достиг верхней точки – этот гений с красивыми глазами, оказывается, еще и рисовал, и резал по дереву, и кунг-фу занимался, и просто был очень умен... Так вот, когда стыд достиг верхней точки, я выключила компьютер и обдумала план действий. Чтобы чувствовать себя человеком нужно заняться творчеством, спортом и найти работу.

Первым делом я позвонила по телефону, оторванному от объявления про секцию тенниса. Мне сообщили, когда и где. Потом я вышла из дому и направилась к дому детского творчества (сокращенно – ДДТ), где когда-то занималась шитьем. После недолгих колебаний я выбрала рисование – ну, не игрой на дудке, в конце концов, заниматься. Правда, совпадали дни занятий здесь и на теннисе, но можно же после рисования не заходить домой.

На следующий день я собрала все необходимое и направилась в ДДТ. Я пришла заранее, поэтому довольно долго сидела возле нужной двери в одиночестве. К тому времени, когда пришла учительница, я уже попыталась наладить контакт с девушкой, учившийся здесь, хотя и не получила никакой конкретной информации. Меня явно очень не хотели принимать, однако разрешили остаться. Я не рисовала уже год, со времени окончания этого предмета в школе, уже забыла, как это здорово. Со мной вполне дружелюбно общались, поэтому, когда пришло время уходить, я не ушла. Педагог, конечно, раскритиковал и мой рисунок, и размер листа, но я все равно приду сюда еще. После окончания урока обе юные художницы зачем-то подождали меня, и мы ушли оттуда вместе – это было очень ново и странно. В следующую среду я снова была здесь, познакомилась с остальными учащимися – почему-то исключительно женского рода. Никому не нравилась моя живопись, особенно учительнице, но все мои новые знакомые вели себя так, словно я уже тысячу лет здесь – постоянно подходили и говорили о чем-то со мной.

Следующий день занятий совпал с днем классного часа в моей шко-

ле. С полным правом, как я считала, я попросила классную руководительницу меня отпустить. «Нет документа – нет человека», кажется так, да? Короче, без записки от родителей меня отпускать не хотели. Но в моей голове давно звучала: «Дальше действовать будем мы». Дайте ей выйти наружу из моей головы! Я надела куртку, вежливо попрощалась, улыбнулась тихому панку и в знак протеста съехала вниз по перилам. Хой! Назавтра урок литературы (его вел классный руководитель) был посвящен исключительно мне, вернее, моему невозможному поведению (а какой урок литературы в той школе мог быть посвящен чему-то, кроме поведения?).

Мама написала записку, и в дальнейшем я попадала в ДДТ мирным путем. Но однажды в голове патриотичного педагога созрела идея. Идея проведения Дня «украинознавства» в нашем многострадальном классе. Мы должны были разделиться на группы, каждая из которых приготовила бы какое-то народное блюдо и разучила народную песню, а потом представила бы все это на празднике. Посоветовавшись с панком и еще одним нашим другом, мы решили отказаться от подобной чести. В итоге отказалась я одна. «Попробуй спеть вместе со мной!». Я пою вместе с тобой. «Все говорят, что мы вместе, все говорят, но не многие знают, в каком». Я с тобой и я не здесь.

Однажды учительница сообщила о литературном конкурсе на патриотическую тему. В прошлом году, услышав об аналогичном, я сразу написала фельетон, но он получился уж очень непатриотичным, поэтому я решила не участвовать. В этом же году у меня как-то сами собой за неделю получились семь стихотворений, и к установленному сроку я успела их распечатать и с гордым видом сдать педагогу.

Мне опять посвятили урок. Учительница говорила о тяжелом труде редактора, о том, сколько ему приходится проверять и перечитывать дело рук легкомысленных поэтов и писателей...

Весной в наш город приехал «Аквариум». Мы сидели высоко на балконе, но это был «Аквариум»! Я не буду пересказывать впечатления от концерта, как-никак прошло два года, но я помню, что во мне окончательно умерли слезы по Цюю, и безысходная любовь. Подсознательно я чувствовала это, наверное, еще, когда услышала «Радио Африка», но так сложно признаться в чем-то себе.

Я не буду пересказывать также впечатления о последующем лете – я или вдохновенно рисовала портреты с натюрмортами, или умирала от вселенского одиночества. Первое я делала, может быть, несколько чаще, потому что маме захотелось сначала подарить мне ленинградские краски, а потом – мольберт. Для удобства, так сказать. А я и существовала в своем обособленном мире из песен «Аквариума» и «Кино», книг,

рисунков и учебников. И была счастлива.

СТАНЬ ПТИЦЕЙ, ЖИВУЩЕЙ В МОЕМ НЕБЕ...

Осенью меня перевели в гимназию. В математический класс. Некоммуникабельность. Ни-ко-му-ни-ка-бель-ность. Плюс незнание многого, и заикание, особенно у доски...

Но когда я пошла на рисование, я взяла с собой почти все, что нарисовала летом, том числе портреты БГ и Цоя. Моя самая первая знакомая на рисовании – в прошлом году она занималась в другой группе – в этом году перешла в ту группу, где училась я. Первое, что она спросила у меня, она спросила, посмотрев на портрет: «Это, что – Гребенщиков?». Я ответила: «Да», и услышала, как у меня съезжает крыша. Я раньше знала троих «аквариумистов»: моя мама, приученная мной, мамина 30-летняя подруга и ее муж, которого я даже в глаза не видела... Мы немедленно подружились, пообещали обменяться дисками и пригласили друг друга в гости. Преподавательнице очень понравилось, что летом я что-то рисовала, и теперь она относилась ко мне теплее.

В окно светило солнце, мы рисовали воспоминания о лете и говорили. На следующем уроке оказалось, что мои прошлогодние подруги никуда не девались, а просто рисуют на улице. Я написала на мольберте: «Насколько по кайфу быть здесь мне», и что-то еще. В соседней студии репетировала рок-группа, в составе которой был брат моей новой подруги. Я в него немедленно втюрилась, а он передал через сестру, что хочет, чтоб я нарисовала его портрет, что я вскоре и сделала, кажется, весьма удачно. Но больше я его не видела.

У нас с подругами появилась замечательная привычка допоздна гулять после занятий. Мы говорили, говорили, говорили обо всем на свете, писали вместе стихи. Любовь к рок-н-роллу, боязнь призраков, странные метафизические рассуждения, влюбленность в кого-то прекрасного – ничего не обделялось вниманием. Я подарила всем по фенечке. Наблюдая за рокослушающей Мариной, я сделала вывод, что если девочка любит песни Цоя, это не значит, что девочка должна выглядеть, как Цой. Важное наблюдение.

За этот учебный год я еще дважды побывала на концерте «Аквариума». Победила на районной олимпиаде по рисованию, чем была очень горда. И с одноклассниками я общалась преимущественно посредством рисунков. Никому-не-кабельность! Но весной одной из одноклассниц вдруг захотелось побольше узнать о певце, о котором я так много говорю. Она стала первым человеком, приученным мною к творчеству «Кино», а позже, еще и «Крематория».

Все последующее лето я регулярно ходила гулять с подругами или

с этюдником. Благодаря второму я придумала десять остроумных ответов на вопрос: «А что вы рисуете?». Чертовски развивает коммуникабельность! Еще я подключилась к интернету, но про сайт Цоя почему-то вспомнила лишь через два месяца. А в конце лета я поехала отдыхать в Форос. В перерывах между скалолазанием и купанием в море наша компания во главе с неформалкой Масяней собиралась на пляже (преимущественно по ночам) и орала песни под гитару, часто – песни Цоя. Иногда к нам подсаживались инструкторы по скалолазанию. Лето удалось.

Благодаря Цою я продолжала рисовать. В ноябре мне довелось поехать в Питер. Мне понравилась его архитектура, но почему-то на каждом шагу мне виделось что-то из песен здешних рокеров. Моя подруга записывала все шедевры Растрелли и пр., которые мы видели, а я порывалась найти «Сайгон», чтобы выпить там кофе. В подземном переходе на Невском я купила «Первые записи» Цоя. Но четыре дня – это так мало! Что можно успеть всего за три свободных часа, выделенных нам за все время?.. Еще я успела покататься на трамвае, даже купив билет, и пройтись в одну сторону по Троицкому мосту. Естественно, я забыла адреса рок-клуба, «Камчатки» и других памятных мест, но что с того? Наша столовая была на Московском проспекте, и я только потом узнала, что на нем же находилась столовая, в которой Цой и Рыба питались макаронами.

– А кто это такой красивый? – спросила Валентина Ивановна, подходя к моей парте, где были разбросаны картинки в ожидании сканирования.

– Вот видите, и вы не узнали, – ехидно сказал Андрей, – это Цой.

– Тот, в кого ты влюблена, да?

– Нет, – ответила я, – давно уже нет.

ОН ЧЕРЕЗ НАС!

Автор: Игла

Весь мир – только мой.
 Тут нет никого, кроме мыслей,
 Играет тихо и грустно ЦОЙ,
 И я действительно не знаю,
 Как мне прожить следующий день.
 Может это все прозрачный мираж?
 Но даже обычная от лампочки тень
 Помогает не сойти с ума.
 Запах прошлого, где я не была никогда,
 Просит вспомнить себя до вчера,
 Я пытаюсь, но нет там меня...
 Сколько ночей до этого мне ждать?
 Чтоб ты сырая и старая земля
 Попыталась меня взять и показать,
 Где на самом деле можно жить.
 Я хочу, я ищу, я прошу,
 Дай мне руку в эту минуту,
 Я прощу эту недожившую весну,
 И даже про тень я забуду.
 Все останется, зависнет и точка.
 Но оно же есть, была ведь...
 Эта быстрая и бездумная строчка
 Напомнит мне про смерть.
 И вот незачем больше плакать.
 А зачем? Это так же бездумно,
 Как кидать эту глупую фразу
 В место, где тебя не увидят сразу.

Автор: Юлия Мещерякова

С неба в августе падают звезды,
 Продолжая дарить нам свой свет.
 Их уже не вернуть. Слишком поздно –
 Можно лишь посмотреть им вслед.

Можно лишь сохранить о них память,
 Спеть до боли знакомый мотив,
 Можно свечи зажечь и кассету поставить,
 Ту, что голос любимый хранит.

Только сердце не может смириться
 С тем, что песню тебе не допеть.
 Вдаль мечта улетала, как птица,
 Но обрезали крылья мечте...

♪ ЛЕТО НЕ ПРИДЕТ

Автор: Артур Кюль
(Незнакомец, kinoman.net)

Небо слишком высоко,
Море слишком глубоко.
До горизонта не дойти,
Не доплыть, не доползти.
Компасы сошли на нет
И в стакане правды нет.
Звезды не оствелят путь,
Солнце не поднимет ртуть.

Лето не придет

Палкой в пятом колесе,
Костылями по росе,
На кровати из гвоздей,
Бей меня, природа, бей.
Страх глазами на лице,
Страх ногами по душе.
А в душе тысячи заноз,
И опять плохой прогноз.

Лето не придет

Все карманы на нуле
И опять я не в себе.
Мне осталось только петь,
Взять аккорд и полететь.
Есть обрывок из сна,
Что скоро к нам придет весна,
Что скоро станет веселей.
Но на деле все грустней.

Лето не придет

♪ МЕЖДУ ТОБОЙ И МНОЙ

Автор: Артур Кюль
(Незнакомец, kinoman.net)

Между тобой и мной дуют ветра,
Между тобой и мной встали леса,
Между тобой и мной лежит млечный путь,
А все потому, что ты спишь,
А мне не уснуть.

Между тобой и мной пылает пожар,
Между тобой и мной Гибралтар,
Между тобой и мной раскололась земля,
А все потому, что ты спишь,
А мне не до сна.

Между тобой и мной бушуют моря,
Между тобой и мной не достанешь до дна,
Между тобой и мной две тысячи лет,
А все потому, что ты спишь,
А я нет.

♪ КОТОРЫЙ ГОД

Автор: Артур Кюль
(Незнакомец, kinoman.net)

Который год топчешь асфальт своим ботинком,
Который год попутный ветер
в паруса твои не дует,
Который год ты сломанным веслом
против течения гребешь,
Который год разбит твой компас –
ты от звезд совета ждешь

Который год...
Который год...

Который год круглый год осень,
Который год в пылающей груди зима,
Который год этот мир тебе тесен,
Когда ты пьешь свое вино,
ты забываешь обо всем
Но ненадолго...

Который год трава желтеет под твоим окном,
Который год ты ждешь весну
под проливным дождем,
Который год в пути –
оставил берег, выбрал плот,
Который год ты ждешь,
когда настанет новый год.

Который год...
Который год...

Который год круглый год осень,
Который год в пылающей груди зима,
Который год этот мир тебе тесен,
Когда ты пьешь свое вино,
ты забываешь обо всем,
Но ненадолго...

♪ САМАЯ НОВАЯ ПЕСНЯ

Автор: Артур Кюль
(Незнакомец,
kinoman.net)

Вот вам песня моя
Самая новая,
Свежий мяса кусок,
Из сердца вынутый.
Каплей крови на снег,
Морем слез по подушке,
Песня птиц летит
Под вашу мушку.

Без греха нам с тобой
Скучно жить на белом свете,
Как кусочку свинца
В дуле пистолета,
Как гвоздю в пустой башке,
Как пустой башке с гвоздями.
Песня камнем летит
В пропасть между нами.

Нам ведь всем по пути,
Одного мы все цвета.
Просто зубы остры,
Просто кончилось лето,
Просто нечего ждать
С потолка на рассвете.
Только дым сигарет
Да песню эту...

Вот вам песня моя
Самая новая.
Вот он мяса кусок,
Из сердца вынутый.
Вот он, горло порвавший
Крик мой натуженный.
Эй, песня моя,
Я твой суженный...

From: **Валерий**
 To: @yandex.ru
 Subject: **Виктор Цой**

Было это почти 6 лет назад, мне было всего 14 лет. Как-то один из моих старших товарищей сыграл «Пачку сигарет». Во дворе, на скамейке, как это обычно бывает – на акустической гитаре. Странно, но мне сразу захотелось научиться играть и петь эту песню. Я спросил, чья она, и получил ответ: «Цоя!». Кто такой Цой, я к тому времени представлял, так как еще лет в 8 как-то видел его на сцене, исполняющим «Звезду по имени Солнце», но близко к его творчеством знаком не был. Естественно, мне сразу захотелось послушать его. Мне дали «Группу крови». Я решил, еще даже не слушая, ее переписать.

Потом долго «доставал» родителей прокручиванием этого альбома, пока не выучил все песни. Ощувив недостаток альбомов, я попросил отца найти все альбомы «Кино», какие только можно было найти на Украине. Что он и сделал. Со временем у меня появились все альбомы «Кино», плюс акустические концерты, всевозможные сборники и т.д. Потом начал искать литературу, тексты песен. Почти сразу начал учиться играть на гитаре...

Меня увлекало все больше и больше. Начал искать видеозаписи, сначала «Иглу», потом – концерт в Лужниках, «Последний герой». Не могу сказать, чтоб фильм мне уж очень понравился, но он был о Вите, это было самое главное. А 15 августа 2000 года записал документальный фильм «Звезда по имени Солнце – 10 лет спустя», вместе с концертом в «Олимпийском», который шел следом. Должен сказать спасибо своей маме, благодаря которой я записал концерт. Я не знал, что он будет сразу после фильма. Записал себе и фильм «АССА».

Надо сказать, что родители поначалу холодно воспринимали Цоя и его творчество, но постепенно смирились, и теперь оба слушают «Кино».

Я не хочу называть себя фанатом «Кино», скорее я почитатель таланта. Что же, собственно, привлекает меня в Викторе, в его творчестве? Кем был этот Человек для меня? Честно, не знаю! Дайте подумать... Поначалу мне нравилась музыка и тексты Витиных песен, потом, когда я начал узнавать Витю как человека ближе, мне понравилась его натура, образ мышления, способ общения с людьми. Я начал брать с него пример – носить черную одежду, курить (впрочем, и до этого курил), замкнулся больше в себе... В общем, стал подражать Вите. Конечно, полного сходства я так и не достиг, я просто смешивал в себе лучшие Витины качества, и свои. Стал ли

я от этого лучше? Не знаю, но мне так нравилось. Потом я прочел книги «Кино» с самого начала» и «Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания» и понял, что Витю не стоит идеализировать, понял, что он – такой же человек, как и все мы, со своими странностями и причудами. Это, однако, нисколько не мешало мне оставаться «с Цоем по жизни». Я брал и беру с Вити пример, как в отношении жизни, так и в отношении музыки. Его творчество мне здорово помогает в жизни, я чувствую поддержку в его песнях, музыке.

Вот что мне хотелось бы сказать «киноманам»: «Не пытайтесь подражать Виктору, каждый человек – индивидуален. Будьте самим собой, не создавайте себе кумира, и конечно, слушайте песни «Кино», приобщайте к нему людей, только тех, кто захочет».

From: **Ромик Александров** <vkontakte.ru>
 To: @yandex.ru
 Subject: **Цой**

В классе шестом у меня началось знакомство с группой «Кино». Меня сразу затянуло, я постоянно слушал Цоя, затирав аудиокассеты. Спустя год меня, как полагается, приняли в армию «киноманов». У меня быстро появились все записи «Кино», плакаты на стенах комнаты. Я любил «Кино»: за музыку, за цоевский голос. Но до определенного момента я не вдумывался в смысл Витиных текстов.

Мне было 17 лет, когда я начал не только слушать Виктора, но и читать. Тогда я по-настоящему понял масштаб Его личности. Моя жизнь резко изменилась.

Не могу сказать, что сейчас я просто ангел, но с того самого момента я стал другим. Я стал лучше. Мне стыдно, за то, что я делал. Я был глупым и злым ребенком. Теперь я другой и я благодарен за это Виктору.

СЛУШАЛА ВИТЮ С ДЕТСТВА...

Автор: АННА ТЕРМЕР

Я не смогла пройти мимо этого проекта, чувства переполняют. Не знаю, насколько получится передать словами то, чем я живу. В общем, пусть будет поток сознания...

Витю я слушала с детства, с пеленок, так сказать. У папы всегда была замечательная коллекция хорошей музыки.

Когда мне было лет 9, я, взяв пример со старшей сестры, решила в тетрадку записывать тексты песен. Зачем мне это было, я не знала, но раз сестра это делает, значит нужно. Тексты давались довольно тяжело. Приходилось часто перематывать, вслушиваться в слова, записывать, проверять. А потом пришел папа и минут за 20 написал мне половину альбома, даже не включая кассеты. Наверное, это первое, что заставило задуматься, откуда, зачем и почему папа знает все тексты. Помню, это было нечто вроде потрясения... Конечно, все начиналось исключительно с подражания сестре. Я делала все то, что делала она. К Вите она относилась очень серьезно и я не могла относиться по-другому. Я не могу назвать день и час, когда Цой стал неотъемлемой частью моей жизни, его я впитывала в себя каждый день, с каждым словом, каждой песней.

Как-то папа от соседей принес вырезку из журнала «Мы», 1-й номер 1991 года. К сожалению, успел он «спасти» лишь последнюю страницу статьи. С тех пор мы с сестрой занялись активным поиском этого журнала, но нигде не могли найти. Как-то, придя с подругой домой после прогулки, я застала сестру в слезах. Долго пыталась выпытать, что с ней случилось, но она не отвечала. Тщетными оказались и попытки подруги. Как только мы остались с сестрой вдвоем, она молча протянула мне журнал. Я открыла его, и мир перестал для меня существовать. Я начала читать статью, у меня градом потекли слезы. Сама не могу объяснить, почему... Это не было подражанием сестре. Это было мое настоящее чувство. Сестра посоветовала мне сначала прочесть письма перед статьей. Первый раз я даже не смогла их дочитать... Этот вечер я запомнила навсегда.

Так получилось, что все это случилось за несколько дней до 15 августа, пятой годовщины Витиной гибели. Потом я посмотрела «Иглу», которую показывали в 2 часа ночи. Проплакала до утра. Боль вырывалась из меня безмолвными всхлипами и бесконечными слезами. О Вите я не знала ничего. Кроме той статьи и общей информации перед

фильмом. Это было больше, чем простой фанатизм, больше, чем юношеская влюбленность. Уже тогда я знала, что это серьезное чувство.

С того дня я часами просиживала в библиотеках, выискивая хоть какой-то материал о Вите и «Кино». Когда я оставалась одна в читальном зале, то вырывала странички со скудной информацией. Как-то в одном из журналов, в рубрике «Крик души» я наткнулась на фразу, которая меня очень зацепила: «Все стараются укусить меня за больное. За Цоя». Наверное, с этого момента я и почувствовала необходимость общения с единомышленниками. Я начала перерывать все журналы в поисках хоть кого-нибудь, кто интересовался бы Цоем. Я начала писать письма, но так и не получила ответа. Одно письмо не отправила, и сегодня наткнулась на него. Господи, каким же наивным оно было! Больше всего меня впечатлила последняя фраза в письме: «Если ты захочешь со мной дальше переписываться, я буду очень рада. Я смогу написать тебе кое-что о Вите, у меня есть 5 статей о нем». :) Как же наивно! Но каким необычайным счастьем и гордостью были для меня те 5 статей!

В магазинах я спрашивала новые кассеты, но их было мало. Однажды приехал счастливый папа: привез аж 3 кассеты сразу! Это были альбомы «45», «Ночь» и «Это не любовь». Сколько мы с сестрой тогда просидели, прослушивая их, я не знаю. Очень долго, постоянно перематывая на начало, вслушиваясь в каждое слово, каждую ноту. Так, потихоньку, мы стали собирать доступные нам записи. Я никогда не забуду, как перерывала сотни журналов, обыскивала все магазины в поисках аудио- и видеокассет. Как переписывала фильмы и концерты, какие обуревали чувства, когда я ставила в магнитофон новую кассету, когда мне попадался новый концерт или фильм... Все затиралось до дыр. Я ловила каждый его жест, слово, взгляд, движение. Все кассеты были прослушаны и просмотрены миллиону раз. Без этого было просто не выжить.

Мне нужен был кто-то, с кем можно было поделиться чувствами, поэтому я стала писать... Вите. Это было что-то вроде дневника: письма, записки, обращения к нему. В одной из первых записей я попросила его познакомиться меня хоть с кем-то, кто любит его также, как я. Когда я писала, у меня не было никакой надежды на это. Шесть долгих лет мне было не с кем, кроме сестры, разделить ни боль утраты, ни чувства, ни тяжесть...

Случилась радость: у мамы на работе поставили интернет, и меня периодически пускали к монитору. Это было настоящее счастье: кучу времени я просиживала на сайтах, выискивая статьи, фотографии, воспоминания. О видео тогда еще не было даже речи. И вот, как-то все

перечитав на сайте kinoman.net, я полезла в гостевую книгу. Этого я не делала никогда в жизни, т.к. просто было жалко времени. А тут... Открыла, начала читать и долго смотрела на запись: «Цой жив в наших сердцах!» После 6-летнего одиночества это был глоток свежего воздуха, осознание того, что все-таки есть те, с кем мое сердце бьется в одном ритме. Я смотрела на эту фразу и просто не могла осознать, что это все-таки случилось. Вдруг мама спросила, на что я так засмотрелась, у меня дрогнула рука, и от щелчка мышки вывалилась почтовая программка с адресом. Недолго думая, я написала и отправила туда записочку. На следующий день мне ответил некий Сергей.

У нас началась довольно интересная переписка. Потом он мне позвонил... Первый раз на 53 секунды (сказать, что он не может дозвониться), второй раз – на 40 минут... Так и пошло. В итоге, мы проговорили за лето очень много времени. С каждым его словом, с каждой фразой он становился мне все ближе. Он был именно тем человеком, которого я так долго искала. Он стал для меня искренним и близким другом, а потом... Потом мы решили пожениться, хотя друг друга до этого даже не видели. Да и это было неважно, все было на такой глубине искренности и доверия... Спустя год после того волшебного лета, мы встретились и через полгода поженились. В основе наших отношений стоял, конечно, Витя. Тот, о ком можно просто молчать... Вместе...

21 июня 2008 года мы с мужем наконец вырвались в Питер...

Туда я рвалась с 1995-го, с того момента, когда впервые посмотрела «Иглу». И это нестерпимое желание, непонятно откуда появившееся, сжигало меня 13 лет. Когда мы пролетали над Финским заливом, я пыталась справиться с подступившими слезами.

Когда мы попали на БК, я поняла, почему приехать получилось только сейчас. Появись я там раньше, я бы осталась...

Оттуда очень трудно уходить. Только там понимаешь, что смерти нет. Когда смотришь на эту плиту, понимаешь всю ее несостоятельность, понимаешь, что Витя действительно жив... В каждом из нас. Я видела там абсолютно разных людей: и детей, и бабушек, и солидных людей при галстуках, и тех, кому уже за 50. И в каждом из них жив Витя. Он жив в каждом, кто приехал из разных уголков страны, кому неважны ни границы, ни время, никакие препятствия. Как сказала подруга: «Вот это и есть чудо!» Это действительно чудо, когда ты видишь людей впервые, но ты их давным-давно любишь! Когда стерты все границы, когда не имеет значения ни пол, ни возраст, ни материальное положение. Когда можно поговорить обо всем, не подбирая слов, когда можно

открыть душу и быть собой. Когда на расстоянии в несколько тысяч километров можно чувствовать друг друга. Когда в минуты отчаяния можно знать, что где-то есть друзья. Когда можно просто греться рядом с их горячими сердцами...

Я никогда не перестану удивляться тому, что несмотря на то, что все песни прослушаны тысячу раз, каждый раз, когда включаешь любимые песни – по всему телу мурашки. Будто ток пронзает до кончиков пальцев, разливается грусть, а в сердце снова поднимается боль... Именно в этом и чувствуешь – он живой... Каждая клетка воспринимает его, проносит через себя, впитывает в себя. Такое чувство, что стоишь за стеклом, видишь его живого, чувствуешь даже его тепло, его открытость, его присутствие, и от этого аж дух захватывает, но стекло не дает перешагнуть через эту преграду. Так и остаешься за стеклом, которое никогда не даст прикоснуться, побывать на концерте, поверить в то, что он жив не только в нас... Я постоянно думаю о том, что бы со мной было, если б не Витя. И мне страшно представить, что со мной могло произойти, если б я в свое время «выздоровела от «киномании», как мне многие пророчили... У меня б не было абсолютно ничего! В первую очередь – родных и близких друзей, с которыми не нужно искать слова, которые все понимают, которые всегда протянут руку, если надо – дадут по шее, поддержат или хотя бы просто вместе помолчат. Которым доверяешь с закрытыми глазами даже в каких-то сложных ситуациях, которые не предадут, которые греют просто тем, что они есть. С которыми легче дышать, думать и чувствовать...

Прошло уже 19 лет с того черного 15 августа, но почему-то не становится легче. И вряд ли уже станет. Это невозможно стереть временем или взрослой жизнью, заботами, новыми друзьями, работой или новыми увлечениями. Витя остается навсегда... Каждый раз на годовщину пытаюсь подобрать какие-то слова, но они застревают в горле, и лишь под тихий перебор гитары звучит:

«Моей памяти снится

Мутный дождь и Невский проспект

Знаю – лет через тридцать

Я все так же буду молчать о тебе...» (О. Лехтонен)

СИГАРЕТА НЕ ПОМОЖЕТ...

Автор: Римма Герасименко

Сигарета не поможет,
 Коли горе сердце гложет.
 Десять лет прошло с времен,
 Когда пел о жизни он.
 Жизнь, любовь, звезда, гитара,
 Песня, музыка, полет:
 И, мотором завывая,
 В лоб «Икарусу» идет...
 Тьма пустая. Жутко. Грустно.
 И погас волшебный свет.
 И в душе моей так пусто:
 С нами Вити больше нет:
 Но остались с нами песни.
 И крылатые слова
 Душат, душат мое сердце.
 Как же я еще жива?!
 Я хочу уйти, забыться,
 Почему еще живу?!
 Хочу на землю повалиться
 И ногтями рвать траву.
 Я хочу в бессильной злобе
 Утопиться в мутном рве.
 И я умоляю Бога –
 Пусть возьмет меня к тебе!
 Время лечит? Убивает!
 И о нем напоминает!
 Ветер тихо шепчет имя,
 Голос же листвою звучит.
 Он ушел. Но мы ведь живы!
 В нас Витя вечно будет жить!

Автор: Римма Герасименко

Мир стареет, изменяясь.
 Изменяемся и мы.
 С фотографий, усмехаясь,
 Смотрит он на этот мир.
 И, быть может, осуждает.
 А, быть может, рад за нас.
 Что-то сердце мне сжимает,
 Слезы капаят из глаз.
 Никогда не постареет,
 Вечно будет молодым.
 Спеть никто так не сумеет,
 Как пел он один. Один!
 Почему ушел так быстро,
 В небесах блеснув звездой?
 Его песни стали жизнью,
 Его голос стал мечтой.
 Все уходит, забываясь,
 Так забудемся и мы.
 С фотографий, усмехаясь,
 Смотрит Цой на этот мир.

ТЕБЯ НЕТ

Автор: Анастасия Шевчук

Бешеные молнии рвали небеса.
 Притворившись полночью, я ищу тебя
 Среди снов бессмысленных и бессвязных слов,
 Это шаг осмысленный к бремени оков.
 Ты то появляешься, то пропадаешь вновь.
 Сердце разрывается, закипает кровь.
 Ничего не сказано, выслушано все.
 Мы с тобою разные, это хорошо...
 Образы прозрачные темного стекла
 Кажутся невзрачными, если нет тебя.
 Ты в осеннем облаке проливным дождем,
 Его капли робкие по плечам огнем.
 Ураган забвения, вихри пустоты,
 Камеры слежения в лоне тишины.
 Призрачные сумерки, нежная тоска.
 Притворившись улицей, я искал тебя...

ПОСВЯЩЕНИЕ В. ЦОЮ

Автор: *domira*

Я не знаю, зачем ты на Землю пришел
 И был послан к нам с высоты,
 Но в жизни каждый нашел
 Частичку твоей доброты.

А может, и ушел от нас ты неслучайно
 Туда, куда не ходят поезда,
 Ведь жизнь твоя была глубокой тайной
 И славы твоей не погаснет звезда.

Но только августа темная грусть
 В сердце моем поселилась отныне;
 Твои стихи, которые читают наизусть,
 И твое не забытое имя.

Автор: Анастасия Шевчук

Страшно
 О себе говорить,
 Важно,
 Чтоб не лопнула нить
 Веры,
 Что таится внутри,
 Меры
 От звезды до зари.
 Струны
 Не звучат много лет,
 Лунный
 Пробивается свет
 В окна
 Сквозь туманы годин.
 Смолкла
 Песня ярких витрин.
 Снова
 Я услышала звук,
 Слово,
 Захватившее дух,
 Имя
 Победителя звезд,
 С ними
 Он покинул свой пост.
 Песни
 Не сломают года,
 Вести
 Не доходят сюда.
 Как ты?
 Пусть приснятся в ответ
 Факты
 Незнакомых планет.

ОТКУДА ТЫ, ПЕЧАЛЬ?

Автор: НАТАЛЬЯ МАКСИМОВА.

(«Уральский следопыт», № 3, 1991)

... Словно мне дали под дых.

Было такое ощущение, что стукнули разок, а теперь стоят, наблюдают: что будет делать девчонка, свалится – не свалится, заревет – не заревет.

А я просто уставилась в пространство. Я отупела, пока взмокшей ладонью прижимала к уху холодную телефонную трубку, откуда несся обалдевший голос сестры:

– «...колеса сошли на обочину. Машина шла на большой скорости и сбила ряд оградительных столбиков, прежде чем водитель сумел отреагировать, стал вновь поворачивать «Москвич» на дорогу. При этом его развернуло...» Алло, ты слушаешь? «При столкновении с автобусом «Икарус», двигавшимся навстречу, Цой погиб». Алло, Цой погиб!

Я склонна не доверять газетам, но тут внезапно поняла, что все это серьезно. Сработало какое-то тридцать десятое чувство.

На следующий день позвонили друзья из Москвы: «Слышала? Двадцать восемь лет – мы с ним ровесники были». И минут пять – молчание, ничего не хотелось говорить. Через два дня 16-летнюю подружку милиция отправила в инспекцию по делам несовершеннолетних. Пришлось платить штраф «за порчу государственного имущества», то есть за признание в любви Цою и группе «Кино» на стенах Дворца культуры.

Потом в прессе замелькал поток публикаций с высокими, красивыми, но холодными словами, словно каждый журналист норовил ухватить (или отхватить?) сразу два заячьих хвоста: и дань памяти воздать, и успеть лично засветиться в лучах взорвавшейся и загоревшейся от этого еще ярче звезды. «Мама, мы все тяжело больны, мама, мы все сошли с ума!».

Я не была страстной поклонницей «Кино» и слушала до дыр записи других групп, но... Никак не могу назвать чувство, которое я испытывала к Цою? Уважение? Факт бесспорный, да существительное не то, сухое какое-то. Любовь? Может быть, хотя это слово грозит прозвучать здесь на банальной ноте. Это было та самое чувство, трепетное и болезненное, заставившее вздрогнуть от неожиданно случившегося, от этой дурацкой трагической нелепости.

Не спалось. Не плакалось. Оцепенение...

*Смерть стоит того, чтобы жить,
а любовь стоит того, чтобы ждать.*

... Время прытью скачет дальше от августа 1990-го, и мы живем, мы любим. А все или почти все, что успел сказать нам Цой, постоянно крутится где-то в подсознании, в наших занятых головах. Его песни обладают уникальной способностью – вселяться в человека навсегда, независимо от того, понравились они или нет. И не потому даже, что Цой был талантливым поэтом или музыкантом. Секрет, может быть, в том, что в песнях Виктора – и мы сами, и картинки (скорее, не картинки, а черно-белые фотографии) далеко не цветной нашей жизни. И если не каждый первый, то каждый второй «юный» узнает там собственную информацию.

Целое поколение девчонок и пацанов росло, сажая вместе с ним алюминиевые огурцы на брезентовом поле. И сколько этих самых огурцов еще будет посажено!..

Не потому ли письма в редакцию идут и идут рекой, поток которой не уменьшается?

«Когда думаю, что «Кино» больше нет, я ощущаю, что я одна в этом мире. Я жила песнями Цоя, они были для меня девизом, целью и, главное, смыслом жизни». Галина Молодцова, г. Карталы.

«Я не фанатка, я просто любила песни Цоя. Жизнь пугает меня. Такой человек погиб. Уж лучше бы я оказалась на его месте. Почему Бог так несправедлив? Нам так нужен Виктор! Алина Ш., г. Тимашевск.

«Огромная просьба: напишите про Виктора Цоя, талантливого поэта, музыканта и просто хорошего человека. Или хоть стихи его напечатайте». Вячеслав Бондаренко, г. Киев.

Такое впечатление, что наш урбанизированный, задыхающийся мир-уролдец в страшной сутолоке, где «снова бой каждый сам за себя», потерял один из своих последних, по-настоящему одухотворенных человеческих ликов, хватился его, подслеповато щурится по сторонам – да поздно, брат, вот какая штука...

А потом придет она.

«Собирайся, – скажет, – пошли, отдай земле тело».

*Ну а тело недопело чуть-чуть,
ну а телу недодали любви.*

Странное дело.

Там, за окном, сказка с несчастливym концом.

Странная сказка...

Сигарета в руке, чай на столе. Действительно, схема предельно проста. И газ синим цветком горит. Я сижу на кухне, маленькой, задри-

панной, но вполне уютной, «смотрю в чужое небо из чужого окна» и пытаюсь вспомнить, когда впервые услышала «Кино». Пожалуй, осенью 1985 года, когда стала студенткой университета. «Ты выглядишь так несовременно рядом со мной» – один молодой человек просто достал меня этой фразой, тем более, что рядом с ним я смотрелась действительно трущобной провинциалкой, свихнувшейся на Макаревиче и «Воскресении» в то время, когда все молились на БГ. Потом началось повальное увлечение «Кино». Но (необъяснимое дело!) на Цоя никто не молился. Цоем просто жили и дышали.

Я один, но это не значит, что я одинок.

Песни Цоя. Наверное правильное сказать, песни «Кино», но ведь тексты написаны им – с виду простые, без псевдоинтеллектуальных вывертов, песни, которые были нам так понятны и близки, которые мы постоянно слушали или напевали. И закодированные символы расшифровывались с налета. Чай – тепло человеческого общения, согревающее душу. Ночь – понятие и принятие одиночества как естественного и нормального состояния человека, как данности от природы. Дождь – извечный «зов в дорогу», не отпускающая, необъяснимая грусть, тоска от невозможности уберечь или уберечься от жестокостей и несправедливости жизни.

*Битые стекла. Рваные брюки. Скандал.
К черту зонт! – теперь уже все равно.
Танец и дождь никогда не отпустят тебя,
в их мокром объятии не видно родное окно.*

Он был из тех, немногих людей, кого не мог подкупить бытовой уют как самоцель. Он тянулся к теплу духовного сопереживания и бежал от гримасничающей фальши. «Закрой за мной дверь, я ухожу...» И опять «странный стук зовет в дорогу. Может, сердца, а может, стук в дверь».

При этом как он сам где-то говорил, песни любил писать дома. Оказывается, чтобы быть странником, бродягой, скитальцем совсем необязательно в прямом смысле «уходить», куда-то рваться, с кем-то биться...

Он не желал бессмысленно «воевать без особых причин», он пытался жить по другим законам и – упал, «опаленный звездой по имени Солнце».

А я? А мы?..

В позапрошлом году – спасибо хозрасчету – группа «Кино» выступала в Свердловском дворце спорта. Я собиралась из интереса, а заодно и по

долгу службы, прошмыгнуть за кулисы в поисках интервью с Виктором. До сих пор не знаю, что больше повлияло на перемену моего решения: то ли давка бесчисленных поклонниц, то ли измочаленный вид Цоя; в общем, я плюнула и пошла в раздевалку, решив отложить беседу на другой раз. Я не знала, что другого раза никогда не будет...

Но что же я, да и все мы, разнылись? Галя Молодцова, ради Бога, только не делай глупостей! В конце концов, «смерть стоит того, чтобы жить». Чай допит, сигареты кончились вместе с талонами на них.

Одеваюсь и выключаю свет. Куда? Вперед, и – выше нос!

Темные улицы тянут меня к себе.

Я люблю этот город, как женщину из Икс...

И не надо возводить Виктора Цоя в великомученики. Когда же мы, наконец, отделаемся от привычки сколачивать людям гробы при жизни и щедро раздаривать памятники после смерти?.. Не лучше ли вместо суеты спросить себя о том, о чем Цой спрашивал постоянно:

*Дом стоит, свет горит,
из окна видна даль.*

Так откуда взялась печаль?

ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ И СЛОВА

Что-то действительно было неординарное в этом человеке, в его лице, глазах, жестах, манере исполнения своих песен, словом, на сцене он имел свой почерк, индивидуальность, свое лицо. И я согласна, что есть люди, которые обладают какой-то силой, энергией, которая очень сильно притягивает к себе. К этим людям относится, по моему, не только Виктор Цой. Все, что было достигнуто им в его недолгой жизни, заслуга его, без всякой «спины» и поддержки в искусстве.

А мне приснилось – миром правит любовь...

Ведь просто и гениально. Человек жил в Ленинграде, работал в кочегарке, но не растратил себя по пустякам и мелочам, не потерялся в серой обыденности дня, как многие.

Он был для нас человеком из реального мира со всеми своими достоинствами и недостатками. Он писал про нашу повседневную жизнь, обыденность, серость и даже безразличие.

Думаю, что Виктор чувствовал, что рано умрет, ведь большинство его песен были фатальными, роковыми...

Мне очень приятно читать и слышать, что Виктор Цой был человеком чести и слова. Человек, сочинивший такие правдивые песни, без капли фальши, наверное, и не мог быть другим. Он спешил жить, жил, как мог и старался жить на всю мощь...

Е. Сычевская

**«Молодежный курьер»
(Гродно), 5.10.1991**

ЦОЮ

Автор: Сергей Гуров

Пронзает небо солнца луч,
И освещает Солнце землю зла,
Но все же может выйти из-за туч,
Лишь ради тех, кто ждет тепла.

Согрей нас, Солнце,
Ты проводник великий наш
Мы дети света и тепла,
Мы дети горя и добра...

Теплом своим ты разбуди в нас милость
И растопи ты льдины зла,
Навеки ослепи ты мерзкую рутину
И, если можешь, помоги детям тепла!

Согрей нас, Солнце,
Ты проводник великий наш.
Мы дети света и тепла,
Живем пока душа светла...

ПАМЯТИ В.ЦОЯ

Автор: А.П. Довченко

Давайте поднимем бокалы
За тех, кого с нами нет,
За тех, кто ушел, чтоб остаться,
Давайте потушим свет.
Пускай лишь свеча и сигарета
Мерцающий блик нам шлет,
Давайте минутой молчанья
Почтим того, кто поет
Нам в снах. Ведь мы были вместе
И думали, что «игра»,
Что рок остается навечно.
Иначе решила судьба...
Давайте выпьем ребята
За тех, кому август принес
Последний рассвет и последнюю дату,
Кого у нас август унес.
чай, сигарета, гитара –
Ты с нами, последний герой.
Ведь мы в его песнях буквы,
Мы были и при жизни с тобой.
Ты выбрал обителью август,
Оставив нам грусть и тоску
Ты в вечность вселился, в память,
Исполнив свою мечту.
А мы... Давайте выпьем, ребята,
За тех, кто у нас в крови.
Давайте споем под гитару
О вечности и о любви.

Автор: Кнопка

Мечтать о том, чего не будет никогда,
Просить того, чего никто не в силах дать,
Жить с вечной тяжестью в груди и, как всегда,
Идти вперед, но бесконечно отставать.
Кричать и звать, но знать, что не услышат,
Искать везде, но знать, что не найдешь,
И песен ждать, но их никто не пишет,
И истину искать, когда кругом лишь ложь,
И жить, мечтая о небесном свете,
Когда на небесах не видно звезд...
И так года проходят и столетья,
И нет ни чувств, ни музыки, ни слез...

Но будет Кто-то, кто однажды скажет,
Что хватит жить без песен и стихов.
И этот Кто-то новый путь укажет,
И за собою к свету поведет.
И мы пойдем, отбросив все, что было раньше,
И мы поверим в истину и свет,
И мы разрушим мир из глупости и фальши,
И воскресим мир умерших надежд...

Но вдруг однажды, этот самый Кто-то
Покинет нас и канет в никуда,
Исчезнув навсегда за поворотом,
Где жизнь и смерть играют в «нет» и «да»
И он уйдет, затмив сердца печалью,
И только одинокая звезда
Над сумрачной и вечно черной далью
О нем оставит память навсегда.
И в наших душах отзовется что-то,
И, глядя на звезду в промозглой тьме,
Мы будем ВЕЧНО ПОМНИТЬ ЭТОГО КОГО-ТО
И ВЕЧНО СЛЫШАТЬ ЕГО ГОЛОС В ТИШИНЕ.

From: **Алексей**

To: @yandex.ru

Subject: **Пишем книгу о Викторе Цое**

Писать я не умею: написал за всю жизнь только одно сочинение (остальные списывал), а да и ладно, как получится, так и будет. Мне просто очень понравилась идея написания книги.

Я такой же человек, как и многие, кто считает любит творчество Цоя и группы «Кино». К этому выводу я пришел после общения с людьми, которым нравятся песни, стихи и сама жизнь великого, не побоюсь этого слова, человека, Виктора Цоя. Общение с ними было настолько легкое (а сам я такой человек, я с трудом нахожу контакт с людьми), что мне хотелось проводить с ними все свое время. Это наводит на мысль, что мы (я и люди, с которыми я общаюсь) очень похожи.

Пожалуй расскажу, с чего все началось... Появился у меня друг Саня, жили мы рядом, ходили вместе в школу и из школы, гуляли постоянно. Он слушал Цоя. Поскольку я с ним дружил, я заинтересовался. Он рассказал, что был такой человек, как Цой, что ему хочется создать группу. Сказал также, что если я хочу играть в его группе, то я должен выучить фрагмент одной песни:

*Каждому яблоку место упасть,
Каждому вору возможность украсть,
Каждой собаке палку и кость
И каждому волку зубы и злость.*

Он написал их мне на бумажке, и всю дорогу к школе я их учил. Дойдя до места, я уже все помнил. Я спросил у Сани: «Есть у тебя кассета то Цоя, или ты так просто услышал песню где-то и передо мной решил похвастаться?» Он ответил, что есть и не одна. Просто у него старший брат слушал Цоя, а Саня продолжил дело брата. К тому моменту у него было 3 кассеты: «Начальник Камчатки», «Ночь» и «Звезда по имени Солнце». Я забрал кассету со «Звездой по имени Солнце» домой. Прослушал ее подряд раза 3 или 4, она мне очень понравилась. На слова я почему-то внимания не очень обращал, зато музыка была превосходная. Больше я у него кассет не брал, зато начались мои регулярные походы по магазинам в поисках кассет «Кино». Потом, после неоднократного прослушивания песен, я начал вслушиваться, вникать в их смысл. Я подумал: ну, не может такого быть, чтобы в одном альбоме все песни были превосходными, а в другом – ни одной хорошей! И решил купить себе следующий альбом. Купил «45». И он мне понравился. С этого и началось мое

коллекционирование альбом группы. Наверное, это и было мое первое знакомство с Виктором Цоем.

В классе 7–9-м начался уже другой этап моей жизни. Я узнавал о Цое больше, ходил по библиотекам, искал старые газеты, разные рок-энциклопедии. Читая все это, я наталкивался на упоминания о других людях, других группах. А. Рыбин, БГ и «Аквариум», Кинчев и «Алиса», Майк Науменко и «Зоопарк»... Много о ком я еще узнал. Мне стало интересно. Я приобрел какой-то сборник, в котором были и «Алиса», и «Аквариум». Правда, «Зоопарка» не было, но его я взял у кого-то послушать (на тот момент у меня появилось уже много друзей, слушающих русский рок). Ну, мне понравилось то, что я услышал. Так Цой меня познакомил с русским роком, он буквально ткнул мне пальцем на те группы, которые я должен послушать. С этого момента я стал поклонником русского рока. Я стал меломаном, как сказал Костя Кинчев. Но все же самым близким для меня было и остается «Кино». Песни этой группы я мог слушать часами и в любое время: и когда ел, и когда делал уроки, и даже когда смотрел телевизор...

From: Эрнст Хафизов <@mail.ru>

To: @yandex.ru

Subject: Про книгу поклонников Цоя

К сожалению, к моменту смерти Виктора Цоя, чье имя каждый поклонник его творчества может произнести с гордостью, многих из нас не даже на свете еще не было. Например, мне всего 12 лет, почти половину из них я потратил, собирая все записи группы «Кино». К сожалению, я родился уже после его смерти, но все равно мне безумно нравятся его стихи, проза и песни! «Кинomanы» находят в песнях Виктора Цоя мудрость и ответы на их вопросы, которые не даст им самый опытный психолог. Очень жаль, что этой легенды уже нет» – говорят некоторые. Но хочу вас заверить: Виктор Цой всегда будет здесь. Частичка его духа есть в каждом из нас. Да, может физически он и умер, но зато духовно Виктор Цой бессмертен. Он всегда рядом с нами. Он будет жить вечно!

Виктор Цой жил, жив, и будет жить!

ПЕРЕУЛОК, В КОТОРОМ ЗАЖИГАЮТ СВЕЧИ

Автор: ИРИНА СТЕПАНОВА

(Нижний Новгород – Казань. «Вечерняя Казань», осень 1990)

Над ночью плывет голос Виктора Цоя. Он пробивается сквозь свинцовую морось, волною до боли знакомых звуков обволакивает старинные стены кремля, центр Нижнего Новгорода – улицу Свердлова. С приходом ночи страсти на Свердловке утихают. Асфальтово-железобетонный зверь умирает до утра. Лишь одна клеточка его измученного организма жива. Там горят свечи, там собрались люди, там звучит знакомый, чуть с хрипотцой голос. Каждый день и каждую ночь. С тех пор, когда однажды на Свердлова пришли две подруги. Они обе любили Цоя, обе верили его песням, обе не могли поверить в его смерть. Они свернули в одну из арок и на грязно-желтой стене угольком вывели:

Хочешь ли ты изменить этот мир?

Встать и выйти из ряда вон...

А потом туда пришли люди, для которых эти строки – главный закон и главный вопрос жизни. Сегодня это их дом и их храм. Имя ему: Переулок Виктора Цоя.

Я приехала в Нижний, чтобы повидаться со старыми друзьями. Они-то мне и рассказали о переулке. Честно говоря, не хотелось идти туда. Имя Цоя сейчас затаскано и обмусолено помпезными поминаниями и конъюнктурными оплакиваниями. Я забрела сюда случайно.

Голос Цоя из динамика. Его портрет на стене. В глубине арки – прыгающие отсветы свечей и живые цветы. Рядом стоят, сидят на ящиках или просто на корточках ребята. Один обращается ко мне: «Что, погреться пришла?» И подставляет ящик: «Садись!» Я немного теряюсь.

– Да, нет, я посмотреть.

– А-а, – понимающе тянет он. – Обычно в такое время года приходят те, кому одиноко, приходят, чтобы поговорить, послушать Цоя, в общем, душу погреть. Ну что же, тогда пойдем смотреть.

Мы берем по свечке и прячемся от мокрого снега под своды арки... Все стены сверху донизу исписаны. Мелом и помадой, шариковой ручкой и краской. «Питер... Мински... Горьковская область... 10 лет, 18, 42 года». Слова признания, которые не довелось сказать ему при жизни, и вопросы, на которые никогда уже не получить ответа. И ни одного ругательства: не поднимается, видно, рука на святое. Подношу свечу ближе и читаю приклеенные к стене листочки. Здесь – немногие интервью с Виктором, с Марьяной Цой, собранные по крупицам из

различных изданий. Над ними крупными буквами: «Не дадим заляпать грязными пальцами слухов и домыслов его чистую судьбу».

Возвращаемся к народу. Гитара в чьих-то руках ненавязчиво подыгрывает магнитофону, идет неторопливый разговор.

– Мы сегодня тут весь день тусовались, дежурили. Кассеты меняли, смотрели, чтоб ничего ветром не сорвало. Бабушка одна приходила, маленькая такая, сухонькая, в платочке. Долго сидела на ящике, прислушиваясь к песням, к разговорам. Потом поднялась, вздохнула тяжело: «Не знаю, сынок, как звали его, но, видно, очень хороший был человек, раз Бог его так рано к Себе взял. А на земле-то ему, думаю, плохо было, уж больно грустно поет».

– А помнишь, девчонка вечером смеялась нам в лицо: «Ненормальные, зачем все это сейчас – слова, портреты? Все кончено: его уже нет и не будет. Зачем только жить теперь, когда его нет?»

– Ты знаешь, я до сих пор не могу поверить, что он ушел навсегда. Мне кажется, он накинул черный плащ и просто вышел в ночь погулять под дождем. Вышел ненадолго и даже не закрыл за собой дверь. И она раскачивается сквозняком подъезд, скрипит несмазанными петлями. Жутко. И одиноко. Но он скоро вернется, обязательно. И сыграет нам на струнах своей белой души. Человек в черном...

– Так что же вы ответили той девушке?

– Мы потеряли так мало – его тело. С нами осталось так много – его песни. Не каждый ответит сразу, зачем жить. Но я твердо знаю, зачем этот Переулок существует и зачем мы здесь. Видишь, сколько здесь свечей? Каждый день сюда приходят те, кто помнит Цоя, и зажигают по одной. Великая истина: Человек жив столько, сколько о нем помнят. И пока здесь горит хоть один огонек, Виктор жив, он среди нас, в нашей памяти, в сердце.

Отсыревшие спички не зажигались. Я ломала их одну за другой. Наконец, сине-желтый язычок пламени коснулся фитиля. Я зажгла свою свечу.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор: К. Федоренко

Перекресток черных бед и невзгод
Улыбнется и крикнет «привет!».
После смерти моей прошел год,
Зима терлась, оставив вам след.
А судьба сыграла, но не прошло.
Этот день оказался не мой.
Солнце красное молча зашло
И я умер еще молодой.
Попрощайся со мною,
звезда по имени Солнце.

И не страшно совсем умирать,
Коли знаешь, что все еще жив.
И я верю, ты сможешь сказать,
Когда громко ударят часы.
Ты найдешь для себя свой закон
И отдашь свое счастье другим,
Вдруг почувствуешь теплый патрон
И умрешь ты совсем молодым,
Предсказав этим гибель
звезды по имени Солнце.

ЦОЙ

Автор: Гиль О'Тина

Струна дрожала, билась в боли
Под голос с темной глухотцой.
Она звала нас из неволи,
О нас пел песни Виктор Цой.

Мы молодые, мы живые,
Как мы хотели перемен!
Но сокращали жизнь кривые
Пути, нам данные взамен.

Кассета старая играла –
«О, это Цой», шептали вы.
А поднятые руки зала?
Они всегда были правы.

Но вновь кривые повороты,
И вновь певец лежит немой.
Не ляжет новый стих на ноты
И не вернется он домой.

Ах, август, что же ты наделал?
Как много боли ты принес.
Ты в жертву взял не только тело,
С дождями слилось столько слез!

Горящих свеч и черных рамок
Не счесть по селам, городам.
Он строил свой хрустальный замок,
Теперь он вечно будет там.

Цой умер, вот какое дело.
Но только, что для Цоя смерть?
Она взяла лишь только тело,
За Цоем смерти не успеть.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор: Oriole Gin

Замерзшие пальцы гитарную рвали струну,
Вопрос «Почему?», ответ на который дан не был,
Минорным аккордом со звоном упал в пустоту.
Оставив земные дела, Бог вернулся на небо.
Зайдя ненадолго в унылый и призрачный мир,
Сорвав паутину безмолвия сильной рукою,
Он часть своей вечности нам подарил и погиб,
Легендой воскрес и на небо вознесся звездой.
По небу плывут облака, закрывая светило.
Тебя уже нет, а на грешной земле все, как прежде:
Блуждаем с цепями в руках, задыхаясь от дыма,
А в сердце остались лишь вера, любовь и надежда.
Вся жизнь – это грубая драка без права на отдых,
В ней долгие годы не видим мы солнечный свет,
И мы позабыли, как к берегу катятся волны,
Как брезжит рассвет за окном... Тебя уже нет.
Но сказано было тобою бессмертное «Верь!» –
И сотни сердец, не знающих сна и покоя,
Как в Бога поверили в вечно живую легенду,
И в музыку волн, и в весну, и в песню прибой.
Какое нам дело до шумного, грешного мира?
И пусть говорят, что мы безнадежно больны.
Мы верим звезде ушедшего рано кумира,
Он нем, но мы слышим его и мы этим сильны.
И снова гитара аккордом пронзит тишину,
Мы будем петь песни и пить из бокалов вино.
Так будет всегда – нам не в силах никто помешать.
Наш Бог – Виктор Цой, а образ всей жизни – «Кино»!

ПЛАКАТЫ УЛЫБАЛИСЬ

Автор: ЕКАТЕРИНА СЛАУТА

Однажды утром мне стало страшно. Страшно за то, что я деградирую, что так и не добилась поставленной цели. У меня опускались руки... Вообще я сейчас нахожусь в том нежном возрасте, когда «тебе уже не 15, но еще не 18». Пора юношеского максимализма, когда мир начинает раскрываться в полной мере, все кажется новым, неизведанным, и ты, еще не оперившийся птенец с широко раскрытыми глазами, на слабых крылышках уже мчишься к заветной Мечте. Но что-то должно направить тебя на правильный путь, подтолкнуть. В огромном океане желаний и исканий должен быть некий маяк.

Для меня таким маяком был Виктор Цой. Был и остается. Я человек творческий (все мы «творческие» в этом возрасте!). Учусь писать. А Витя вдохновлял меня, вносил в голову новые замыслы, дарил идеи. Но однажды мне показалось, перестал... Тем самым утром, когда я проснулась и стало страшно. Если перейти к терминологии, то вы, конечно, знаете, что такое тромб? Плотный сгусток, образующийся в кровеносном сосуде, препятствующий движению крови. Так вот, такой «сгусток» образовался во мне. Нет, не в кровеносной системе, – я была здорова. Появился тромб, душивший все мои идеи. На улице лето, солнце, самое время для творческого полета, а у меня на столе пустая тетрадь и ручка рядом. Лень? Нет. Внутри уже давно зрело желание сделать что-то действительно стоящее, из ряда вон выходящее. Это «что-то» хотелось посвятить ему, Вите. Но ничего не получалось. В тетрадных клеточках рассеивались бессвязные слова, пустые, ничего не значащие, уже миллион раз до меня сказанные... В моей комнате висит несколько плакатов с изображением Вити. Я подходила к ним и извинялась... Максималистка до мозга костей, привыкшая всегда и везде быть первой, а на деле ничего собой не представляющая. Ничтожество. Пустое место. Бездарность. Так я прожила неделю, неделю «хождения по творческим мукам», с чувством полной безысходности, ожидая чуда, какого-то знака свыше, который вселит уверенность и вернет к полноценной творческой жизни. И дождалась...

Уже в который раз легла спать в плохом настроении, взвинченная. Всю ночь снилась какая-то белиберда. А чего ожидать после просмотра фильма ужасов на ночь глядя?... Под утро я оказалась в совершенно незнакомом кинотеатре. Это даже трудно назвать кинотеатром: голубое небо, пегий ковер из выжженной травы, а вокруг лес с сочными молодыми деревьями, ободранные старые скамейки, на которых сидели незнакомые люди, устремившие взоры на большой экран, почему-то

висевший в воздухе... В общем, довольно странное местечко. Я была одна. Но постепенно в толпе зрителей, мало занятых фильмом, а что-то бурно обсуждающих, я стала узнавать старых знакомых и друзей, которых уже лет сто не видела... Внезапно взгляд задержался на молодом парне, ему на вид было лет двадцать с небольшим. Лицо его казалось до боли знакомым, словно лицо давно забытого друга, оставившего о себе теплые воспоминания, всплывающие только в момент неожиданной встречи. Как сейчас...

Меня словно магнитом повлекло к краю поляны, то бишь, «зрительного зала», где сидел этот молодой человек. Я решилась подойти (может, он меня вспомнит?). «Привет!». В ответ он дружелюбно улыбнулся, взял мою руку, и мы пошли. Куда-то в лес. Остановились на плешивой опушке, окруженной высокими деревьями, в клетку которых, глубоко в лес, ускользала узенькая тропинка. Мы присели на полусгнившую скамеечку и долго о чем-то говорили. По-моему, я рассказывала о своих проблемах, о сложившемся комплексе неполноценности, о потере уверенности в себе, о страхе, что это не пройдет... Он ничего не сказал – только улыбнулся, и сразу стало спокойнее. Он вообще мало говорил... Потом произошла очень странная вещь (как это обычно бывает в снах). Откуда ни возьмись проехала машина, здоровый такой грузовик, и водой окатила моего спутника с ног до головы. Странно, но на меня не упало ни капли, хотя стояла рядом. И тут... у меня чуть не остановилось сердце, увидев, как он посмотрел вслед той злосчастной машине. Резко повернув голову, не со злобой, с какой-то решительностью бросил искрящийся взгляд на удаляющийся грузовик, а, может, просто в перспективу тропинки, которая внезапно разрослась до пределов дорожного шоссе... Что тут особенного? Почему вдруг сердцу стало тесно в груди, и оно забарабанило, пытаясь вырваться из тесных оков? Да потому что посмотрел этот парень точно так же, как Витя в фильме «Конец каникул», в тот самый момент, когда его герой, сидя в кафе, не выдержал тупых бытовых бредней своих знакомых, сорвал себя майку, взлохматил волосы (плевать на эстетику моральных уродов!), схватил гитару, решительным шагом направился к выходу, а потом вдруг остановился и обернулся... Как будто вырезали кусок фильма и вставили в мой сон! И тогда я словно начала пробуждаться после долгой амнезии, мозаика памяти стала собираться в полноценную картинку. Стала осознавать, почему лицо моего спутника кажется таким знакомым, почти родным. Он напоминал мне Витю: те же волосы, те же глаза, те же скулы... Не просто напоминал, а был очень-очень на него похож. Захотелось обнять, я робко к нему прижалась. И стало тепло-тепло... А потом он сказал фразу, единственную, которую я запомнила, но по-

сле нее сердце забилося еще сильнее: «Сколько мне? Уже за сорок... А чувствую себя на двадцать, все такой же романтик...» За сорок?! Но ведь ему на вид не больше двадцати пяти!.. Я уже не сомневалась, что передо мной стоит Витя. Витя Цой...

Он снова взял мою руку и повел обратно на поляну с экраном, парящим в воздухе. Когда мы вернулись, вход был загорожен какой-то здоровенной лавкой. Он сказал: «Смотри», – и в один миг преодолел препятствие. Я даже не поняла, каким образом: не перешагнул (она была слишком высокая), не сдвинул с места, а словно прошел сквозь нее... Прощел и продолжал идти, не оборачиваясь на мой зов. Я недоумевала: неужели я вот так расстанусь с ним, не успев столько рассказать, столько поделиться, я ведь так долго ждала этой встречи! И виной этому будет какая-то проклятая лавка! Витя, подожди! Я билась с громадиной, но она не пропускала: не было ни единой щелочки, в которую можно протиснуться, ни одного выступа, чтобы перелезть! Мне никогда не приходилось испытывать такого отчаяния, такой беспомощности. Но продолжала биться, толкать, бороться... Не знаю, как, но с помощью невероятных титанических усилий я всю свою ненависть вложила в последний удар, и лавка поддалась, чуть сдвинувшись с места. Образовался узенький проход, через который я лихо перемахнула в страхе, что он снова задвинется...

Очутившись наконец в зрительном зале, я стала глазами искать Витю. Нет, нет, не он, нет, опять не он, откуда-то мама, радостная такая, улыбается... Витя! Из последних сил я рванула к скамейке на краю поляны, на ней лежал он. «Витя! Витя! – кричала я, а он меня будто не слышал, продолжая недвижимо лежать, запрокинув руки за голову, и смотреть в небо, – ты меня, наверное, уже не помнишь. Сколько таких, как я... Но я так рада снова тебя видеть!.. Витя! Витя!» Не слышал. Смотрит в небо и улыбается...

Я проснулась. Открыла глаза, взглянула на стену... и чуть не упала с кровати... Плакаты улыбались... Я протерла глаза, сильно-сильно, снова посмотрела на стену. Плакаты стали прежними. Показалось?.. В бешеном возбуждении, шокированная, несмотря на ранний час, схватила тетрадь и стала быстро строчить, по кусочкам собирать сон, чтобы никогда его не забывать. На страницу падали слезы, размазывая буквы и смывая чернила. Слезы радости, ведь он никогда еще не приходил ко мне во сне...

Ну и что? Зачем я это рассказываю? Обычный бредовый сон, самый заурядный, плод перегруженной психики и расстроенных нервов? К чему это все? Крик души. Вот в чем дело. Просто не могла молчать, хотелось поделиться... Совпадение или нет, но именно после этого

сна что-то изменилось... Сейчас, по прошествии времени, все проанализировав, начитавшись сонников, я думаю, что здоровая лавка во сне и есть тот самый «тромб», пробкой затыкающий замыслы, отчего они задыхались и умирали. Лавка сдвинулась, и тромб тоже... Нет, он не исчез совсем, не рассосался окончательно. Из головы, как из рога изобилия, не полетели гениальные идеи, а из-под пера не родилось ни одной действительно стоящей вещи. Но вернулась уверенность в себе, а Цель, затуманенная было комплексом неполноценности, снова приобрела четкие очертания. И теперь я смело к ней иду. Все еще впереди... Причем все-таки здесь сон? Вы не верите? Что ж, проще отрицать и отгонять все мистическое, чудесное и, порой, необъяснимое. А я верю. Но не призываю никого к тому же самому, не хочу читать нравоучений. Знаю, как бы ни старалась, многие так и не раскроют глаза, останутся равнодушными. Я хочу лишь одно сказать: Витя, спасибо!..

Стихи – душа. Стихам можно верить.

Он как-то исподволь и тихо, намеками, не ясными даже самому себе, начал прощаться с нами в «Группе крови». «Закрой за мной дверь, я уйду». Он спел, а мы не поняли... До августа 1990 было еще так далеко. Он, должно быть, и сам не все понимал, но все уже было предreshено. Один наш общий знакомый после долгих странствий вернувшись домой, обронил: «Я не пишу стихи. Просто передаю то, что передается мне оттуда». Жутковато осознавать, особенно после того, как все уже кончено, и все же: Его альбомы стали намного круче, как только появились знаки ухода. Никто еще так основательно, так тщательно, обстоятельно не прощался с этим миром, уходя из жизни. Какие могут быть сомнения: «Звезда по имени Солнце» – лучшее, что Он нам оставил. Нельзя найти в отечественной рок-истории альбо-

ма более цельного, более завершенного. Но к этим текстам сейчас, когда два года, как они написаны и год, как Его нет, невозможно прикасаться без содрогания и особой боли, особой потери. Они – прощание, столь ясно осязаемое, словно присутствуешь при последних сборах в иной мир дорогого тебе человека и сделать уже ничего нельзя. Он собирается из этой жизни аккуратно, тщательно. Оплатив долги, дописав письма, убрав жильё, разобрал одежду, сделал все по хозяйству, простившись с кем необходимо и должно проститься, надев свежую рубашку, тщательно выбрившись и почистив зубы... Все. Он сделал все в это мире. Надо уходить. Время уходить. Ему нечего делать на этой Земле. Он «не помнит слова «да» и слова «нет». А мы – помним. И потому Он «способен дотянуться до звезд, и упасть, опаленным звездой по имени Солнце». А мы – нет! «Пора, пора». Это не нам, это – Ему.

Это Он все сделал. Он собрался. Он ждет. «Пора, пора». Но что-то сломалось, разладилось в космосе. Какая-то вышла заминка. Досадливая заминка. Приходится сколько-то ждать. И так, больше по инерции, чтоб хоть чем-то занять себя в этом ожидании, пишется еще. Последнее. Самое последнее – нам, неспособным дотянуться: «Следи за собой, будь осторожен. Следи за собой». А что мы еще можем... Ни-че-го. Мы – среда. Стадо. Он – Личность. ПОЭТ. Мы верны Ему, мы скорбим о Нем, болеем о Нем не оттого, что ушел человек, который просто понимал нас и выражал то, что мы, косноязычные, оформить музой не умеем. Подознательно мы ощущаем: все гораздо сложнее и трагичнее. ПОЭТА не стало. ПОЭТ ушел. Многие души осиротели. Что может скорбеть и болеть сильнее осиротевшей души...

Н.Х. «Кайф», № 4, 1991.

Андрей БУРЛАКА, музыкальный критик, Санкт-Петербург:
«КАШИНСКИЙ» Ник, а значит, закончилась эта
... ..

♪ СТЕНА ЦОЯ

Автор: Алексей Караковский

Братство по крови – пути знакомства по фенькам
на десятом ладу,
помнишь, как вдруг остановилась история
в девяностом году?
Рожденный беспризорником, не зная пути,
ты слушаешь свой рок – а, значит, можешь идти
на стену Цоя!

Дети окраин всегда остро чувствуют тех,
кто прикроет собой,
только не вздумай ослабить внимание,
жизнь – это уличный бой.
Нам некуда идти, и отступи хоть на шаг
почувствуешь, как вдруг упрутся чей-то кулак –
об стену Цоя!

Волки сходятся в стаи,
с неба слетаются птицы,
звери выходят из леса,
мы возвращаемся в город,
мы возвращаемся в город!

Может быть, летом белые ночи наступят,
и будет наш час,
мир хоть на малость, но станет взрослее
вечно не выросших нас.
Сколько их было, голодных волчат,
тех, что позвал напоследок Арбат
на стену Цоя!

* * *

Автор: Lain Assman

Мы дети улиц, дети дорог.
 Мы вместе, но каждый из нас одинок.
 В наших венах горячая кровь,
 Мы редко спим и не видим снов.
 Нам не нужна иллюзия прав,
 Мы не желаем учить ваш устав.
 Ваши законы – они не для нас,
 Вся наша жизнь – здесь и сейчас.
 Нам нужен риск и адреналин,
 Мы ненавидим неон витрин.
 Наша свобода – в наших руках,
 нам не знакомо понятие «страх».
 Мы родились под песни «Кино».
 Нас много, но сердце у нас одно.
 Нас согревает пламя костра,
 Вся наша жизнь – игра...

* * *

Автор: Роман Третьяков

Я не устал писать на стенах, что он жив,
 Я не устал от его песен.
 Я не устал читать его забытый стих,
 И не устал искать какой-то новый смысл.
 Я не устал, как он не уставал
 делиться с нами даром песен.
 Он для таких, наверно, и играл,
 Звезда. Который никогда не уставал.
 Который так хорошо нас понимал...

Ты Был Один...**Автор: Ирина Чередниченко**

Ты был один на поле для сражений
 И не искал союзников себе.
 Ты знал свой Путь и свято верил,
 Что есть еще надежда на земле.
 Но не хватает времени ответам,
 Порой не хватит жизни, чтоб найти
 Всего одну мечту, в которую ты верил,
 И вот пришла пора Тебе идти.
 Идти искать в других мирах ответы.
 Твоей дорогою стал Млечный путь...
 Ты знай, что ты не одинокий
 И, Твои песни Ангелы поют.
 Ты стал для нас Благою вестью,
 В тебе находят одинокие приют.
 Своей любовью Ты нас согреваешь
 И твои песни много лет живут.
 Живет твоя любовь, твоя надежда,
 Мы, верим, что придет пора,
 Когда взойдет посеянное семя
 И загорится новая звезда!

От: **Юлька Кардакова** <@arcor.de>
 Кому: <@yandex.ru>
 Тема: **Мое слово о Викторе Цое**

...Для меня имя Виктора Цоя – это детство, комната старшего брата, увешанная плакатами, кассеты МК, старенький магнитофон «Весна», большое детское любопытство к чему-то тогда еще не совсем понятному. Мне было 9, когда Его не стало. Я плохо помню это время. Повзрослев, я отыскала на веранде и старый магнитофон, и запыленные кассеты, и включив, окунулась опять в это время, конечно, расплакалась.

Мне жаль, что время так быстро уходит, и забирает лучших с собой, но знаю, душа – она не умирает, она просто спряталась – там, в небе, высоко.

Посмотри. Не видишь? Как жаль... Но ты слышишь: он говорит с тобой сейчас, курит, дышит, улыбается... Только невесело смотрят его глаза. В современном мире среди фальши, бесконечной борьбы за деньги, и за место под солнцем, так мало осталось места для искренности... Он остался там, в твоём детстве, не забывай его никогда. И не предавай его, забывая свой край, свой народ. Не поклоняйся сильнейшим. Ничего не бойся и люби жизнь – она в любой момент может оборваться...

Я НАШЛА СВОЮ МУЗЫКУ

Автор: МАРИАННА «mashamvm» МАКСИМОВА

Люди в мире делятся на две категории: одни любят музыку, а другие просто не нашли свою группу. И по этой причине музыку не любят.

Еще прошлым летом я относилась ко второй категории. Вернее музыке я слушала, но без особого энтузиазма. Сначала был Rammstein, который играл фоном на моем компьютере, пока я выполняла домашние задания, затем наступило время группы «Би-2», которую я слушала чаще, чем Rammstein, и иногда даже не фоном. Но я по-прежнему не понимала, как люди могут слушать музыку просто ради музыки, разгуливать по городу в наушниках, вешать на шею mp3-плееры и т.д. Потом я внезапно, одним махом, перепрыгнула из одной категории людей в другую: в мою жизнь вошла группа «Кино».

В основном, молодые люди знакомятся с творчеством Виктора Цоя в 6–8-х классах, но у меня это знакомство отложилось на целых 5 лет. Причем о Цое я знала с 8-летнего возраста: мой старший брат Витя увлекся гитарой, а всем известно, что там, где гитара, там и песни Цоя. Хорошо помню тот день, когда Витя купил «Музыкальную газету», в которой была напечатана «Звезда по имени Солнце». Помню восторженный крик брата: «Здесь же песня Цоя!». Брат спел, я послушала, ни черта не поняла. Только название песни навсегда осело в голове.

Примерно в это же время по телевизору показывали «Иглу». На дворе был 1995-й. Брат заговорщицким голосом сказал мне, что сегодня будут показывать фильм с Виктором Цоем в главной роли. Ни одной песни Цоя в авторском исполнении до того дня я не слышала, но авторитет брата был настолько непререкаем, что я знала: раз он говорит, что это хорошее кино, значит это действительно так. Конечно, фильм этот снят не для восьмилетнего ребенка, поэтому из фильма я ровным счетом ничего не поняла. Запомнила только «фак» в начале фильма, излишнее хамство в больнице (из-за этой сцены мне было как-то неудобно смотреть фильм, т.к. в комнате находилась мама) и финальную сцену с дракой. И все. Хотя удивительно, что я вообще что-то запомнила. Тем более удивительно, что фильм мне тогда в общем-то не очень понравился. Однако запомнился. Потом брат забросил гитару и Цой из нашей жизни исчез. Я выросла, меня минула подростковая жизнь с подворотнями, гитарами, первыми сигаретами, вином. Считаю, подростковая жизнь не удалась. Кстати, вот вспоминаю, что увлекалась в 8-м классе не группой «Кино», а рэпом, брэйкдансом и «Дельфином». Знаете, этот особый антураж, одежда, сумки... «Я буду жить, и что бы кто ни говорил, я буду жить» – вот все, что осталось в моей голове от

рэперской, эпохи.

О Викторе Цое вспомнила, когда лет пять назад в какой-то газете прочла статью про злой рок, преследующий всех великих поэтов. Пушкин, Лермонтов, Цой ушли молодыми. В статье говорилось, что Поэты приходят на землю с определенной миссией, а, выполнив ее, должны умереть. (Как тут не вспомнить: «И мы знаем, что так было всегда, что судьбою больше любим, кто живет по законам другим и кому умирать молодым»). Сейчас меня удивляет то, с какой точностью я запоминала всю информацию, связанную с Цоем, но ведь при этом я еще не слышала ни одной его песни (если не считать звукозапись из «Иглы»). Ведь про Леннона или Пресли мне тоже попадалось много статей (о таких людях-легендах в прессе всегда периодически появляются какие-то статьи, воспоминания, разоблачения), но про них я ничего не помню. А информация о Викторе оставалась в голове.

В мае, воскресным днем, от нечего делать, я стала щелкать по телеканалам, потом взяла программу и – оп-па! — по каналу ОНТ через 10 минут будут показывать передачу «Жизнь как «Кино». Мне почему-то очень захотелось посмотреть ее. Посмотрела. Понравилось. Особенно запомнился момент, когда Виктор играет «Камчатку». «Это странное место «Камчатка», это сладкое слово «Камчатка»... Как-то сразу запомнилось имя Джоанны Стингрей. Захотелось послушать группу «Кино», но... Скорость моего Интернета не позволила мне скачать его песни, сеть тогда еще не была подключена, знакомые на мой вопрос: «У тебя есть песни Цоя» отрицательно качали головой. На вопрос: «А фильм «Игла?»» отвечали: «Нет, и вряд ли у кого найдешь». Блин, опять обломили. Потом сессия началась, отпуск-дача, было не до «Кино». Но в октябре по БТ (это наш главный белорусский канал) показывали запись рок-концерта «Новая волна». Бутусов пел «Звезду...», а некая молодая группа посвятила группе «Кино» свою песню «Про кино» (к слову сказать, замечательная песня). И тут я вспомнила, что хотела послушать песни Цоя, благо сеть уже подключили.

В этот же вечер начала поиски. Почти сразу же у одного человека нашла песен 30. Слушала до 4 часов утра. Проснулась в 10.00 и до 18.00 слушала, слушала, слушала. Самое интересное: голова не болела. Почему самое интересное? Дело в том, что мне нравятся песни Бутусова, и я бы с удовольствием их слушала, но после прослушивания одной-двух песен у меня начинает болеть голова. Однажды я послушала песен десять и в этот же день заболела. Совпадение конечно, но все-таки. В результате моих поисков выяснилось, что практически на каждом компьютере есть 4-8 самых популярных песен Цоя. А трое оказались настоящими «киноманами»: практически все альбомы. Начала я слушать

«Кино» с последних альбомов. Зацепило. Особенно тогда понравился «Муравейник» и «Следи за собой». Потом послушала «45» и «46». Честно говоря, удивило. Раньше я не слушала такую музыку, не была знакома с рок-н-роллом. Но теперь мне одинаково близки как поздние песни, так ранние, более веселые, беззаботные что ли. Мне сразу захотелось стать бездельником. Не могу сказать, что до этого я была работягой, просто раньше я загонялась на эту тему, думала, что надо кем-нибудь становиться, что-нибудь делать. Я мечтала о деньгах и безмятежном благополучии. «Кино» что-то изменило в моем сознании. Я поняла, что можно быть счастливым и без денег, занимаясь любимым делом. Все мои принципы полетели в тартарары. (Забавно, но позже я почитала схожие мысли из воспоминаний Марьяны Цой про ту пору, когда она познакомилась с Цоем).

«Раньше я читал книги, а теперь я их жгу». Не знаю точно, что имел в виду Виктор Цой, но эти строки про меня. Раньше я читала много книг типа К. Кастанеды «Путешествие в Икстлан», Ричарда Баха «Иллюзии», В. Зеланда «Трансерфинг реальности». Теперь я отправила эти книги в топку (книголюбы, не волнуйтесь, в переносном смысле). Вот так моя крыша поехала. Мечтала о Тибете, а теперь мечтаю о «Камчатке».

Было в моем знакомстве с творчеством Виктора Цоя и мистическое. (Люди, мистику не любящие, следующий абзац могут не читать). Захотела я купить книгу про Цоя, пошла в ближайший книжный магазин. Постояла возле стенда «Музыка». Нашла только из интересного «Back in the USSR» А.Троицкого и книгу про современный рок. Но это было не то. На всякий случай обошла весь магазин (а здесь я бываю достаточно часто и знаю, что стендов, касающихся музыкантов, в нем больше нет). И вот я иду к выходу, чего-то останавливаюсь, думаю: «Ну вот, Цой, нет книг про тебя, пойду домой» – и тут слышу: по радио играет «Группа крови». Радио размещено по центру магазина и, чтобы лучше услышать песню, я решила подойти к нему. Иду себе, иду, а чтобы не привлекать внимание продавщиц, делаю вид, что рассматриваю книги со стендов, рядом с которыми прохожу. И тут вижу надпись «Виктор Цой». Это оказалась книга «Поэты русского рока», а на ее обложке были вынесены имена музыкантов. Если б не песня «Группа крови», я бы никогда не нашла эту книгу, т.к. была уверена, что знаю этот магазин вдоль и поперек, и что на этом стенде таких книг не бывает. Тем более, когда в следующий раз я была возле этого стенда, надпись «Виктор Цой» уже не бросилась мне в глаза, т.к. книга была задвинута за другие многочисленные томики серии «Поэты русского рока». Вот так. Сама я не верю, что это мистика, просто совпадение, но счастливое.

Еще я начала писать песни. Внезапно. Просто через неделю после

моего знакомства с группой «Кино» проснулась утром и сразу в голове родилась песня. Вышла из дома – еще одна. Пришла домой – еще две. Всего семь песен за один день. Но мое сочинительство продолжалось недолго: примерно месяц. Ну не люблю я дилетантство, а мои песни ни на что большее не претендовали. Да и голосом меня Бог не наделил. Вот песни, оказавшись не востребованными, перестали ко мне «приходить». Зато я начала активно интересоваться рок-процессами 80-х.

Посмотрела по ТВЦ передачу «Ничего лишнего. Русский рок мертв». В этой передаче высказали такую мысль: рок 80-х – это социальное коллективное творчество, которого уже никогда не будет. Сейчас же творят отдельные художники, индивидуалисты, каждый сам по себе. Мне кажется, точно подмечено. Сразу вспоминаются слова одной из песен «Аквариума»: «Рок-н-ролл мертв, но я еще нет». Так что же делать? Не будем отчаиваться. Вспомним из истории: за Золотым веком русской литературы последовал Серебряный, который принес много оригинальных и неповторимых поэтов. Ну что, будем ждать Серебряный век русского рока?

Как-то я незаметно перескочила с одной темы на другую. Возвращаюсь к Виктору Цою. Фильм «Игла» успела посмотреть за несколько месяцев уже раз десять. Просто преклоняюсь перед творчеством Рашида Нугманова. Кино действительно качественное, неизбитое. У меня обычно так получается, что самые любимые вещи перед тем, как стать таковыми, вызывали резкое неприятие.

Получилось так и с «Иглой». Первый ее просмотр немного шокировал, но решила посмотреть второй раз, третий, и поняла, что «Игла» стала моим самым любимым фильмом. («Ты так любишь эти фильмы»)

Думаю, что через год я уже не буду слушать «Кино» так часто и так помногу, как сейчас. В мою жизнь войдет и другая музыка. Но я также знаю: «Кино» навсегда останется со мной. Будет ли мне радостно или грустно, одиноко или весело – я буду слушать песни Цоя. И несмотря на легкую грусть от того, что Виктора нет сейчас с нами, я счастлива, потому что нашла свою музыку, свое «Кино».

ТОЛЬКО ВЕРНУЛАСЬ ИЗ ПИТЕРА

Обо всем как-то очень трудно говорить... Мне тоже 28 лет, я 1962 года рождения, и для меня Витя был единственным Человеком-Надеждой, он был верой и церковью в душе. Такого количества горя я не видела никогда. Кому-то до некоторых пор казалось, что не все еще потеряно, но не стало Вити и... Все горизонты закрылись – понимаете? Конечно, я знаю, что он не умер, что его только с нами нет, но больно. У моих ровесников, у тех, кому сегодня 28-30, тяжелая депрессия – это нормальнейшее состояние. А одиночество – проститутка, которой давно продал душу и тело. Хожу в церковь и слушаю Витин голос. И радуюсь в тихом помешательстве, ведь голос – это все-таки бесконечно много... Миллионы часов, которые никто не может отнять! А в смерть я не верю. Он жив, потому что все еще живы мы. Хотя, скорее – мы живы им... Вот уже две недели лютоджин. А его голос – это мое единственное прибежище, это (помните Рильке?) – маленький дом в сумерках, мумию которого текут волны, светливые мирские волны... Уже давно живется мимо. И чувство сиротства, которое читала в стольких глазах – там, в Питере! – захлестнуло с головой. Кто-то здорово сказал в эти дни – о том, что он всех нас ловил над пропастью во ржи... А дальше что? Сама я журналистка, очень давно вынашивала идею фильма-монолога о ленинградских подворотнях, о Вите... Никаких слов – нет!

Просто нет. Я вернулась из Питера в родной город и на улицах вижу время от времени все те же потерянные глаза. Как я знаю эти исповеди о том, что только благодаря Вите где-то кто-то еще не умер, окончательно не сошел с ума, не погиб в пьяной драке, отстаивая «честь» рыжей проститутки, и не повесился на собственном шарфе... Да, но о чем я? Совместно с рок-музыкантами мы провели вечера памяти, собрали солидную сумму денег. На сороковой день вновь едем в Питер...

Я верю в Совет Фонда. Я верю в многочисленных друзей Вити. Вы знаете, у меня, к сожалению, нет конструктивной идеи. Но внутренне я очень ясно ощущаю, что на те деньги, что собраны, – совсем не хочется строить павильон. Этого просто не должно быть. В Питере в эти дни были люди со всех концов света. Мы все – все! – живы чувством, что все равно мы все вместе – благодаря ему, Вите... И живем так, как этому он нас учил, как жил сам. Витя – это образ жизни, это восточный сад камней, это – целый мир. Для меня и для многих. Я обращаюсь к Совету Фонда, к журналу «Аврора», к Ленинградскому рок-клубу: помогите мне, моим друзьям и тысячам таких, как мы, – мы многое можем сделать, потому что нас много! И мы готовы сделать многое, потому что ничего больше в жизни не осталось. Но так жаль, что мы разьединены, что приезжая к Вите в Питер, мы ночуем на вокзалах и в скверах – а так хочется посидеть на уютной кухне за чашкой кофе, поду-

мать, поговорить, наблюдая, как в сигаретном дыму тают слова... Так хочется общего дома для всех нас – дома единомышленников. И, может, это не менее важно – возвести этот дом – пусть в наших душах! Я поддерживаю Сергея, 17 лет, который пишет: «Мечтаю собрать вместе всех настоящих вместе всех настоящих друзей Вити. Сам – давний и испытанный временем. Последнее время – все либо панки, либо попсовики. Соскучился по единомышленникам. Объединяйтесь!» Мне очень понятны его чувства. Сама сколько раз страдала от того, что голпики и молодая «урла» слушают Витю, мало что в нем понимая. А в Питере увидела столько людей, по-настоящему близких... Помогите нам почувствовать, что мы что-то можем, что мы что-то значим, что есть еще надежда! Я помню авроровский рекевием о Саше Башлачеве. Тогда Нина Барановская писала: «Вот идут, идут дни, а легче не становится... Я сейчас боюсь только одного – отдадут, так сказать, дань и не дай Бог успокоятся...» Того же боюсь и я. Не хочется, поймите, чтобы все ограничилось номером счета. Мы все разбросаны по разным городам, но мы все – в одном доме. Он странный – это дом... Он кривой и с ржавыми водосточными трубами. И с подворотней. Травное, по ночам в ней светится желтая лампочка. А, может, и не светится. Может быть, там вообще нет подворотни... Просто за окнами дома идет дождь...»

Эйка (Днепропетровск)

Журнал «Аврора», 1991

* * *

Автор: Елена Риндевич

Ты – Воин раскрашенных стен,
 И звездную пыль ты стираешь со лба.
 И часто ты слышал стон вен,
 И никла по ветру твоя голова.
 Ты ждал свой троллейбус,
 Который ушел куда-то туда, на восток.
 В глазах ты не прятал радугу слез,
 Бетон пробивал, как росток.
 Кричал всем на свете, что люди больны,
 Что люди сошли все с ума!
 А мы ведь не знали законов судьбы,
 Что светит одна нам звезда.
 Никто и не скажет тебе поутру:
 «Вставай, мой последний герой».
 Ты слезы свои разменял на росу,
 А жизнь – на вечный покой.
 И теплое место, и улицы ждут...
 И зерна, что просят дождя...
 И болью в сердцах что-то люди здесь жгут,
 А ты не вернешься сюда...

* * *

Автор: Татьяна Сафронова

Имя твое – 28 лет,
 Имя твое – черный цвет,
 Имя твое – микрофон у губ,
 Имя твое – 6 букв.
 Имя твое – кочегарки огонь,
 Имя твое – медиатор в ладонь,
 Струны гитары, когда по ним бьют,
 Скажут вмиг, как тебя зовут!
 Имя твое – поклонников рой,
 Имя твое – последний герой,
 Имя твое – группа «Кино»,
 Имя твое забыть не дано!

КОЧЕГАРУ «КИНО»

Где ты теперь – не знаю,
 С кем – я не знаю тоже.
 Воздух ночей вдыхаю
 Я до бессильной дрожи.
 Непостижимо сложно
 Горе мое измерить.
 Для меня невозможно
 В гибель твою поверить!
 Словно вослед эпохе
 Взял и ушел достойно.
 Под огоньки и вздохи
 Спи, кочегар, спокойно!

ПАМЯТИ В. ЦОЯ

Автор: Маринка Миришка

Я когда-то считала, что жизнь – это бред,
 И пыталась покончить с собой.
 Но сегодня зажегся в моем сердце свет,
 Свет от песен твоих, Виктор Цой.
 Мной когда-то играла зловещая тьма
 Наравне с ледяной пустотой.
 Я когда-то от жизни сходила с ума,
 Но меня излечил голос твой.
 Я училась любить, я училась мечтать,
 Я училась со смертью играть,
 Я училась подобных себе уважать
 И глазами года провожать...
 Я уверена, что через несколько лет
 Те, кто в ногу шагает с тобой,
 Соберутся все вместе и встретят рассвет
 Твоей песней «Последний герой».
 Время больше не сможет нас остановить –
 Свет пробьется сквозь заросли тьмы.
 ROCK-N-ROLL еще жив!
 ROCK-N-ROLL будет жить
 До тех пор, пока будем жить мы!

Автор: Night

Не имеющие смысла
 Беспорядочные мысли...
 Календарь срывает листья,
 Обнажая новый день.
 Вместе с болью расставаний,
 В твоем голосе звучащей,
 Наполняюсь я мечтами,
 На лицо ложится тень...
 Все, что прожито – не ново,
 Все, что умерло – забыто,
 Все, что в сердце отзывалось,
 Позади уже давно.
 И не надо мне иного,
 Кроме боли неприкрытой,
 Кроме песни, длинной–длинной.
 Просто я люблю «Кино»...

БЫЛО ЭТО В 1988 ГОДУ...

Автор: ПАВЕЛ КРУТЕЕВ

Был я тогда мал, но уже начинал играть на гитаре. Были сладкие, романтические времена для всей советской молодежи.

Однажды, просматривая любимый «2x2», наткнулся на «Йахху»... Сейчас сложно сказать, что притянуло меня к экрану, но фраза «у-у-у, девчонки-то, на троечку» мне запомнилась навсегда... Досмотрев фильм до конца, я еще долго сидел в полном оцепенении.

В первый же удобный момент я выпросил у родителей 9 рублей на блок кассет Sony и побежал искать записи группы. «Кино». В те времена не было ни дисков, ни оригинальных записей: только некие лотки звукозаписи, где продавцы просто копировали одни и те же записи сотни раз с одной кассеты-«оригинала». В подмосковном городке их было всего 5 и только в одном мне удалось отдать кассету на дубль альбома «Группа крови». Ужасающее качество. Хрип, скрип, ужас. Но не было ничего прекраснее того момента, когда я услышал этот голос и эту музыку... В тот день я заболел. Навсегда и неизлечимо. И болезнь эта называлась «Кино»!

На ближайшие дни главная цель у меня была – узнать ВСЕ об этом чуде и персонально о Викторе. Я ездил по Москве с друзьями, мы скупали значки, фотки... Болезнь моя оказалась очень заразной. Буквально через неделю заболел весь класс, все мои многочисленные друзья и знакомые. За возможность первым купить редчайшие фотографии мы дрались. А потом отдавали эти фотки родителям на работу и там они их копировали на простых бумажках.

Мой магнитофон «Электроника» теперь был всегда подключен к телевизору и были записаны множество кассет с клипами «Кино» и Дж.Стингрей. Мы собирали все газеты в поисках заметок о «Кино». Когда кто-то их обнаруживал, газетные ларьки жестоко атаквались, а заметки вклеивались в импровизированные песенники. Мы переслушивали песни «Кино», выписывая слова в тетрадки. Половину слов расшифровать было невозможно и часто мы их подменяли подходящими не по смыслу, а по ритму.

Я помню самый пик культа «Кино». Это был 1989 год. «Игла» и «Звезда по имени Солнце». ЭТО БЫЛ ШОК и революция в нашем сознании и мировоззрении!!! Вся молодежь сошла с ума. Из всех окон, куда бы ты не пошел звучало только «Кино»... В ларьках звукозаписи, в очереди на запись альбомов «Кино», мы ждали месяцами... Все тетради, дипломаты, дневники, переулки, арки домов были исписаны магическими буквами «Кино»...

А во дворах... боже, что творилось вечерами во дворах. В каждом дворе были свои музыканты которые знали друг друга. Песни «Кино» игрались при любой погоде. Под пиво, под водку, под «Беломор» и «Герцеровину-Флор». Мне кажется, не было ни одного человека кто бы не знал о «Кино». Обладатели грампластинок считались просто элитой тусовок. За деньги одни водили нас домой послушать «Кино» В КАЧЕСТВЕ!

В этом же году я ездил в трудовой лагерь в Краснодар – собирать яблоки. В коллективе учащихся было правило: каждый день дискотеки. А в нашем коллективе каждые 3 дня – вечер «Кино» или т.н. «Вечер культурной музыки». В июне 1990 года я с родителями поехал в Крым. Но когда и там я ежедневно слышал «Кино» из разных окон – я понял, эта группа и их музыка будет вечной! О ранних альбомах «Кино» тогда было почти ничего неизвестно, только у некоторых попадались единичные песни из «45», «46», «Ночь»... Иметь эти песни в коллекции считалось очень престижным. Ибо та музыка была ближе к молодежи, ближе к нашему дворовому, вечно пьяному сознанию...

Как сейчас помню тот август, тот страшный август. Я расстилал постель, чтобы лечь спать, началась программа «Время»... Когда диктор сказал, что погиб Виктор Цой, у меня все сжалось внутри и наступило натуральное оцепенение. Я не мог поверить своим ушам и глазам! Просто не мог. В этот момент начался марафон телефонных звонков по всем знакомым и друзьям. Все были в натуральном шоке. Конечно, молодые и сильные, как мы могли поверить в то, что человек, перевнувший и наполнивший наш мир невиданной романтикой, мог взять и погибнуть? Да, мы были эгоистами. Мы не верили... Я не верю до сих пор. Я не хотел и не хочу с этим мириться.

Ту жуткую ночь я проплакал над своей раздолбаной гитарой.... Горю моему не было предела, родители не могли вернуть меня в нормальное состояние. В те дни я осознал простую вещь: не надо быть гением, что бы быть великим. Не надо завоевывать страны и покорять океаны. Надо быть честным и самим собой. Всегда и везде...

Спустя несколько месяцев, после жуткой 7-часовой очереди, мне удалось купить последнюю пластинку «Кино». Это был специальный пакетик, двусторонний плакат (на одной стороне календарь и песни, на другой фотки) и сама пластинка... Эта вещь стала для меня святыней...

Шли месяцы. Многие друзья и знакомые забыли о «Кино», сменили свой стиль на то, что стало модно. Это были «Кар-Мен», жуткий рэп, техно... Меня от всего этого воротило. Я до сих не могу понять: неужели «Кино» можно чем-то заменить? Если да, то можно заменить и лучшую часть нашей жизни...

Автор: Дарья Заплатина

Снова за окнами сыплет дождь.
Это осень пришла – она для тебя.
Ты по листьям осенним сквозь дождь идешь,
Ты шагаешь по звездам из тьмы огня.
Город спит. И мосты развели давно,
Только ветер ночной гуляет по крышам,
Треплет размытую надпись «КИНО»
На старой, сгнившей давно афише.

Ты был тот, кто видел и знал, что дальше,
Ты был в каждом доме и в каждом месте.
Уходил без страха, без притворства, фальши.
Оставлял в наследство сны свои и песни.
Всех ступенек к небу ты сумел коснуться,
Ведь земных дорог для тебя так мало.
Покурить ушел, и, забыв вернуться,
Прислонил к перилам жизнь свою – гитару.
Не допев, оставил, не захлопнув двери,
Все стихи, как адрес на пустом конверте,
Чтобы кто-то жил, кто-то пел и верил
В то, что есть две жизни: до и после смерти.

* * *

**Автор: Виктория Бурдейко
(Лобосова)**

Сегодня оттенков не будет,
Не будет полутонов как вчера.
Сегодня июнь забудет,
Что лето сухая пора.
Сегодня небо заплачет,
Взорвется рыданием сотен туч...
А, может быть, дождь ничего не значит?
Сквозь тучи прорвется луч...

И я посмотрю устало,
И я захочу спросить:
скажи мне, что со мной стало?
Ответь мне: как дальше жить?

И ОН мне ответит громко
Строкой, что до боли знакома...
Струна отзовется звонко
В динамике магнитофона...
И мне этих слов не забыть,
Пусть кому-то их не понять:
«Смерть стоит того что бы жить,
А любовь стоит того что бы ждать»
июнь – август 2008

* * *

**Автор: Виктория Бурдейко
(Лобосова)**

Лето снова сменило краски;
Проснитесь! Откройте глаза!
Я больше не верю в сказки, –
Меня разбудила гроза.

А мы все искали ответы,
Верили в тайный смысл снов,
Давали друг другу советы...
Не слишком ли много слов?

Настало время слушать тишину,
она расскажет нам о нас,
Мы все в ее плену.
Я слышу дождь – это дождь для нас.
20 июня 2006 года

* * *

Автор неизвестен (журнал «Аврора», 1991 г.)

Последний герой похоронен был в праздник Воздушного Флота.
Фонтаны салюта взметали дежурно над ним.
А ливень все шел, замывая восторг идиотов,
И город как прежде огнями стрелял по живым.
Прогулка романтика кончена – плащ превращается в точку,
И ночь обнимает весь мир, велика и мудра.
Где тайны твой? Как звезда переплавлена в строчку?
И как, объясни, в эту ночь мне дожить до утра?!

БЕЛАЯ РОЗА

Автор: ОЛЕСИК

Она уже битый час сидела за столом. Она ждала, когда придет день. Ей надоела эта бесконечная ночь. Осознание того, какой завтра день, отгоняло сон. Часы глухо пробили. «Ку-ку» – сказала один раз пластмассовая кукушка и скрылась в часах. Она посмотрела в окно – ничего не было видно, шел дождь. Было очень уныло и скучно. Ей ничего не оставалось делать, как пить холодный чай. Ее губы чувствовали горечь. Электрический свет лампы без абажура бил в усталое лицо, но выключить она его не могла – не хотела оставаться один на один с этой ночью. Для нее ночь – это не время суток, это состояние природы, состояние себя, когда способен на многое, и можешь делать, о чем раньше и не подозревал. И еще ночь – это молчаливое существо, ведьма, которая стоит за твоим плечом, лишь свет защищает тебя от ее атаки. Поэтому ей пришлось коротать время в компании электрического света. Она посмотрела на часы – прошло лишь 10 минут... Она облокотилась на кулак. Ее карие глаза помутнели, лицо стало серым, голова опустилась. Когда она подняла взгляд, вокруг был густой и плотный туман. Она не могла определить, где находится.

– Где я? – вслух спросила она.

– Где я, – утвердило эхо.

– Кто здесь?

– Кто здесь.

Вести разговор с эхом бессмысленно, но все же приятно было слышать здесь чей-то голос, пусть даже свой собственный. Затем вдруг она обнаружила, что стоит посреди целого моря пней. Вдруг она почувствовала едва уловимый нежный запах. Она повернула голову и увидела прекрасную белую розу. С нежных лепестков падали крупные капли, но дождя не было – роза плакала. «Почему ты плачешь? – спросила она – но не услышала своего голоса. Она протянула руку к цветку и...

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, – услышала она и открыла глаза. Темно. Она сидела на своей кухне, положив голову на руки. У нее немного кружилась голова, в глазах стоял туман. Электрический свет растворился в туманном утреннем сиянии. Дождь не кончился. Она посмотрела на банку, стоящую на столе. Там стояла роза. Белая роза на высоком стебле. Одинокая и прекрасная, в бриллиантовых слезах.

Вот уже 7 лет каждый год она носила ТУДА цветы. Именно розы. То элегантный пучок красных роз на коротких стеблях в оборке из красной папиросной бумаги, то пара розовых в фольге, а в прошлый раз – множество нескромных крупных желтых роз на самом пике

цветения. В этот раз она купила одну белую розу в бутоне на высоком стебле. Ночью она раскрылась, а утром заплакала...

На кладбище было много народу, особенно возле могилы. Кто-то рыдал навзрыд, кто-то выражал свою скорбь молчанием, кто-то просто курил. Ее встретили взглядами, полными уважения. Она поцеловала розу, уронила на нее свою слезу и положила на могилу. Там уже лежала одна белая роза, она очень похожа на ту, что она видела во сне.

«... Еду сегодня в троллейбусе, вдруг, смотрю – на дороге стоит «жигуль» без одного колеса, а к нему прислонился Костя Кинчев. Господи! Сохрани его и помилуй! Уверена, что после смерти Вити вам будут писать всякие разные люди. Это естественно – нас так много и всем нам больно, одинаково невозможно. Представьте себе: узнать, что его нет, от какого-то случайного человека, выпить бутылку водки и остаться совершенно трезвой, уходить с кладбища и уносить дальше жить свое огрубевшее и оступевшее тело. И слушать, слушать его песни... На кладбище какие-то странные люди то ли из Киева, то ли еще откуда-то, ночуют там. Хозяева такие крутые. Странно все это. Мне двух часов хватало, я больше не смогла – тяжело. Витя бы

не ночевал... Потом иду домой, смотрю – на лестнице у самой двери лежит его любимый цветок без стебля, грязный, увядший. Я его помыла, в воду поставила, он как будто и ожил. Тоска такая. Во сне вижу его живым. Говорит – больно ему очень, одиноко. Зовет к себе. При жизни не жаловался. Видно, совсем ему там худо. А вокруг все нормально, все отлично. Не было человека такого, не жил он вообще. Какие-то редкие передачи пару раз вставили по одной его песне и все, дальше поехали. И комментарию еще такие, типа: «жизнь продолжается» или «но жить-то нужно»...

Я во Дворце культуры железнодорожников работала, инструктором, а он как-то концерт там давал. Народу как всегда уйма. ДК оцепили за три часа до начала.

Меня попросили самовар в гримерку «Кино» отнести. Принесла. Они меня чай пригласили попить – так и познакомились. Но я-то в другую сторону смотрела. Гордая такая. Смех и грех! Да и не важно – была я с ним знакома или нет. Просто чувствую сейчас, что он был самым близким в мире человеком и по духу, и по настроению, и по жизни. Теперь хоть в петлю полезай, да делу уже не поможешь. Мне двадцать один год, а мне кажется, что гораздо больше. Даже не то, чтобы больше – там тридцать или сорок, а как будто в мои двадцать один вместились вся жизнь. Где моя молодость? Где моя радость? – Нет. Какая-то груда обломков.»

Наташа З. (Ленинград)

Журнал «Аврора», 1991

ПРОШЕЛ ГОД...

Автор: ВИКЕНТИЙ ШЕЛЕСТ

Прошел год. Была вновь гроза. он все не мог успокоиться. Сейчас, как и тогда, он остро чувствовал боль потери. Он потерял то, что было главным в его жизни. Но все равно никто не мог запретить это помнить, вспоминать. Хотя есть такие, кто не хотел бы, чтобы помнили, но они ничего не могут. Они слабы против этой силы.

Он сидел и слушал музыку. Ту же, что и тогда, год назад, когда узнал об Этом. Он не единственный утратил великое – таких, как он, были тысячи! Но он знал, что чувствует эту потерю более других. Он тогда хотел умереть, уйти в небеса следом за Ним, как сделали это многие. Но он смог понять, что его дело, его миссия на земле в другом: он должен поддерживать воспоминания о нем, память и боль... И он поддерживал. Пока он здесь, никто не забудет про Него.

Но настанет время, и он уйдет туда за Ним, слушая его музыку. Встретится с Ним там, не знаю где, но они встретятся. Он это заслужил. А когда встретятся, поймут, что ждали этой встречи всегда! Великий и его самый верный... Тот, кто Его не забыл и помогал помнить. При встрече он подойдет к нему и просто скажет: «Наконец-то, Виктор!», Цой просто ответит: «Я ждал тебя...»

Они пойдут вместе, и Цой покажет ему все свои новые тексты, даст послушать все песни. Они оба будут счастливы. Ведь что нужно творящему? Чтобы его поняли, а что надо верному поклоннику? Чтобы его допустили увидеть сотворенное.

Им хорошо вместе, и никого не волнует что на Земле еще гроза... И она тоже чего-то ждет...

СТРАННАЯ «КИНОМАНСКАЯ ИСТОРИЯ» (ОБРЫВКИ МЫСЛЕЙ)

Автор: А.Г.

С одной стороны, я познакомилась с Витиным творчеством очень давно, в конце 80-х: брат волок в дом все записи, которые слушали друзья, в том числе и Цоя. Брат мой вообще всеяден, не только в музыке, поэтому волок все подряд. Вот так мы и слушали: «American boy» гр. «Комбинация» вперемешку с «Восьмиклассницей», «Доброе утро, последний герой!» и Вилли Токаревым...

С другой стороны, к осознанному пониманию Цоя я пришла довольно поздно (конец 1994-го – начало 1995 г.), уже в одиночку. Это

было сильно до дрожи. Обезоруживало, сдирало маски, обнажая мое собственное лицо. Било током по нервам, и в то же время придавало сил сделать еще один шаг... И еще один...

Общаться Виктор меня не учил. Он научил другим вещам. Например, чувствовать себя целостной с тем, что у меня есть. То, что я слышала, звучало в унисон с моим собственным сердцем и одновременно побуждало задавать вопросы и искать ответы на них. Ставило в приоритет собственную автономность, и в то же время давало почувствовать, что я не одна...

В этом нет и намека на «некрофилию». Все очень живое и МОЕ.

Вот тогда-то и появилась эта *аргаша* (=ощущение). Не знаю даже, как описать. Тепло. *тмиха* (=поддержка), *издаут* (=идентификация, солидарность) в какой-то степени с моей стороны. И эта *аргаша* – ощущение безграничного удивления, когда ты ясно понимаешь, что человека уже нет в этом мире, но ты слышишь его голос, чувствуешь то, что он чувствовал когда-то, *колетет* (=улавливаешь) ту потрясающую атмосферу, создаваемую голосом, записанным на аудиопленку, и этот голос просто творит чудеса, как бы ни странно это ни звучало, – он *менИа* (=приводит в движение), он жить заставляет...

Мне в свое время очень хотелось найти людей, для которых Цой является просто близким человеком. Просто встретиться, посидеть, поговорить, вспомнить, почтить память. Съездила я в прошлом году на БК... Это действительно нереально. Какой-то нереальный мир с совершенно нереальными людьми, которых не бывает в природе. Когда возвращаешься оттуда в реал, очень тяжело. Вещи, с которыми сталкиваешься ежедневно, на которые раньше просто закрывал глаза и с которыми в силу возраста ты вроде бы должен был смириться, становятся невыносимыми. И ты еще не «там», но уже и не «здесь». Мозгами-то понимаешь, что ногами ты здесь, на земле – но еще и не там, и не можешь быть там, потому что тот мир «киноманский» он нереален, просто нет его... И сделать уже ничего с этим не можешь. И с возрастом это не проходит, нет. Наоборот, с возрастом начинаешь понимать все больше вещей, которые только подтверждают это.

На сегодняшний момент все вроде нормализовалось. А та *аргаша* осталась. И мне снова пришлось испытать ее в полной мере на дьюти-фри в «Пулково-2»: тогда меня так долбануло, будто разрядом в 300 джоулей, причем совершенно неожиданно. Это было для меня логическим завершением всего, не только поездки в Питер. И – доминирующая мысль в голове: «НЕ ЗРЯ!» Все это – не зря, все это стоило того!

Позавчера мне снова захотелось на БК. Просто я открыла сволочь еще в одном человеке. А зарекалась ведь, что реветь на работе я больше не буду. И довольно долго держала это обещание. А тут вот сорвалась... А БК – ведь это то место, где нет лжи и фальши, где нет необходимости юлить и притворяться, и тебе незачем строить из себя неизвестно что. Но, находясь там, ты имеешь огромную привилегию – быть собой. То самое, к чему так стремился Виктор Цой.

Вот не думал, не гадал Витя, насколько его «Черный альбом» будет созвучен с моим нынешним состоянием... Как будто это я «больше не могу смотреть на дерьмо», как будто ЗДЕСЬ «непонятно, где лицо, а где рыло», и как будто это мне «приснилось, что миром правит любовь», а потом я проснулась и поняла, что это всего лишь сон... Впрочем, это даже не «как будто», это так оно и есть. И «горе ты мое от ума, не печалься, гляди веселей» – это тоже про меня... Знаете, когда-то было время, когда я плакала над «Кукушкой». Это было очень давно, но с тех пор ничего не изменилось. Ровным счетом ничего.

Я РИСУЮ ТОЛЬКО ЧЕРНЫМ

Я слушаю Цоя... Мысли не оформляются в управляемые привычные фразы. Не мои, не чужие – просто звезды, которые «упали как камни в наш огород». И за окном – ночь, которую всегда любил Цой, и за окном небо, которое он объяснял. Небо без космоса и пришельцев, просто навес.

Я никогда не прошу себе, что не попала на твой концерт при жизни, что не приехала в Ленинград, пока ты жил. Витя, прости меня. Я очень хочу быть рядом с тобой. Ты спас меня, когда мне было совсем плохо, ты понял меня, когда я была одна, ты не дал мне отравиться и перерезать себе вены... Нет, это я скажу только тебе, ведь ты для меня – самое святое, весь

смысл этой ненужной жизни... Я начала рисовать – но тушью и только черной. Для меня праздник жизни был бы кошунством...

Сначала мама рвала мои рисунки и все говорила: «Все дети как дети, а ты рисуешь всякую дрянь!». А я не могла рисовать ничего другого. Только сигарету в руке, чай на столе, дождь за окном, луну и человека без фальшивых одежды и с надрывом в душе.

Я перестала ругаться с родителями. Они сказали, что я ненормальная и оставили меня в покое. Теперь я могу целый день пить кофе, курить и ждать ночи. Я ничего не понимаю в этих серых беспокройных людях, в оде, в одежде, хотя внешне, как все, меня даже любят, но я чего-то не понимаю. Я живу тобой. Сейчас перед глазами

фотография твоего сына – я его тоже люблю. Я люблю все, к чему бы ты ни прикасался: камень мостовой, по которой ты ходил, кассету, которую ты держал в руках, сигарету, которую ты не докурил. Сейчас я пишу как и все, что делаю сознательно – ночью. Без десяти четыре. Все спят. А я пишу тебе четыре. Все спят. А я пишу тебе четыре, кофе почти остыл, сигареты кончились, рядом сохнет неоконченный рисунок: темнота, горящая свеча и на глазах блестят слезы...

Тебя я не рисую часто – для этого нужно огромное вдохновение. Но каждую ночь я разговариваю с тобой, я принимаю тебя, я творю...

Наташа Ф., Гродно.

**«Молодежный курьер»
(Гродно), 5.10.1991**

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Автор: Любовь Тарасова

Ты был человеком ночным,
Вечно в черном,
В свою кочегарку зайдешь и поешь.
Гитару настроишь, аккорды подыщешь
И строчку
Из песенки новой запишешь
С аккордами сверя точь-в-точь.
Концерты, дела,
Вечно роли в кино отвлекают.
Тебе интересно, идешь ты на главную роль.
И милый Моро на нас с горечью смотрит с экрана.
И новый альбом мы в «Мелодии» видим давно.
Но вот на рыбалку собрался однажды
Что в день этот все-таки произошло?!

Ушел ты от нас, человек пожинаящий всходы
Своих нескончаемых алюминиевых огурцов.
И пачка стоит с сигаретой одной у балкона.
А где-то осталось и место для шага вперед.
Ведь ты любил ночь и сказал нам открыто об этом,
Что это и дело и право твое.
Но нам не хватает тебя и твоих новых песен.
И хочется верить, что будут и будут еще!

Уходят лучшие от нас,
Мы сиротеем...
Но память и любовь нетленны...

От: **Мария Колесова** <vkontakte.ru>
 Кому: <@yandex.ru>
 Тема: **Цой**

Я никогда не ходила на его концерты, никогда не брала у него автограф, никогда не ожидала выхода нового альбома... Никогда не видела его живым...

Я познакомилась с его творчеством через 10 лет после его гибели. Меня никто не знакомил. Я сама открыла его для себя. Пожалуй, это было лучшее в моей жизни. Познавать его.

Для меня Виктор Цой – легенда. Человек, который изменил мою жизнь. Он – мой Учитель Жизни. Он научил меня жить и бороться. Научил меня мудрости и смирению. Творчество Виктора Робертовича – целый этап в моей жизни... Господи, в 15 лет меня мучил один вопрос: «Почему он ушел? ПОЧЕМУ?». Я не могла с этим смириться. Было очень больно и обидно... До сих пор...

Одно я знаю точно, я никогда не забуду его. Буду почитать его талант, мои дети и внуки будут учиться жизни на его песнях... Помним... Не забудем... В каждом из нас есть частичка ТЕБЯ. Мы – ТВОЯ армия. Когда-нибудь, когда я умру, я встречу с ТОБОЙ на небесах. И это будет самое лучшее мгновение в моей жизни... Вечная память...

Я БЫЛА ЕЩЕ МАЛЫШКОЙ...

Автор: ЕКАТЕРИНА АЛЫМОВА

Много-много лет назад, когда я была еще совсем малышкой, из всех окон слышалась песня: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве... Пожелай мне удачи...» Тогда я еще не понимала, насколько этот человек пронзит мою душу в будущем. Когда я немного подросла, мне было лет 9–10, мой старший брат стал учиться играть на гитаре. Первой песней в его исполнении была «Звезда по имени Солнце». Я не знала, чья это песня и кто исполняет – я влюбилась в слова. Просила сыграть ее еще и еще, до тех пор, пока брат грубо не сказал мне «отвали, мне надоело». Затем он стал покупать кассеты с песнями Виктора (у нас был старенький магнитофон) и мы по вечерам садились и слушали эти песни, ловя каждую ноту, каждое слово... На это время наша вражда прекращалась. Не понимая до конца смысла всех слов, я пыталась подпевать этому хриловатому голосу из магнитофона...

Становясь взрослее, я все отчетливей понимала, что слова этих песен – это я сама. Это я гуляла всю ночь, пока не начнут ходить трамваи, это я сажала алюминиевые огурцы на брезентовом поле. Это я уходила на войну и сгорала под лучами звезды по имени солнце. В моих глазах были крики «вперед!» и окрики «стой!». Моя жизнь была и есть вечное противостояние с обществом и общепринятыми нормами, я никогда не вписывалась в рамки. Я не признаю позерства и лжи, какой бы она не была. Я всегда была в оппозиции сама с собой, я ищущая себя, но нахожу таких же как я. Я пишу песни, но они не в формате, пусть у них невысокий стиль и рифма не совсем хороша, но в них я и моя душа. И пусть многие плюют мне вслед, я иду вперед с гордо поднятой головой. Я знаю, что Виктор со мной, в сердце. Я выросла на его песнях, на его словах, на его принципах, я с гордостью могу сказать: я такая же, как Цой!

Его песни в моей душе. И я знаю – Виктор жив, пока живы те, кто его искренне любит...

Уже много лет у меня в сознании сидит один-единственный вопрос: почему я чувствую, что Виктор во мне? Странное, знаете ли, чувство, когда в какой-нибудь телепередаче рассказывают про его жизнь, я знаю, что скажут дальше, у меня возникает странное чувство, будто бы я была там вместе с Цоем. Де жа вю. В снах я вижу его «Камчатку», я вижу Виктора, смеющегося и поющего свои песни у кого-то на квартире. Скажете, свихнулась? Возможно, не исключаю. Но видя его снимки, я неизменно чувствую какую-то нить между нами. Что-то связывает нас. Не знаю, что. Это почти нереально объяснить.

В моей квартире всегда звучат его песни. Я слышу голос и сердце заземляет. Этот голос – такой родной, чуть хрипловатый, чуть сорванный и неизменно близкий...

Боль от его утраты еще живет во мне, рана от его потери не затянулась, она еще кровоточит. Я мечтаю съездить в Питер, к нему на могилу... Не хватает денег. Когда приеду, сяду рядом и буду долго-долго плакать и курить сигареты одну за другой... Я буду оплакивать его, как оплакивала его мама в день похорон...

Потом я буду гулять всю ночь по Питеру, а может, я встречу таких же, как я. И мы будем вместе гулять, петь его песни и неизменно благодарить Бога за то, что он подарил нам такого воистину великого человека...

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Автор: ИВАН БАТУРИН

19 АВГУСТА 2009 ГОД...

Вроде день, как день, с утра даже Солнце светило, что в последнюю неделю большая редкость – дожди, видимо, всерьез решили взяться за мой маленький город и отыгаться за весь жаркий июль. В кармане лежит только что открытая пачка сигарет... Все не так уж плохо, но все же как-то немного грустно. Может быть потому, что именно в этот день 19 лет назад страна хоронила целую эпоху рок-музыки, которая для всех неизменно связана с единственным именем – Виктор Цой?

Беру гитару, пробую звук. Расстроена в хлам. Странно... Вчера еще отлично держала строй! Пытаюсь припомнить, не ронял ли я ее... Нет. Я всегда к инструментам отношусь очень бережно... Колки никто не крутил. Наверное у нее тоже испортилось настроение. Ну что ж... Так бывает: инструмент чувствует своего хозяина. Ставлю гитару обратно в чехол – настраивать ее нет никакого желания. Выхожу на балкон, закуриваю сигарету, и память постепенно возвращает меня к моему детству...

ЛЕТО. 1989 ГОД...

Двое шестилетних мальчишек стоят возле подъезда и что-то очень бурно обсуждают. Сквозь время прислушиваюсь к их разговору...

– Ванька! У меня папка вчера принес новую кассету с записями Виктора Цоя! – хвастливо говорит мне Вовка, зная, что я, конечно, немножко ему завидую – у Вовкиных родителей тогда был знаменитый катушечник «Юпитер-203». У нас же дома жил проигрыватель «Вега-109», но фирма «Мелодия» (известный монополист грамзаписи в России) тогда не спешила издавать новые альбомы «Кино» на пластинках, и на магнитных носителях новая музыка распространялась гораздо

быстрее. Вовка страшно гордился магнитофоном – не все тогда могли позволить себе такую роскошь.

– Вовка! Пойдем, послушаем, а?!

Вовка великодушно соглашается и, важно подняв голову, жестом приглашает меня идти за ним. Мы приходим к нему. Вовка находит пленку, ставит ее на магнитофон (я всегда удивлялся, с какой ловкостью он проделывал эту процедуру! Ведь в катушечнике надо поставить сначала бобину с лентой, затем пустую, потом правильно пропустить ленту через лентопротяжный механизм. Вовка проделывал эту операцию очень аккуратно за считанные секунды). Мы по своему обыкновению садимся на пол и слушаем. На той пленке были записаны два альбома – «Группа крови» и «Звезда по имени Солнце». И вот так мы, сидя на полу и затаив дыхание, прослушали оба этих альбома. Что-то меня сильно цепляло в голосе Виктора Цоя, в его песнях...

Обычно, когда на улице шел дождь, мы играли у Вовки, и папа его постоянно ставил нам записи Цоя. Мы понемногу знакомимся с творчеством этого загадочного человека и понимали, что оно нам нравится. А Вовкин папа посмеивался: «Что, молодежь, нравится?», а когда мы дружно кивали головами, добавлял: «То-то! Вот такую музыку надо слушать». И мы слушали.

По-настоящему мы заболели Цоем после «Иглы». Помню, как традиционно встретившись у подъезда, мы с Вовкой вздохом обсуждали фильм. Мы увидели в Викторе своего героя. Да и не только мы... Для меня Цой навсегда остался таким. Героем. Последним героем...

15 АВГУСТА 1990 ГОД...

Плохо помню тот день полностью. С утра мы как обычно встретились с Вовкой, но у обоих почему-то не было никакого настроения на прогулку, хотя обычно мы с самого утра пропадали во дворе, и вечером нас разве только с собаками не искали, а тут...

– Ну что, гулять идем? – неуверенно спросил я.

Вовка в нерешительности потоптался на месте.

– Че-то не хочется, Ванюх... Пойду домой, наверное.

Мы постояли возле подъезда еще минут 20, придумывая, как проведем завтрашний день, но так ничего толком не решив, разошлись по домам.

А вечером, какой-то очень серьезный, пришел с работы отец и принес свежую газету (что-что, а типографии в нашей стране тогда работали исправно). Он зашел в комнату и взглянув на мое хмурое лицо, чуть помедлил, но потом все же решился и вручил ее мне со словами: «Вань, Цой погиб!»... До меня не сразу дошел смысл этой фразы. Видя,

что я не решаюсь взять в руки газету, отец положил ее на диван прямо передо мной и вышел из комнаты, а я машинально придвинул газету к себе. На первой странице скромная фотография Виктора в профиль и заголовок: «Погиб Виктор Цой»...

Много лет прошло с тех пор, много всего было. Воспоминаний детства почти не осталось, но я до сих пор помню того 7-летнего мальчишку, который сидел на диване и сжав газету в руках, сам не до конца понимая почему, горько-горько плакал...

19 АВГУСТА 2009 ГОД...

За воспоминаниями я даже не заметил, что закурываю уже четвертую сигарету. Пора бы завязывать с этим, а то кашель что-то мучает в последнее время. Вот так бывает в жизни. Спасибо тебе, Виктор! Ты не был мне ни другом, ни братом, ни даже просто знакомым. Ты был для меня Учителем этой жизни, как, наверное, и для тех многих, кто вырос на твоих песнях.

Смерть стоит того, чтобы жить... Только сейчас понимаю смысл этой фразы. Ты умер, но ты жив. И будешь жить вечно в своих песнях, в наших сердцах, в наших глазах, в наших улыбках и наших слезах. Вечная память тебе, последний герой! А я, пожалуй, пойду и все-таки настрою гитару...

«ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ВИТА»

15 августа исполнилось 5 лет со дня ужасной автомобильной катастрофы, в которой погиб гениальный человек. Ему было 28. С этой смертью многим до сих пор трудно смириться. Я, признаюсь, только после смерти Цоя расслышала его песни. Мне было 14 лет, когда я впервые появилась у Стены Цоя возле «профов». Там я познакомилась с ребятами, которые сами по себе интересные

люди и которые сходили с ума от творчества Витя. Но Цой – это не только музыка. Мы собирались в любую погоду, слушали песни Цоя и думали о смысле жизни. Многие из нас посвящали Вите свои стихи. Я очень прошу тех, кто не обращал внимания на творчество Цоя ранее, – вслушайтесь и вдумайтесь в его строки. Цой – это явление. Впрочем, не стоит громких лов, Витя был человеком со своими плюсами и минусами. НО:

искренний до пронзительности. Он видел жизнь без прикрас и также без прикрас писал о ней. Я надеюсь, что в его жизни было немало счастливых минут, раз она была такой яркой для других людей. Очень жал, что лучшие из нас уходят так рано...

**Юлия Фролова,
г. Минск.**

**«Переходный возраст»,
№ 8, 1995**

ОСТАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Виктору Цюю посвящается....

Автор: Любовь Тарасова

Все проходит, любовь остается.
Остается нелепая боль.
Остается, как пятна на Солнце,
Как в горячей котельной огонь,

Как неистовый крик одиночества,
Как преграда на светлом пути,
Как неистовый голос пророчества...
Как сквозь это нам трудно пройти.

Так пленяют загадочной силою:
Красота, доброта, простота...
А любовь, что казалась нам милою,
Что казалась прекрасной вчера.

Отвернулась... И тихо, украдкой
Отошла... И опять пустота.
Все известно, но в жизни нас радует
Лишь одна, но хмельная мечта.

Что все сбудется, все рассудится.
И что так ничего не пройдет.
Но мечта эта лишь безрассудица
Из всего остается любовь.

Остается одна в сердце брошенном,
В отреченном от мира мечты.
В мире белой пургой запорошенном,
В мире встретившей вновь пустоты.

1993 год

Автор: Любовь Тарасова

Отворите мне двери,
Я иду в никуда.
Наперекор нашей вере,
Загорелась звезда.

Дайте в руки мне пачку
Одну сигарет.
Я хочу идти дальше,
Растопите снег.

Я повторяю его имя,
А вокруг пустота.
И продрогшую аллею
Занесли снега.

Вот еще один шаг
И начнется игра
Я хочу идти дальше...
Идти в никуда.

15 августа 1994

ЖИЗНЬ, ПОБЕДИВШАЯ СМЕРТЬ

Автор: ОЛЬГА ЛЕХТОНЕН

ПРОЛОГ

Я долго и мучительно размышляла, каким образом это сделать. Сколько уже было лирических отступлений, разных «альтернативных» версий, дотошных – «по букве» – исследований... И я пыталась. Даже дипломную работу защитила. Не то получается. Теряется самое главное... Как же, Господи? Как рассказать о человеке, который попросту стал частью меня? Какие нужны слова?..

В принципе, все просто. Цой был Героем. Всегда. Нет, он не играл в Брюса Ли, не мнил себя пророком. Он просто задал себе вопрос

Почему мы стоим, а места вокруг нас пустуют?

И нашел на него ответ:

*И мы знаем, что так было всегда,
что судьбою больше любим,
кто живет по законам другим
и кому умирать молодым.
Он не помнит слово «да» и слово «нет»,
он не помнит ни чинов, ни имен
и способен дотянуться до звезд,
не считая, что это сон,
и упасть, опаленным звездой
по имени Солнце...*

И стал героем. Потому что никто больше не захотел этого сделать. Потому что не смог иначе...

Смерть украла у нас его тело, украла возможность видеть его, слушать его новые песни, смотреть новые фильмы, ходить на концерты группы «Кино». Но мы были не в состоянии с этим смириться. И в черном ужасе до многих постепенно доходила простая истина о том, что

*Если есть стадо – есть пастух,
если есть тело – должен быть дух.
Если есть шаг – должен быть след,
если есть тьма – должен быть свет...*

И мы украли у смерти главное – самого Витю. Его душу, его сердце. Да, существует Километр, где он погиб, Богословское кладбище, где

он похоронен. Но приходя на кладбище, мы приносим ему «нечетные» букеты, мы говорим с ним, положив ладони на серый камень. И самое чудесное – Витя тоже говорит с нами. Через песни, в нужное время и в нужном месте звучащие, через яркие моменты присутствия, частенько спасающие жизнь, через сны, остающиеся в памяти навсегда. Он стоит за спиной каждого, кто нуждается в нем, кто в Том Августе потерял способность дышать. Мы говорим ему «эти несколько слов» и он опять «готов оставить след на этом снегу»...

ЧТО БЫЛО «ДО»

Шел 1989 год. Мне было 11 лет. Я была тогда замкнутая, упрямая и глупая. И при всем при этом ужасно гордая. Для меня не существовала современная музыка, мода и пр. Я не знала, что такое общение со сверстниками – с ними мне было скучно. У меня не было ни единой кассеты. Не было магнитофона. Я слышала только то, что показывали по телевизору. А поскольку телевизор очень часто ломался, то из источников информации оставались только радио «Маяк» и киоски звукозаписи.

Одноклассники приносили на школьные посиделки разные модные кассетки. Две девочки даже могли похвастаться двухкассетниками. Наверное, именно тогда, осенью 1989 года, я впервые услышала группу «Кино». Конечно, большей популярностью в наших кругах пользовались опусы «Ласкового мая» и пр. поп-команд. Я, будучи раком-отшельником, находилась в постоянном конфликте с классом и, ясное дело, заведомо отвергала все, что нравилось остальным. Я не ходила на школьные праздники, не примыкала ни к каким группировкам. Я предпочитала книжки и гордое одиночество. Меня до сих пор трясет от мысли, что моя собственная дурость помешала мне услышать Цоя тогда, в 1989-м. Но как бы то ни было, приходится признать: живой Цой проходил мимо меня, не задевая. Правда, судьба уже в 1989-м давала мне знаки, что она приготовила для меня в будущем.

Я хорошо запомнила один эпизод из «той», доцоевской жизни. Летом мы всей семьей отдыхали на море, в Мариуполе. Там, не желая плескаться на грязном городском пляже, мы каждый день ездили в порт – вода там была чище и обстановка приятнее. И каждый день автобус двигался вдоль длинного серого забора, который огораживал порт. И на одном из поворотов этого бесконечного забора было написано красной краской: «Здесь разбился Дима», даты жизни и смерти, два траурных венка с черными лентами. И стоило мне увидеть эту надпись, у меня сжималось сердце и все начинало ныть. Не знаю почему, но мне ярко представлялась машина, со всей скорости врезающаяся в этот забор. Становилось жутко.

Это был первый привкус того потрясения, которое позже полностью меня изменило...

Хорошо помню, как весной 90-го мои одноклассницы хором пели «Звезду по имени Солнце» на уроке труда. И на этот раз Цой прошел мимо! Ничто не толкнуло мою заледеневшую душу. Ни один звук из окружающего мира не доходил до меня. Кокон был непроницаемым. Меня никто не понимал, и я тоже никого не понимала. Я ничего не хотела знать о мире, который меня не любил и встречал насмешками любое мое движение, любое слово... Поэтому я не услышала Виктора Цоя, который пел уже свои последние песни, давал свои последние концерты. Мне было всего 12 лет, и у меня был самый настоящий аутизм. Это объективные причины, которые, наверное, оправдывают меня. Но я никогда не смогу простить себе эти годы, когда Витя был жив и пел для меня, а я не хотела ничего слышать. Почему-то Бог распорядился так, что именно смерть разбудила меня...

15.08.90

Все лето 90-го мы с мамой ходили по театрам. К началу августа вернулись домой, в Кустанай. Я пару раз сходила на аттракционы (там, помню, из киоска звучала «Пачка сигарет»). Стояла очень теплая погода, в военном городке полным ходом шла подготовка ко Дню авиации. Это был любимый праздник. Я всегда с нетерпением ждала этого дня.

Буквально за день до праздника я гуляла со знакомыми девчонками – мы частенько просто шатались по вечерним улицам и дышали воздухом. Они обычно разговаривали о чем-то своем, а я плелась рядышком и помалкивала. Так было и в этот раз. Я шла и ловила обрывки разговора: «Такой хороший человек... Так жалко... Молодой ведь совсем был...» Я спросила: «О ком это вы?» Подружка ответила: «Виктор Цой погиб. Знаешь – «Звезду по имени Солнце» поет, «Пачку сигарет», «Группу крови»? Разбился на машине». «А-а-а...» – сказала я. И у меня нехорошо екнуло сердце – вспомнился серый забор с красными буквами и траурные венки...

Эта безумная боль, которая кругами расходилась по нашему городу, по всей стране – она меня потрясла. Я никогда этого не забуду. Эти искаженные лица прохожих, слезы, умолкшая музыка, стихшее веселье... Лето оборвалось. Да что там лето – для многих жизнь кончилась. Небо померкло, мир стал черно-белой бетонной ловушкой без выхода, без воздуха, без надежды... Я помню, как, обнявшись, плакали афганцы, молодые поседевшие парни, повидавшие на своем веку весь мыслимый и немыслимый ужас. Потом я встречала их с гитарой в центре города. На них были черные футболки... Подруга рассказывала, что

на территории пионерского лагеря, в котором она тогда отдыхала, постоянно орало радио. Новость о смерти Цоя прогремела над головами во время вечерней линейки. Несколько девочек потеряли сознание, начался переполох... До конца сезона (который только-только начался) отменили все дискотеки и все ребята носили на руке черные повязки... Их никто не принуждал, не заставлял – это был искренний взрыв горя, настоящий траур...

День авиации, 19 августа, был безнадежно испорчен. Это был день Витиных похорон...

Я помню, как все стены вокруг за каких-то несколько дней покрылись надписями «Витя, вернись! Я не верю!». Это не был пиар, флешмоб или рекламная акция. Это было стихийным порождением того страшного удара, безумной боли, горя. Люди портили стены не потому, что их об этом попросили или давали за это денег. Они делали это, чтобы не свихнуться, не наложить на себя руки. Им просто некуда было идти, а сидеть наедине с собой и с этим кошмаром было совершенно невыносимо... Так и появились все многочисленные Стены Цоя в нашей огромной стране. Они выросли из общего горя, из боли, из веры...

Я впервые в жизни видела такой взрыв горя. И мне было не по себе. Перед глазами почему-то постоянно плясали красные буквы на сером заборе и траурные ленты. Я еще не знала, ЧЕМ обернется этот август. Я с трудом могла вспомнить пару Витиных песен и совсем не знала, кем был этот молодой человек, разбившийся на машине утром, в среду 15 августа...

СОРОК ДНЕЙ

Лето отгорело. Наступил сентябрь. Я отправилась в школу, в 8-й класс. Никакой радости от этого я не испытывала: с одноклассниками в лучшем случае был вооруженный нейтралитет, а в худшем... Но тот сентябрь меня несколько удивил: никто ко мне не цеплялся, не дразнил, не было привычных уже насмешек. Они смотрели сквозь меня.

На первый урок музыки одноклассница Наташа принесла катушку «Кино». Учитель безропотно пожертвовал сорока пятью минутами и своими календарными планами. И вставил бобину в магнитофон...

На класс медленно лилась музыка. Не помню точно, но, кажется, это был сборник. «Пачка сигарет», «Алюминиевые огурцы», «Спокойная ночь»... Когда заиграла «Легенда», Наташа не выдержала и, громко всхлипнув, уткнулась в парту. Некоторые девчонки расплакались вместе с ней. А на меня обрушилась целая вселенная – звезд, боли, света и тьмы. Боль лилась из динамиков, она была растворена в воздухе, в той мертвой тишине, которая царила в классе. Я слушала песни, смотрела на

Наташу и чувствовала, как внутри что-то медленно трещало, ломалось и с грохотом падало. Это слезала с души многолетняя кожа, падали ледяные стены, которые я возводила вокруг себя всю жизнь. В меня впервые попали звуки и голоса, и человек по имени Виктор Цой вдруг вошел в мою одинокую жизнь. Он не кричал, не смеялся надо мной, он никуда не звал, ничего не требовал. Он рассказал мне обо мне самой и запросто вошел в мое сердце – тихо, властно и аккуратно, не тревожа мои раны и не подавляя желания. Он пришел, чтобы остаться навсегда.

Давно разошлись дороги моих одноклассников. Давным-давно уже забыли они этот урок музыки, да и сам Виктор Цой остался для них лишь воспоминанием о ранней молодости. А я так и осталась сидеть за первой партой в кабинете № 1 своей средней школы. Прошло много лет, я выросла, поумнела, многое поняла и выучила, но та музыка, тот голос, которые обрушились на меня тогда из динамиков, до сих пор звучат во мне. Надеюсь, что Витя простит мне то, что я не слышала его, пока он был жив. Простит за 19 лет верности, любви и скорби...

В конце сентября, открыв газету, я наткнулась на объявление в программе ТВ: «Человек в черном. Памяти В. Цоя». Концерт. Поздно ночью. Я дождалась, включила телевизор на минимальную громкость и смотрела на того, кто так внезапно вторгся в мое гетто и без всяких усилий разрушил стены, которые я сооружала годами. Многих моментов я не понимала. Зато сильно резануло по сердцу, когда Марьяна Цой не смогла сдержать слезы, когда Юрий Шевчук не смог допеть свою «Последнюю осень»... Это было самое начало горьких, черных дней...

После этого концерта я перебрала старые журналы и нашла в одном из них Витину фотографию. Она была совершенно жуткого качества, но она БЫЛА! Так началась главная мания моей жизни, не прекратившаяся до сих пор. Я охотилась за фотографиями, заметками, позже перерачивала вверх дном весь город в поисках записей группы «Кино». Но все это было несколько позже.

БОЛЬ

Я совсем не помню Новый 1991 год. Зато хорошо помню знакомство с «Черным альбомом». Как-то зашла к однокласснице домой (по какому-то неотложному делу). В ее 2-кассетнике крутилась кассета «Кино». Так я впервые услышала «Муравейник». Я напросилась остаться подольше, прослушала кассету от начала до конца и окончательно поняла – все! Я ПОПАЛА...

Дома я написала письмо на фирму «Мелодия», в котором умоляла прислать мне пластинку «Кино». К тому моменту я знала, что на «Мелодии» выходил альбом «Ночь» и надеялась, что где-нибудь в запасниках

найдется один экземпляр для меня. Магнитофона-то у меня не было! Прошло время, с «Мелодии» пришла посылка. Мама принесла с почты большую плоскую коробку и очень удивилась, вынув из нее черную пластинку с четырьмя буквами на конверте – «Кино»... Альбома «Ночь» на складах фирмы не было, но какой-то сердечный человек понял мое горе и выслал мне новенькую пластинку, которая известна теперь как «Черный альбом». Долгое время это была единственная запись, которой я располагала. Летом 1991-го у меня появился магнитофончик (крохотный, старенький, советский) и сразу четыре альбома – «Начальник Камчатки», «Группа крови», «Звезда по имени Солнце» и, конечно, «Черный альбом». Меня захлестывала моя первая в жизни любовь. А вместе с любовью – совершенно безумная боль. Разум совершенно отказывался признавать правду о том, что Виктор Цой погиб. Конечно, эти слова ничего не выражают – то, что я чувствовала тогда, невозможно выразить даже на великом русском... С тех пор прошло много лет, но даже сейчас я не могу равнодушно слышать слова «август», «Прибалтика», вздрагиваю от цифр 15, 28, 90... Это навсегда осталось во мне. Моя жизнь разделилась на две эры – «до» и «после» страшного августа...

Несложно представить, каков был этот неподъемный ужас, который обрушился на меня в 13 лет. Сейчас, много лет спустя, я понимаю – будь я постарше, знай я Цоя года с 88-го, 15.08.90 я бы не пережила. Только мое неведение спасло меня... Я и сейчас-то удивляюсь, как я осталась в здравом уме, не умерла, не задохнулась. Когда я читала про палаточный городок на БК, я несколько не удивлялась – мне было понятно, почему эти люди не смогли оттуда уйти...

Под влиянием кошмара 15.08.90 я превратилась в совершенно другого человека. Весь 1991 и 1992 годы прошли в лихорадочной беготне по библиотекам, киоскам и магазинам – я собирала все, что имело хоть какое-то отношение к Вите. Статьи, некрологи, письма поклонников, фотографии, конечно же, кассеты с альбомами. Я поглощала информацию, как смертельно голодный человек набрасывается на хороший ужин. Я хотела знать нем все, почувствовать его душу, прикоснуться к нему, увидеть самую глубину его сердца...

Это был очень интересный путь. Сначала он был моим героем, загадкой, самым лучшим и любимым певцом и музыкантом, Виктором Цоем. Постепенно, с течением времени, ореол загадочности и романтики тускнел и осыпался. А из-под лакированного образа, глиняной кожуры кумира-идола появлялся простой человек, просто Витя. И оттого, что спадала вся надуманность и шелуха, Витя становился все более живым, родным, знакомым. Герой-одиночка стал улыбчивым, застенчивым и добрым парнем с большим сердцем и лучистыми глазами. Мне вдруг

стало ясно, что я знаю его тысячу лет, что я всегда ждала и любила только его... Нет, это была не влюбленность. Это странно, но в моих чувствах к нему никогда не было ни малейшего намека на любовь-эрос: Витя сразу и навсегда стал мне братом. Друг, учитель, наставник, он помогал мне взрослеть, терпеть боль и неудачи, отвечал на все вопросы, раскрывал мне глаза на жизнь, смерть, любовь, людей, Бога... Любую ситуацию я раскладывала по принципу: «А как бы поступил Витя? Что он сказал бы на это?» И старалась сделать именно так. Витя стал моей совестью. И за 19 лет ни разу не пожалела об этом. Он никогда не давал плохих советов.

СНЫ

В начале 1992 года появились сны. Не буду их пересказывать, но сразу поясню, что я всегда крайне подозрительно относилась ко всякой мистике, я за всю жизнь не раскрыла ни одного сонника или толкователя. Но ЭТО было сильнее меня... Если скажу, что сны с Витей определяли мое поведение или жизнь, то совру. Не так много их было. Но правда в том, что любое его появление поднимало мой дух, помогало бороться с собой, с миром, с болью, которая временами просто съедала. И – удивительная вещь! – на каждый вопрос я получала ответ. Не было ни одной ситуации, из которой Витя не указал бы мне выхода. Много было «случайностей», слишком много. Думаешь о самоубийстве (да, кому хотя бы раз в жизни не приходит такая мысль?) – и тут же из ларька на улице звучит «Легенда». «Смерть стоит того, чтобы жить», – мягко напоминает мне Витя. Я вытираю слезы и перешагиваю еще один день. Или накатит вдруг такое отчаянье и бессилие, что просто глаза утром открывать не хочется, – и слышишь, как в соседней квартире магнитофон кричит: «Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть...» И послушно распрямляешь спину, сжимаешь зубы и идешь вперед, повторяя заветные слова, как заклинание, как молитву... Именно он научил меня прощать. «И есть чем платить, но я не хочу победы любой ценой. Я никому не хочу ставить ногу на грудь». Говоришь себе: «Раз Витя сказал, значит, именно так и нужно». И злость медленно испаряется...

Так мы разговаривали с ним гораздо чаще, чем во сне. Да и сейчас разговариваем... А настоящих, ярких, мистических снов с ним было всего ничего. И никогда – по пустякам. Любое самовнушение я исключаю, поскольку с сентября 1990 года не было ни одного дня, когда я бы не думала о нем. И если бы мои мысли и желания каким-нибудь образом определяли мои сны, то Витя снился бы мне по несколько раз за ночь...

«СЛУЧАЙНОСТИ»

Началось все, кажется, с книги «Виктор Цой: стихи, документы, воспоминания», которую мне купила в Челябинске мама. «Она словно тебя дожидалась – я последнюю у продавца выхватила», – сказала она мне, вручая мне черный том. Помню, что мама приехала очень рано, около 5 утра. И я полдня читала, не отрываясь... Последний экземпляр «Кино» с самого начала» я приобрела чуть позже на том же челябинском книжном развале. В 2001 году мне достался последний томик «Звезды по имени Цой». Потом я случайно нашла «Кино» до самого конца» в московском Доме книги. Разумеется, книжка была последней... Та же история была с кассетами, плакатами, альбомами. Нужные книги уже привыкли меня дожидаться на прилавках, и, забирая очередной «последний экземпляр», я не удивляюсь...

1996 год, второй год университета. Это был пик моих лихорадочных поисков. Однажды зайдя в комнату сестры, я увидела на столе потрепанную папку. Что-то заставило меня раскрыть ее (хотя я редко трогаю чужие вещи). Там оказался журнал «Коре сарам». Я прочитала его там же, не сходя с места, не в силах оторваться даже на минуту.

Журнал оказался чужой и довольно редкий. Хозяин отказался даже разговаривать о возможной его продаже. Я сжала зубы и начала отчаянно прикидывать, во сколько мне выльется его цветная ксерокопия и где ее можно сделать в нашем маленьком городе...

Некоторое время спустя мы с подругой торопились на автобусную остановку. Пробегая мимо газетных развалов с бульварной прессой, тетрадями и пр., я вдруг остановилась. Почему? Не знаю. Какая-то сила заставила застыть на месте и развернуться к одному из прилавков. Подруга недовольно дергала меня за рукав – опоздаем, мол, потом сорок минут на остановке мерзнуть. Я же пристально изучала обложки и... нашла! Среди всей этой глянцевої пошлости стоял «Коре сарам». С обложки на меня смотрел Витя! Я спросила про цену (она была очень смешная), достала деньги... Экземпляров осталось два – как раз мне и подруге. Она ошарашенно смотрела на меня: «Откуда ты знаешь? Когда ты успела углядеть?!» А я не знаю. Я не увидела – я почувствовала...

Точно такая же ситуация была с «Иглой». Я искала видеозапись фильма почти 6 лет (о, как трудно понять это в нынешнее время, когда можно купить или скачать что угодно!). Задавала один и тот же глупый торговцам кассетами, получала один и тот же отрицательный ответ и недоуменные взгляды. Но надежды не теряла. И однажды, когда мы опять опаздывали на автобус, я вдруг остановилась. На лотке стояли видеокассеты. Автоматически спрашиваю: «Игла» есть?» И вдруг получаю неожиданный ответ: «Да, только кассета у меня дома». Эффект разорвавшейся бомбы. ЕСТЬ! Я, конечно же, насмерть приклеиваюсь к лотку, прощаюсь с подругой и

говорю продавщице: «Я заплачу вам вдвое больше, если вы принесете ее прямо сейчас». Женщина, видимо, поняла мою реакцию: «Нет, зачем же больше? Я живу недалеко. Подождете минут десять?» ДЕСЯТЬ МИНУТ! Я могла стоять возле этого прилавка еще десять лет... Она вернулась, я расплатилась и унесла свое сокровище домой...

Сейчас уже найдены и собраны все видео- и аудиозаписи, в архиве сотни фотографий, публикаций и пр. Теперь моя интуиция работает, в основном, на радиоволнах. Как? Да так же, как и раньше. В какой-то момент включаю радио, проходит минут пять, и в эфир льется «Звезда по имени Солнце», «Место для шага вперед», «Перемены» или «Троллейбус». Вне зависимости от формата радиостанции: это может быть «Маяк», «Наше радио», «Ретро» или какая-нибудь «Европа-Плюс». Как это происходит, я не знаю. Я просто чувствую, если рядом находится нечто, связанное с Витей. Это наитие, триста седьмое чувство, обостренное до предела...

В 1995 году, на первом курсе университета, я подружилась с одной девушкой. И случайно выяснила, что у нее есть видеозапись концерта «Кино» в Лужниках! На старой кассете, жуткого качества, без цвета, но она БЫЛА! Как же редко я могла видеть его по телевизору! Раз в год, и это в лучшем случае... И тут: «Мои родители в Алжире работали. А когда в Союз вернулись, купили видеомэгнитофон. Брат, помню, записывал...» Я нахально напросилась в гости. Мне уже было не до приличий, не до скромности! И... кнопка Play... на экране появляется человеческое море, сцена, Витя, нервничая, выходит к народу и говорит свое: «Здравствуйте. Спасибо, что вы пришли. Мы начинаем»... Господи, как я плакала в тот вечер, оставшись одна! Он улыбался мне и рассказывал о своих планах на осень, а я сидела в треклятом 95-м году и знала, КАКОЙ будет та осень...

1998 год. Зима. Я сижу у подруги, уже потихоньку собираюсь домой: добираться из пригорода довольно долго. Чего-то щебечет местная радиостанция – кажется, какая-то ерунда про советы психолога. И между этими самыми советами включается разная музыка. За увлекательной беседой я решаю заночевать у подруги. Радио звучит фоном, мы не особо вслушиваемся. Тут краем уха я слышу начало незнакомой песни. «Блин, – говорю возмущенно, – опять какая-то зараза под Цоя косит. Ты только послушай!» Но проигрыш заканчивается, и я слышу:

Я устал от чужих городов,

*я устал колоть этот лед,
я хотел бы уснуть, но нет времени спать...*

С первой же строчки я со всей очевидностью понимаю: никто под Цоя не косит. Потому что это ОН САМ. Его голос, его песня, КОТОРОЙ Я НЕ ЗНАЮ! Подруга испуганно трясет меня: «С тобой все в порядке?» А у меня просто классический ступор... А что если бы мы не включили радио? Если бы я встала и уехала?..

Так я познакомилась с «Соснами на морском берегу». Утром следующего дня удивленные охранники кустанайской радиостанции увидели мою решительную физиономию – я отправилась прямо к диджеям с целью задать единственный вопрос: ГДЕ??? Удивительно, но я получила ответ. Наглость – второе счастье: народ, по счастью, попался отзывчивый и понятливый. Мне тогда записали целую кассетку раритетов («Постой, паровоз» и «Машина пламенем объята», конечно же, «Сосны на морском берегу», «Асфальт»...)

Совершенно невероятная история случилась со мной однажды прямо в центре города. Помню, мы с подружкой шли к кому-то в гости. Было хорошо, мы шагали не торопясь. В какой-то момент я поднимаю глаза и вижу сумасшедшую тетку, знаменитую на весь город своими семиэтажными матами (она обожала орать их во весь голос) и всякими дикими выходками. Совсем невменяемая особа, которую все старались обходить за три версты. Но отступать нам было некуда, и мы храбро двинули вперед. Поравнявшись с нами, тетка вдруг остановилась и завопила, глядя мне в глаза и с опаской косясь куда-то за мое левое плечо: «Ты что, думаешь, что этот тебе поможет?!» Я оглядываюсь – никого! Спрашиваю удивленно: «Кто?!» Тетка: «Вот этот – в черном, с гитарой! Пусть он не смотрит так на меня!» Я еще раз оглядываюсь – совершенно пустынная улица! Я задаю ей какие-то вопросы, она что-то кричит в ответ, а потом резво убегает, по-прежнему нервно поглядывая на кого-то неведомого, кто шел позади меня... Я останавливаюсь как вкопанная и спрашиваю подругу: «Ты это слышала?» Она: «Да. Только ничего не поняла. Про кого это она?» И тут до нас медленно ДОХОДИТ...

Замечу лишь, что одеты мы были совершенно обычно и никаких «киноманских» фенек ни на мне, ни на моей подружке не было. Гитары тоже не было. И эта история даже под галлюцинации никак не попадает, поскольку мы в тот момент даже разговаривали про какие-то глупости... В общем, без комментариев...

Реальная история. Тоже со свидетелями. Случилось мне написать целую дипломную работу по творчеству Цоя. С моим яростным желанием защищаться именно по этой теме преподаватели пытались бороться, но тщетно – я уцепилась намертво, вписалась под вывеску «Современная литература». Написала, защитилась. Потом, как водится, сдала ее в архив. У меня остались только черновики и электронная версия на жестком диске компьютера. И тут случается катастрофа! ВИРУС! Короче, он уничтожил все, что было можно. Я принесла комп на работу. Наш программист посмотрел на меня, на компьютер и печально произнес: «Нда-а... Придется форматировать...» Файлы спасти невозможно. Ужасно обидно. Бог с ними с фотками и рассылками, но дипломную мне было жалко отчаянно. Но что поделаться? Format C, жесткий диск идет под топор. Потом заново устанавливаем Windows и... вывешивается красное окошко с загадочной надписью «Внимание! Идет восстановление данных». У программиста глаза и брови ползут на лоб – ну, не может на свежесформатированном винте содержаться данные, которые подлежали бы восстановлению! Как вы думаете, что именно сохранилось? Совершенно верно – дипломная работа. И еще несколько важных материалов о Вите... Этот факт до сих пор никто не может мне объяснить.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Миллионы «случайностей». Из года в год, из месяца в месяц. В скольких судьбах? Неизвестно. Только одна я узнала из приватного общения десятки таких историй... Теория вероятностей разлетается вдребезги. Здравый смысл отправляется следом. Все это категорически необъяснимо, но очевидно настолько, что, например, мои родные и друзья давно привыкли и не удивляются. Моя мама, заходя со мной в магазин и слыша в этот момент Витину песню по радио, лишь бросает буднично: «О, Витя опять передает тебе привет...» Это вроде как абсолютно нормально. Ничего особенного. 19 лет общения с человеком, который перешагнул рубеж смерти, но никуда не исчез.

А сколько еще необъяснимого? Сколько несостоявшихся суицидов из-за вовремя зазвучавшей «Легенды»? Ежегодно я пополняю свой список жизней, спасенных Витей таким способом, новыми именами. Только я. А сколько их еще, неизвестных, не рассказанных? А сколько еще необъяснимого и странного творится вокруг него? Слышали, например, про тепло, исходящее от могильной плиты в любое время года? Я сама чувствовала его неоднократно. О том же мне рассказывали десятки людей. Нормальных, замечу, вменяемых людей. Серьезных, образованных, взрослых. В связи с этим мне даже признавались, как

некто пытался покончить с собой – замерзнуть насмерть рядом с Витиной могилой – и... не смог! Была зима, стоял жуткий холод, человек этот очень старался, но... Простудился, но не замерз! Витя буквально выгнал его с БК...

А знаменитый в нашей среде «эффект присутствия»? Когда люди приходят на кладбище не для того, чтобы почтить память мертвого человека, а чтоб побыть с ним – живым! Не кладбище, а дом свиданий, честное слово! Добрая половина из тех, кто регулярно бывает на Богословке, утверждает одно и то же: они встречаются там с Витей, они чувствуют его реальное присутствие. Живое присутствие. Общаются с ним. Получают какие-то ответы на какие-то вопросы, отдыхают душой, греются. Я никогда не забуду один эпизод. Меня как-то занесло в Петербург в феврале. Конечно же, я поехала к Вите. Там встретила молоденькую девушку, мы разговорились. Она призналась мне, что она приемная дочь в семье и ей ужасно трудно и одиноко жить. «Когда совсем припрет, я прихожу к Вите. Отдохну, погреюсь, пообщаюсь с ним и вроде дальше можно жить...» Посреди зимнего жуткого холода этот несчастный ребенок пришел греться на кладбище! И ведь согрелась же! (Кстати, мы просидели там около часа и совершенно не замерзли). Она общается с ним, набирается сил и возвращается обратно, в свою трудную действительность, чтобы бороться с миром, преодолевать себя...

Никто не знает, сколько нас таких, кто до сих пор собирается вокруг Виктора Цоя, как вокруг костра. Скольких людей Витя все эти годы спасал, и до сих пор вытаскивает из отчаянья, одиночества, пьянства и наркотиков, скольких согревает, скольким помогает взрослеть, принимать важные решения, становиться лучше?.. Нет числа. Нет научного объяснения. Нет даже элементарного – слов.

Это личный опыт. Мой. Моих друзей. Многих и многих, кто не решается говорить об этом вслух, из боязни прослыть сумасшедшим. Но это ЕСТЬ. Потому что Цой жив. И это не просто надпись на заборе – это реальность. НАША С НИМ реальность.

осень, 2009 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя	3
Предисловие составителя	4
До сих пор он – самый любимый. Диана Русова	7
Стихи	8
Пишет: «Бэтман»	10
Голос сердца. Олеся	11
«Ты лишь один...» Олеся	14
Стихи	15
Дожди, собаки и звезды. Ольга Лехтонен	18
Стихи и песни	21
Пишет: Fademan	28
Письмо в газету «Ленинградский рабочий», 1993 год	29
Три точки. Екатерина Слаута	30
Письмо в газету «Комсомолец Донбасса», 1990 год	35
Кажется, я знаю Цоя всю жизнь. Сергей Термер	36
Стихи и песни	39
Окна. Мавра Звенигородская	42
Ядид навши – друг души моей. ЛЮ	44
Стихи и песни	46
Пишет: «Дмитрий»	48
Цою посвящается. Римма Герасименко	49
Письмо в газету «Молодой коммунист», 1991 год	51
Оборванное лето. Екатерина Слаута	52
Отрывок из статьи спецвыпуска газеты «Ленинская смена», 1991 год	54
Стихи и песни	55
Пишет: Андрей Макаров	58
Письмо из журнала «Аврора», 1991 год	59
Слова. Ника никитишна (Пуся)	60
Стихи и песни	62
Кохав бэ шем шемеш. Елена Пепел	64
Стихи и песни	66
Пишет: Ирина	68
Началось все банально просто. Ольга	69
Виктору Цою посвящается. Натали	73
Стихи и песни	74
Пишет: неизв.	76
Письмо из журнала «Мы», 1991 год	77
«Кино» в моей жизни. Металий Радуга	78
Стена Цоя в Минске (стихи)	81
Стихи	82
Пишет: grass6	84
Пишет: Паша Ч. Питер	84
Память сердца. Елена Зелинская	85
Стихи и песни	98
Пишет: Полина	102
Письмо из газеты «Невская заря», 1990 год	103
Перемен!.. Екатерина Слаута	104
Ночь. Борис Зацерковный	106
Стихи и песни	113
Ленинград. 19 августа 1990-го. А.Русанов	116
Стихи	118
Мне Цой помогал жить. М. Вахменина	120
Письмо из газеты «Сорока», 1993 год	122
Песня	123

Прогулка. Дарья Крушинская	124
Письмо из журнала «Аврора», 1991 год	133
Стихи	134
Пишет: ОНА	136
Двадцать первое. Звезда. Светлана Звонкова	137
Письмо в газету «Сорока», 1993 год	139
Стихи	140
Пишет: Виктор Бодровский	142
Пишет: Оксана Гаевская	143
15.8.3. Леший	144
Песни	148
Пишет: Илья Iskra	150
Звезда по имени... Цой. Кристина Боярова	151
Стихи	153
Пишет: Ольга Муршудова	156
Мне было 13 лет. Kinomanka	157
Письмо в журнал «Мы», 1991 год	160
Я лично не знала его. Наталья Соловьева	161
Стихи и песни	162
Пишет: Йогин	164
С плакатом: «Хочу быть как Цой». Anthurium	165
Стихи и песни	173
Пишет: Валерий	176
Пишет: Ромик Александров	177
Слушала Витю с детства. Анна Термер	178
Стихи	182
Откуда ты, печаль? Наталья Максимова	184
Письмо в газету «Молодежный курьер», 1991 год	187
Стихи	188
Пишет: Алексей	190
Пишет: Эрнст Хафизов	191
Переулоч, в котором зажигают свечи. Ирина Степанова	192
Стихи	194
Плакаты улыбались. Екатерина Слаута	196
Письмо из газеты «Кайф», 1991 год	199
Стихи и песни	200
Пишет: Юлия Кардакова	202
Я нашла свою музыку. Марианна Максимова	203
Письмо в журнал «Аврора», 1991 год	207
Стихи	208
Было это в 1988 году. Павел (centaurus)	210
Стихи	212
Белая роза. Олесик	214
Письмо в журнал «Аврора», 1991 год	215
Прошел год. Викентий Шелест	216
Странная «киноманская» история. А.Г.	216
Письмо в газету «Молодежный курьер», 1991 год	218
Стихи	213
Пишет: Мария Колесова	220
Я была еще малышкой. Екатерина Алымова	221
Вечная память. Иван Батурин	222
Письмо в газету «Переходный возраст», 1995 год	224
Стихи	225
Жизнь, победившая смерть. Ольга Лехтонен	226

ДЕТИ ОДНОГО СОЛНЦА
КНИГА ПОКЛОННИКОВ ВИКТОРА ЦОЯ
Автор-составитель: Лехтонен О.П.

Верстка, корректура, редактура

Ольга Лехтонен

Дизайн обложки

«Aster Studio»

Saarbrücken, Deutschland

aster-studio.de

Издательство «Геликон Плюс»
199053, Санкт-Петербург, 1-я линия ВО, 28
Тел.: (812) 328-63-29
e-mail: heliconplus@gmail.com